

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Философия. Социология.
Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH BULLETIN

“Philosophy. Sociology.
Art Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2019

VESTNIK RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series

Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, Methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: Representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art studies – Alexander V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включена: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматических достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Sociology), professor, RAS corresponding member, head, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

DeBardleben Joan, Dr. of Sci. (Politics), professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Politics), professor, head, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art History), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N. (deputy chief editor), Dr. of Sci. (Sociology), professor of the Department of Political Sociology, dean, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, head, Department of History of Foreign Philosophy, dean, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art History), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art History), professor, Department of Cinema and Modern Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A. (deputy chief editor), Dr. of Sci. (Philology), professor, dean, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art History), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts

Markov Alexander V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany

Reznichenko Anna I. (deputy chief editor), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art History), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art History), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrukun Nina A., Dr. of Sci. (Art History), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Execute editors:

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor (RSUH)

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor (RSUH)

I.O. Shevchenko, Cand. of Sci. (History), associate professor (RSUH)

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)

A.V. Kuchenkova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. ДеБарделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр Ежи, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звезницева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор политических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова
- И.О. Шевченко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- А.И. Резниченко*, д-р филос. наук, проф. (РГГУ)
- А.В. Марков*, д-р филол. наук, доц. (РГГУ)
- И.О. Шевченко*, канд. ист. наук, доц. (РГГУ)
- Е.А. Колосова*, канд. социол. наук, доц. (РГГУ)
- А.В. Кученкова*, канд. социол. наук, доц. (РГГУ)
- О.В. Китайцева*, канд. социол. наук, доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

- Максим И. Переславцев*
Критика взглядов Маркса на религию у Сергея Булгакова
и Джона Милбанка 12
- Дарья М. Дорохина*
Проблема политической власти у С. Франка 24
- Ирина А. Крайнова*
Концептуализация «заговора молчания»
как аспект исследования социальных рисков 35
- Виктор И. Молчанов*
О различии реального и не-реального
на сцене и за ее пределами 46
- Александр В. Кольцов*
Немецкая феноменология о религиозном кризисе
первой половины XX в. 59

Социология: теоретические и эмпирические исследования

- Наиля Р. Маликова*
Многогранность смыслов жизни российской интеллигенции:
Следование социальным идеалам или их симуляции? 71
- Варвара А. Зотова*
Пространство интерпретаций трезвости в социальных науках 84
- Ирина П. Попова*
Творческая профессиональная карьера: как возможен
профессиональный контроль? 91
- Елена А. Гришина*
Проблемы применения наукометрических методов
к измерению эффективности публикационной активности
вузовских преподавателей 103
- Мария А. Вершинина*
Власть и интеллигенция: отношение
к Октябрьской революции 1917 г. 115

Искусствоведение

- Сергей Ю. Штейн*
Дисциплинарность и дискурсивность в искусствоведении:
социопсихологические аспекты 126
- Ирина Н. Седова*
Скульптор Владимир Цигаль. Пространство войны 136
- Ольга В. Зайчикова*
Развитие театрально-декорационного искусства
в России с середины XIX в.
до возникновения Художественного театра 145

CONTENTS

Philosophy. History of Philosophy

- Maxim I. Pereslavl'tsev*
Criticism of Marx's views on religion by Sergei Bulgakov
and John Milbank 12
- Daria M. Dorokhina*
The problem of political domination (S. Frank) 24
- Irina A. Kraynova*
Conceptualization of the "conspiracy of silence" as an aspect
of the investigation of social risks 35
- Victor I. Molchanov*
On distinguishing the real from the non-real on the stage and off it ... 46
- Aleksandr V. Koltsov*
German phenomenology on the religious crisis of the 1st half
of the 20th century 59

Sociology: theoretical and empirical researches

- Nailya R. Malikova*
The many sidedness of the meanings of life of the Russian intelligentsia:
Following social ideals or their simulations? 71
- Varvara A. Zotova*
The field of sobriety interpretations in the social sciences 84
- Irina P. Popova*
Creative professional career.
How is the professional control possible? 91
- Elena A. Grishina*
Issues of the scientometric methods application in measurement
of efficiency of the higher school lecturers publication activity 103
- Maria A. Vershinina*
Power and intellectuals in their attitude
to the October Revolution of 1917 115

Art Studies

<i>Sergey Yu. Schtein</i> Disciplinarity and discursivity in art studies: socio-psychological aspects	126
<i>Irina N. Sedova</i> Sculptor Vladimir Tsigal. The space of the war	136
<i>Olga V. Zaychikova</i> The development of theatre and scenery art in Russia from the middle of the 19th century till the art theater foundation	145

УДК 141.82

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-12-23

Критика взглядов Маркса на религию у Сергея Булгакова и Джона Милбанка

Максим И. Переславцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
mpereslavcev@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды двух христианских богословов, Джона Милбанка и Сергея Булгакова, на критическую позицию Карла Маркса по отношению к религии. Известно, что, с одной стороны, критика религии в философии Маркса представлялась ему основой всякой другой критики, а с другой, уже среди его современников были мыслители, называвшие себя «христианскими социалистами». Сергей Булгаков также относил себя к данной традиции, а Джон Милбанк, развивая эти идеи в наши дни, ссылается не только на первых социалистов XIX в., но и на труды русских мыслителей, в том числе и Булгакова.

В статье отмечено не только сходство мысли двух авторов, которые заявили о своей приверженности идеям христианского социализма, но и различие в методах критики и акцентах на философском контексте, в котором сформировалось отношение Маркса к религии. Так, если Булгаков считает Маркса несамостоятельной фигурой в истории философии, полностью зависимой от идей Фейербаха, то Милбанк идет глубже, обращая внимание на предпосылки основоположений Маркса уже в классическом немецком идеализме.

Ключевые слова: Маркс, Фейербах, Булгаков, Милбанк, религия, секуляризм, критика

Для цитирования: Переславцев М.И. Критика взглядов Маркса на религию у Сергея Булгакова и Джона Милбанка // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 12–23. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-12-23

Criticism of Marx's views on religion by Sergei Bulgakov and John Milbank

Maxim I. Pereslavitsev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
mpereslavcev@gmail.com*

Abstract. This article is dedicated to the attitude of two Christian theologians, John Milbank and Sergius Bulgakov, towards critical views of Karl Marx on religion. It is known that, on the one hand, the criticism of religion in Marx's philosophy seemed to him to be the base of any other criticism and, on the other hand, that already amongst his contemporaries there were thinkers who named themselves "Christian socialists". Sergius Bulgakov also identified himself with that tradition and John Milbank, who develops those ideas today, refers not only to the first socialists of 19th century, but also to works of Russian thinkers including Bulgakov.

This article not only points out to the affinity of thought of two authors, who declares themselves to be Christian socialists, but also to the difference in critical methods and in accents on philosophical context in which Marx' attitude towards religion was shaped. For example, while Bulgakov concerns Marx not to be self-contained thinker in the philosophy history, completely dependent on Feuerbach's ideas, Milbank goes further, drawing attention to precondition of Marx' foundations to be already existed in the classic German idealism.

Keywords: Marx, Feuerbach, Bulgakov, Milbank, religion, secularism, criticism

For citation: Pereslavitsev MI. Criticism of Marx's views on religion by Sergei Bulgakov and John Milbank. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;2:12-23. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-12-23

Введение

Дискуссия о постсекулярном с философской точки зрения в последние годы охватывает самые разные области: от политической философии (например, постлиберализма) до феноменологии. Раскрываются интересные перспективы и для историко-философского измерения. В частности, традиция русской религиозной философии может рассматриваться не как изолированная от западной традиции или подчиненная ей, но как созвучная или даже предвосхищающая некоторые сюжеты. В настоящей статье мы обратимся к одному из таких случаев.

Одно из наиболее заметных направлений современной пост-секулярной мысли – «радикальная ортодоксия» – объединяет богословов разных конфессий, противостоящих радикальной и либеральной теологиям, признавшим подчиненность богословия секулярным дискурсам. По мнению авторов «радикальной ортодоксии», традиционная христианская мысль не только не обязана искать союза с мыслью светской, но и может представить достойную альтернативу ей. Один из ключевых авторов данного направления – Джон Милбанк (р. 1952) – посвятил свою первую крупную работу «Теология и социальная теория» [1] критике светских дискурсов об обществе и государстве, основанной на теологическом происхождении тех или иных форм «секулярного разума», а также развитию христианского социализма. В рамках схожей проблематики творил русский философ Сергей Булгаков, также использовавший термин «христианский социализм». Обращение к социалистической проблематике обоих авторов делает неизбежным рассмотрение идей одного из крупнейших социалистов в истории – Карла Маркса, в том числе его критики религии. Мы решили выяснить, насколько созвучны их оценки и можно ли в данном случае говорить о преемственности идей. Милбанк неоднократно ссылается на Булгакова в своих работах применительно к софиологии и теологической проблематике в целом, однако практически не затрагивает его социально-философских взглядов. Насколько их обращение к критике религии Маркса может быть похоже?

Как известно, во введении к «Критике гегелевской философии права» Маркс называет религию «опиумом народа» [2 с. 415], имея в виду признаки незрелого, слабого человечества, неспособного существовать без повиновения вышестоящим сильным мира сего. Любая религия является идеологическим оформлением такого подчинения, ширмой, которой голая власть скрывает свою природу или легитимирует ее. Но дело не ограничивается надстройкой: в «Капитале» [3 с. 80–93] Маркс отмечает, что логика капитала, являющаяся базисной, устроена по тому же принципу. Таким образом, перемены на базовом уровне, а именно крушение логики капитала, непременно приведут к крушению религии. Механизм такого крушения – осознание всех противоречий предпоследней стадии – можно считать заимствованным у Фейербаха, из «Сущности христианства», где атеизм заключается в переносе божественных свойств с иллюзии на истинного обладателя этих качеств – человека и человечество в целом [4 с. 48–50] (ср. обретение собственности пролетариатом в ходе перехода к коммунизму у Маркса). Таким образом, взгляды Фейербаха имеют если не основное, то важное значение для взглядов Маркса, несмотря на критику со стороны последнего в «тезисах» [5 с. 2].

Значение Маркса, а следовательно и Фейербаха, для Булгакова и Милбанка очень велико. Помимо уже упомянутой связи социалистических идей, а также близости Булгакова к марксизму, оба богослова пишут в контексте развития атеистической философии; так, в случае Булгакова это современный ему марксизм, зрелый позитивизм и зарождающееся нищезанство, в случае Милбанка – все то же самое, только нищезанство в лице французских авторов также достигло пика. Этот фактор требует внятного и последовательного ответа, невозможного без продуманной критической позиции, не имеющей ничего общего с простым отторжением. Поэтому оба автора стремятся найти у Маркса и Фейербаха не только очевидные недостатки, но и важное для теологии рациональное зерно.

Новая «критика критической критики»

Сергей Булгаков посвящает марксистской критике религии две статьи – «Карл Маркс как религиозный тип» [6] и «Религия человекобожия у Фейербаха» [7]. Обе они тесно взаимосвязаны, так как основной пафос Булгакова – зависимость мысли Маркса от Фейербаха. Последнюю Булгаков считает очень серьезной, утверждая, что «Фейербах в гораздо большей степени является духовным отцом марксизма, нежели сам Маркс, который дал только плоть для идей фейербаха» [7 с. 167]. Под последней следует понимать представление Маркса о связи между капиталистической экономикой и современной ей религией (протестантизм, деизм). Также Булгаков отмечает, что взгляды Маркса не изменились с тех пор, как он стал фейербахианцем, и едва ли не единственным отличием было то, что Фейербах предлагал сохранить истинное содержание религии, а Маркс считал нужным избавиться от нее полностью. Последнее Булгаков объясняет качествами личности самого Маркса, проявившимися в переписке и сочинениях, а именно: «гнев, ненависть и мстительность» и пренебрежение к индивиду и христианской религии, которая, по мнению Булгакова, индивида сохраняет и возвышает. Следствием этих взглядов стала антигуманная социология Маркса:

Когда человек упразднит свою индивидуальность... совершится человеческая эмансипация. С той легкостью, с которой Маркс вообще перешагивает через проблему индивидуальности, и здесь он во имя... уничтожения религии, готов растворить эту эмансипируемую личность... [6 с. 262].

Обостренное характером Маркса, такое отношение к личности было теоретически заимствовано, как утверждает Булгаков, из антропологии Фейербаха. Центральное положение последней, *homo hominis – deus est*¹, означает не только то, что человек (!) создал Бога по своему образу и подобию, но также то, что Бог возникает как проекция родового существа [4 с. 145–147] и таким же образом упраздняется, когда наступает осознание человеческого происхождения знания о Боге. Маркс рассуждает схожим образом: миссия освобождения от религии поручается пролетариату наряду с освобождением от эксплуатации, когда приходит осознание трудового происхождения капитала [8 с. 446].

Утверждая такую связь мысли Маркса с Фейербахом, Булгаков пытается оспорить преемственность к Марксу от Гегеля. «Его гегельянство не идет дальше словесной имитации своеобразному гегелевскому стилю, которая многим так импонирует, и нескольких совершенно случайных цитат из него» [6 с. 250]. При этом Булгаков не отрицает зависимость Фейербаха от Гегеля, но считает, что Фейербах стал «водоразделом» между марксизмом и немецким классическим идеализмом, обозначив возвращение к материализму XVIII в.

Насколько такое рассмотрение обоснованно? Здесь уместно обратиться к вышеупомянутой книге Милбанка, где взглядам Маркса на религию и капитал посвящается целая глава. Маркс, по его словам, «пытался привить “теплый” материализм Фейербаха “холодному” англо-французскому материализму» [1 р. 181]. Между двумя видами материализма есть примечательная разница: если первый видел в религии относительно позднюю иллюзию, порожденную незнанием причин и сущности вещей и хитростью духовенства и власти в целом, то подход Фейербаха более историчен: истинное, антропологическое содержание религии со временем отделяется от ложного, богословского, источник которого — иллюзорная проекция человеческого сознания, позволяющая ему обнаружить соответствующие качества (истина, мораль, красота) сначала извне, а затем и в себе. В отличие от Булгакова, Милбанк настаивает на том, что способ синтеза этих концепций у Маркса является гегелевским по своей сути: исторически более поздняя иллюзия является временно необходимой, диалектически отрицательной стадией развития, после которой отчуждение снимается.

Именно этот синтез, призванный заимствовать все достижения предшествующей философии (англо-французский материализм, немецкий идеализм и антропологический материализм Фейербаха), по мнению Милбанка, приводит Маркса к ошибкам и противо-

¹ Человек человеку – Бог (лат.).

речиям. Критикуя философию права Гегеля за сокрытие истинной силы развития государства – экономики – и продвижение иллюзорной – религии, Маркс все же объясняет действие первой в терминах последней. Это подтверждается его тезисом, что «критика религии есть основа для всякой другой критики» [2 с. 414]. Первая трудность состоит в следующем: зачем вообще нужна религиозная надстройка, если сам капитализм в своей основе имеет иллюзорную логику, достаточную для идеологического самообоснования? Кроме того, Милбанк отмечает, что Маркс заблуждается относительно понимания Бога христианства в связи с предполагаемой гомологией последнего и экономики. Так, Маркс считает, что

Бог иудаизма и христианства символизирует некоторую причинную силу, которая действует внутри конечного мира, власти Государства или гражданском обществе. Он никогда не сталкивается с тем фактом, что для ортодоксальной веры «Бог» означает полностью трансцендентную, высшую причину, и поэтому всегда должен оставаться неизвестным, а обращаются к нему как к причине лишь тогда, когда ставится вопрос о причине и цели Бытия в целом [1 р. 185].

Гегелевским у Маркса оказывается и понимание капитализма как необходимой стадии противоречий, после крушения которой наступает примирение; здесь, по Милбанку, очевидно гностическое влияние Якоба Беме, которое Маркс мог заимствовать только у Гегеля; ведь именно последний полагал, что современное государство с его насильственным управлением необходимо для становления Абсолютной идеи и реализации религии; таким образом, аналогия здесь очевидна.

В отношении англо-французского наследия у Маркса позиция Милбанка более неоднозначна. Как следует из его интерпретации, Маркс предлагает «лингвистическое» понимание религии как суеверия и «жреческого обмана»: в результате забвения первоначальной, нейтральной референции языка начинают преобладать метафоры, которые используются классом жрецов (возникшим в результате разделения труда), внушающих людям, что язык дан свыше, тогда как на самом деле он является результатом человеческой деятельности (то же самое говорится о товаре: происходит забвение его истинного происхождения и ему придается мифический статус). Милбанк обращает внимание на критику такой теории значения еще в XVIII в. в трудах Джамбаттисты Вико и Иоганна Гердера, согласно им, значения скорее «создаются», а не «обнаруживаются», а значит, не существует никакой «нейтральной» референции, как не существует «естественной религии» и «общества до разделения труда» [1 р. 179–180].

В отличие от заимствования Марксом гегелевской схемы исторического развития и ее материалистической интерпретации, рассмотрение им капитализма с точки зрения его «грамматики» в духе французского материализма представляется Милбанку плодотворным предприятием, а не ошибкой вследствие влияния «секулярного разума». Милбанк отмечает:

...Маркс продемонстрировал, что в капитализме наиболее мифическими являются именно те элементы, которые соответствуют фактам... речь идет о деньгах и капитале, которые «гипостазируют» эквиваленты, которые мы устанавливаем в процессе обмена [9 с. 274].

Другое дело, что человечество в принципе живет в определенном том или ином мифе (именно к такой интуиции приводят труды Вико и Гердера), а это значит, что переход к социализму должен осуществиться не путем накопления противоречий капитализма и их дальнейшего снятия, а через поиск альтернативной символической конвенции, в основе которой будут иные ценности. Маркс же сохраняет спорные допущения предшествующей политэкономии о том, что стремление к накоплению благ и контролю над природой – неотъемлемые черты человечества, чем опять-таки, по мнению Милбанка, воспроизводит основы секулярного разума.

Итак, Милбанк подробно анализирует основы взглядов Маркса, заимствованные из политэкономии, французского материализма и гегельянства. Критике собственно Фейербаха отводится, по сравнению с ними, гораздо меньше места. Так, Милбанк обращает внимание на превратную трактовку Фейербахом понятия «проекции»: во-первых, эта категория у Фейербаха скорее негативная, так как осознание наших качеств мы получаем, только обнаружив их вне нас, во-вторых,

...если бы Фейербах уделил внимание аргументам Шеллинга и Гегеля против Фихте, вся его критика христианства разрушилась, потому что тогда он вынужден был бы признать, что момент «интуиции» истинных, эстетических и моральных качеств в объективной, естественной реальности нельзя свести к «самопозиционированию» фихтеанского эго без потери реального, конкретного содержания – атрибутов Бога, которые Фейербах пытался сохранить для человека [1 р. 181].

Эта часть критики выглядит странной в силу того, что здесь секулярному разуму – гипостазированной Я в духе Фихте – противопоставляется понимание проекции Шеллинга и Гегеля, которые в понимании Милбанка также ему принадлежат, в отличие от Вико или Гердера. Милбанк не разворачивает эту критику,

вероятно, в силу двойственного отношения Маркса к Фейербаху: хотя Маркс высоко ценил «диалектическую» идею проекции с возвращением истинного содержания, он все же не мог согласиться с позитивной оценкой религии как характеристики этого содержания.

Последнее подчеркивает и Булгаков, видевший в философии Фейербаха «невыведенную тайну марксизма». Как и Милбанк, Булгаков выдвигает «за» и «против» (но только уже Фейербаха, а не Маркса). Основной контраргумент Булгакова можно сформулировать так: человечество в материалистическом понимании не в состоянии заменить Бога, поскольку в этике простая сумма пороков и добродетелей не может соответствовать абсолютному благу, милосердию и т. д. То же самое касается и истины: если абсолютизировать ее социальное происхождение, то получается, что «прав не Сократ, а его судьи, не Коперник, а судивший его трибунал» [7 с. 183–85] и т. д. Наконец, человечество никогда не дано во всей полноте: прошлых поколений уже нет, будущие еще не пришли.

Осознавая трудное положение, Фейербах колеблется между пониманием рода как всего человечества и исключительно близкими людьми. Впрочем, роковую роль играет провозглашение тождества рода и индивида: здесь «Фейербах преобразуется в Ницше, вообще говоря, представляющего из себя антипод Фейербаха именно в этом пункте» [7 с. 184]. Предшественником Ницше Булгаков считает Штирнера, который как раз почувствовал слабость философии Фейербаха в его желании частично отбросить и частично сохранить религию.

Помимо критики Фейербаха, Булгаков обращает внимание на те аспекты его философии, которые следует считать актуальными и полезными для христианского социализма: что человечество божественно и едино как род. Истина познается и создается человечеством коллективно, пишет Булгаков, а значит, божественное в человеке принадлежит его роду, но принадлежит в стремлении к Богу, в соучастии в Нем. Иными словами, Фейербах верно понял суть христианства как религии, предполагавшей обожение человека, но ложно предположил, что последнее можно осуществить через отрицание Бога. Интересно, что Милбанк, как отмечено выше, видит в критике Маркса не только заблуждение, но и положительный момент, полезный для христианского социализма и связанный с разоблачением денежной системы как мифа. Таким образом, и Булгаков, и Милбанк все же находят место в марксизме (или фейербахианстве как его контексте) для доводов, полезных для христианского мировоззрения.

Итак, основной довод Булгакова против марксизма и фейербахианства можно выдвинуть против многих социально-филосо-

софских программ Нового времени: атеизм не в состоянии удерживать синтез коллективного и индивидуального, он способен лишь бессильно колебаться между безличным коллективизмом в духе Маркса и Фейербаха и разрушительным индивидуализмом Штирнера и Ницше.

Только на религиозной почве, где высшее проявление индивидуальности роднит и объединяет всех в сверхиндивидуальной любви и общей жизни, только соединение людей через Христа в Боге, т. е. Церковь, личный и вместе сверхличный союз, способен преодолеть эту трудность и, утверждая индивидуальность, сохранить целое [6 с. 262].

Здесь Булгаков фактически приходит к тем же выводам, что и Милбанк: альтернативой христианской онтологии и этики является признание нередуцируемого насилия, лежащего в основании всего сущего, насилия, которое нельзя отменить, но можно лишь так или иначе ограничить и которое по-разному интерпретируется в теории общественного договора и философии Маккиавелли, политической экономии и позитивизме, в марксизме и гегельянстве. В отношении последнего следует отметить, что Булгаков, критически рассматривая марксизм и позитивизм, практически не критикует философию Гегеля (и весь немецкий идеализм). При этом он упоминает, что Фейербах однажды проговаривается, что «глава государства есть представитель универсального человека» [10 с. 87], считая это одним из следствий внутренней противоречивости человекобожия. Остается непонятным, почему Булгаков не замечает зарождения идеи обожествления государства в немецком идеализме, особенно у Гегеля, считавшего государство шестивем Бога на Земле [11 с. 284]. Ведь даже если такие взгляды Фейербаха не заимствованы у Гегеля напрямую, то по крайней мере можно предположить, что их источником является схожая теология. Так или иначе, Булгаков считает, что Фейербах разорвал преемственность со всей предшествующей традицией. Милбанк, хотя и придерживается иного мнения, считая предшественником Фейербаха не Гегеля, а Фихте, практически не развивает эту тему в деталях. Последнее выглядит странным, ведь, по словам самого Милбанка, Маркс заимствует у Фейербаха понятие религии как надстройки и представление об отмирании религии за счет преобразования «материальных» условий. Значит, более развернутое опровержение философии Фейербаха способствовало бы лучшей демонстрации несостоятельности этих тезисов Маркса. Кроме того, можно было бы подчеркнуть те моменты философии Гегеля, которые, как Милбанк сам же полагает, противостоят «общей» доминанте секулярного разума у самого Гегеля и в еще большей степени Канта

и Фихте. С другой стороны, определенная незавершенность анализа как у Милбанка, так и у Булгакова дополняют друг друга: центральный тезис Милбанка против Фейербаха состоит в том, что качества Бога нельзя сохранить при проекции их на человечество, можно успешно проиллюстрировать тезисом Булгакова, что сумма добродетелей и пороков разных людей не дает понятия божественного совершенства.

Заключение

Таким образом, можно подвести итог: оба автора соглашаются не только в общих выводах по марксизму как части истории человекобожия или секулярного разума, но и в более частных деталях – критике взглядов Фейербаха как основоположника, с одной стороны, и попытке обнаружить небольшой положительный элемент в критике религии – с другой. В то же время Милбанк расширяет контекст критики Маркса на всю предшествующую традицию мысли, чего Булгаков не допускает, рассматривая традицию классического немецкого идеализма как преимущественно религиозную. Отчасти это можно объяснить серьезным различием в методе (генеалогия у Милбанка и логико-психологическая критика у Булгакова), отчасти – контекстом русской философии XIX–XX вв., для которой наследие немецкого идеализма по-прежнему сохраняло значение. Это обстоятельство говорит в пользу того утверждения, что многие актуальные для современной христианской мысли сюжеты, обозначенные в русской философской традиции, все же подлежат дальнейшей разработке и, более того, представляют интерес не только для отечественных, но и для зарубежных исследователей.

В целом можно сделать вывод, что обращение Милбанка к софиологии и теологии Булгакова влияет и на общность социально-философских взглядов, что продемонстрировано на примере рассмотрения критики религии Маркса. Однако, хотя Булгаков во многом превосходит аргументацию Милбанка, последний предлагает более детальную критику, абстрагируясь от психологических моментов и акцентируя большее внимание на положительных моментах во взглядах Маркса. Кроме того, Милбанк рассматривает Маркса более «контекстуально», принимая во внимание, что заблуждения Маркса связаны с его эпохой, тогда как Булгаков делает слишком серьезный акцент на исключительной роли Фейербаха, что выглядит менее правдоподобно, если учесть, что и Маркс, и Фейербах, и их предшественник Гегель были в равной мере мыслителями своего времени.

Литература

1. *Milbank J.* Theology and social theory: beyond secular reason. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2006. 448 p.
2. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 39 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 414–429.
3. *Фейербах Л.* Сущность христианства // Фейербах Л. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1995. С. 5–320.
4. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 39 т. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1955. С. 43–786.
5. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 39 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1–4.
6. *Булгаков С.Н.* Карл Маркс как религиозный тип: его отношение к религии человекобожия Фейербаха // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 240–272.
7. *Булгаков С.Н.* Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 162–221.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 39 т. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419–459.
9. *Милбанк Дж.* Надзор за возвышенным: критика социологии религии / Пер. Д.Я. Узланера // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 210–284 [Электронный ресурс] URL: <http://www.religion.ranepa.ru/?q=ru/node/481> (дата обращения 13 марта 2019).
10. *Фейербах Л.* Предварительные тезисы к реформе философии // Фейербах Л. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1995. С. 70–87.
11. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 525 с.

References

1. *Milbank J.* Theology and social theory: beyond secular reason. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2006. 448 p.
2. *Marx K.* Critique of Hegel's philosophy of right. Marx K., Engels F. *Works*. In 39 vols. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1955. P. 414–29. (In Russ.)
3. *Feuerbach L.* Essence of Christianity. Feuerbach L. *Works*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ.; 1995. P. 5-320. (In Russ.)
4. *Marx K.* Capital. Vol. I: The process of production of capital. Marx K., Engels F. *Works*. In 39 vols. Vol. 23. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1955. P. 43-786. (In Russ.)
5. *Marx K.* Theses on Feuerbach. Marx K., Engels F. *Works*. In 39 vols. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1955. P. 1-4. (In Russ.)
6. *Bulgakov SN.* Karl Marx as religious type. His attitude to the religion of anthropotheism of L. Feuerbach. *Feuerbach L. Bulgakov SN. Works*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ.; 1993. P. 240-72. (In Russ.)
7. *Bulgakov SN.* The religion of anthropotheism of L. Feuerbach. *Feuerbach L. Works*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ.; 1993. P. 162-21. (In Russ.)
8. *Marx K., Engels F.* The communist manifesto. Marx K., Engels F. *Works*. In 39 vols. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1955. P. 419-59.

9. Milbank J. Policing the sublime: a critique of the sociology of religion. Tr. by D. Uzlaner. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2013; 3: 210–284 [Internet] URL: <http://www.religion.ranepa.ru/?q=ru/node/481> (data obrashcheniya 13 March 2019). (In Russ.)
10. Feuerbach L. Preliminary theses on the reform of philosophy. Feuerbach L. *Works*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ.; 1995. P. 70-87. (In Russ.)
11. Gegel G.W.F. Philosophy of law. Moscow: Mysl' Publ.; 1990. 525 p.

Информация об авторе

Максим И. Переславцев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mpereslavcev@gmail.com

Information about the author

Maxim I. Pereslavitsev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; mpereslavcev@gmail.com

Проблема политической власти у С. Франка

Дарья М. Дорохина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
dadorohina@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о политическом господстве и подчинении, который С. Франк раскрывает в ранних политических статьях и которого касается в некоторых разделах своей социальной философии. Ранний период интересен тем, что через описание природы властных взаимодействий в обществе Франк показывает структуру общественного устройства. Раскрывая реальную структуру власти, Франк вводит понятие «морально-правовое сознание общества», под которым понимает сложно организованную правотворящую силу. Вопреки закрепившемуся статусу «либерала», в ранних политических статьях Франк приводит существенную критику договорной теории, а также с особым вниманием относится к феномену иррационального, играющего важную роль в социальном и политическом производстве. Для Франка вопрос о государственной механике тесно переплетен с вопросом о персональной и коллективной психологии. Социальная философия Франка граничит и с политической философией, и с философской психологией. Внимательное, комплексное рассмотрение этих сфер дает возможность сложить целостную картину «живого» общества, которое строится на принципах иерархизма и равноправия.

Ключевые слова: господство, политическая теология, дискурс правопорядка, общественное мнение, власть, политическая философия, социальная философия, правовое сознание, соборность

Для цитирования: Дорохина Д.М. Проблема политической власти у С. Франка // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 24–34. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-24-34

The problem of political domination (S. Frank)

Daria M. Dorokhina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dadorohina@gmail.com*

Abstract. The article is devoted the problem of political domination, which S. Frank discovers in his social philosophy. The structure of society is to be shown through a description of the nature of power relationships. Frank introduces the concept of “moral and legal consciousness of society” in order to show the real structure of power. He understands this concept as a complexly organized law making force. At the first period of his philosophy, Frank criticizes social contract theory. He pays special attention to the phenomenon of the irrational, which plays an important role in any social and political production. For Frank, the question of state mechanism is closely intertwined with the question of the state of personal and collective psychology. Frank’s social philosophy stays close to political philosophy and philosophical psychology. Scrupulous comprehensive consideration of these areas makes it possible to assemble complete picture of a “living” society, which is based on the principles of hierarchism and equality.

Keywords: domination, political theology, discourse on the law, voxpopuli, political power, political philosophy, social studies, legal awareness, catholicity

For citation: Dorokhina DM. The problem of domination (S. Frank). *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art studies” Series.* 2019; 2:24-34. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-24-34

Введение

В статье «Проблема власти» 1905 г. С. Франк приводит сцену казни из романа Т. Карлейла «Sartor Resartus», в которой автор задается вопросами, прямо относящимся к вопросам «политической теологии» и дискурсу правопорядка: на чем основана структура господства и подчинения, что заставляет одного человека беспрекословно подчиняться, а другого повелевать; что превращает живых людей в элементы безличной структуры?¹ В упоминаемой сцене один фигурант волен вершить судьбу другого, поскольку является обладателем отличительных знаков – знаков «судьи». Карлейл насмехается: «парик из конских волос», «беличьи шкурки», «плюшевая мантия» – затейливый набор атрибутов превращает казнь в магическое действие, а обладателя особых знаков – в распорядителя. Что позволяет одному человеку («судье»), не имеющему ни физического, ни интеллектуального превосходства, отправить другого на плаху?

¹ Франк С.Л. Проблема власти // Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 592 с.

Против ясной постановки проблемы власти у Карлейла и Толстого бессильны все обычные юридические понятия и аргументы, которые очень хороши и удобны для решения специальных вопросов в этой области, но не затрагивают главного, а, наоборот, покоятся на молчаливом его устранении, на признании естественности и понятности элементарного момента власти как таковой².

Вопреки тому, что «вопрос о главном» многократно ставился в исследованиях по философии права, ответ на него до сих пор сводится к рассуждению о гипнотической харизме «господина».

Предметом данного исследования является вопрос о политическом господстве и подчинении, раскрываемый С. Франком в социальной философии и в ранних политических статьях. Через описание природы властных взаимодействий в обществе Франк показывает структуру общественного устройства. По мнению философа, представления о социальном устройстве не должны быть ограничены утопическими конструкциями. «Живое» общество организовано сложно, в нем соединяются противоположные идеи, зачастую кажущиеся несоединимыми. Таково, например, филигранное соединение принципа иерархизма и начала равенства. Стоит, однако, отметить, что интерес к психологии характерен для раннего периода политической публицистики Франка. Впоследствии философ отказывается от «психологизма» в аргументации. Цель данного исследования – показать некоторые интеллектуальные ходы политической философии С. Франка, которые он осуществляет в процессе описания феномена господства и социальной жизни, и для достижения этой цели мы концептуализируем аспекты ранней политической публицистики философа.

Проблема политической власти в философии С. Франка поднимается не впервые [1–3]. Одним из значимых исследований является сборник научных статей, выпущенный по итогам работы секции по истории русской мысли XXIV Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ [4]. В частности, в статье А.Л. Доброхотова предлагается схема социально-политической философии Франка, отображающая базовые антиномии его социальной мысли – личного и безличного [5].

Критика договорной теории

Чтобы ответить на вопрос, какова природа власти, Франк использует метод, известный в политической философии с само-

² Там же. С. 68.

го раннего этапа. Еще Платон в «Государстве», отвечая на вопрос, что такое справедливость сама по себе, использует модель переноса «с мелких букв на крупные». Он рассматривает, как устроена справедливость в душе одного человека и как она устроена в масштабах государства. Платон на протяжении всего диалога вновь и вновь задается вопросом, насколько целесообразен и допустим такой перенос и что, методологически, он мог бы дать. Франк так же рассматривает саму возможность такого переноса, размышляя над природой власти. Из политической сферы, от проблемы власти и господства в государстве, он переходит к рассмотрению власти индивидуальной, как он говорит, «непосредственной власти человека над человеком»³.

Находясь под влиянием Г. Зиммеля, Франк утверждает, что предельным понятием и центральным предметом рассмотрения должны быть не субъекты, а интерсубъективные или, как Франк их называет, «интерпсихологические» отношения, взятые во всем многообразии форм. Социальные взаимодействия зачастую принимают сложные формы созависимостей, которые имеют структуру, трудно поддающуюся описанию, но, в силу своей сложности, воспроизводящиеся на протяжении всей истории человеческого сожительства. При внимательном рассмотрении в структурах этих форм обнаруживается темное пятно – нерелексированный момент, всегда ускользающий от аналитика. Здесь исследователь, придерживающийся классической научной парадигмы, как правило, замолкает, чтобы не провалиться в банальное, к которому у такого исследователя традиционно выработан иммунитет. Франку важно было зафиксировать методический переход физического в психическое, а психического в социальное.

Итак, самые примитивные формы власти строятся на физическом превосходстве. В результате многократного воспроизводства физическая угроза вырабатывает психическую зависимость. Созависимые отношения и для сильного, и для слабого становятся привычными и единственно возможными, поскольку фигуранты просто не знают и не предполагают иного способа взаимодействия. А. Кожев выудил из гегелевской «Феноменологии духа» диалектическую пару, ставшую базовой структурой властных отношений, – это раб и господин. Кожев показал, что они находятся в сложном симбиозе, при котором не только раб зависит от господина, но и господин зависит от действий раба⁴. В другом случае, напри-

³ Там же. С. 68.

⁴ Кожев А.В. Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / Подборка и публ. Р. Кено; Пер. с фр. А.Г. Погоняло. СПб.: Наука, 2003. 792 с.

мер влюбленности, один подчиняет своей воле другого, играя на разнице интенсивности чувства. Пример влюбленных удачен в том смысле, что используя его, Франк показывает рождение некой обособленной реальности, которая наделяется статусом «объективной силы»⁵. Именно этот способ человеческих отношений, как правило, описывается наиболее яркими метафорами. Насыщенность чувств и интенсивность поступков достигает самой высокой отметки, становится несоизмерима с повседневным опытом, и человек снимает с себя ответственность за происходящее и делегирует его «объективной силе», вступая в добровольную зависимость.

Здесь Франк останавливается и не пытается подробнее описать «объективную силу»: «...явления психической власти носят совершенно иррациональный характер», – констатирует философ⁶. Перед «иррациональным» рассуждение замирает, но несколько раньше Франк приводит интересный фрагмент из Толстого:

Одна мысль за все это время была в голове Пьера. Это была мысль о том: кто, кто же наконец приговорил его к казни? <...> И Пьер чувствовал, что это был никто⁷.

Человек оказывается практически не в состоянии осознать и пережить отсутствие актора, отсутствие волящего субъекта. Сначала политический дискурс обязывал винить во всем «большого человека», «господина». Когда ресурс «господина» исчерпал себя, функции репрезентации и остатки ответственности на себя принял «маленький человек». Осуществляются попытки перекинуть ответственность на вещи, но они наиболее устойчивы к политическим инсинуациям. Принять факт отсутствия волящего субъекта человек не в состоянии, субстантивируя фигуру «иррационального».

Если вернуться в рамки властных отношений, то стоит, во-первых, отметить, что созависимые формы закрепляются через постоянное напоминание о физической угрозе, что приводит к укоренению отношений. Во-вторых, многократное повторение действий закрепляется языковыми формулами. Так учреждается «объективная сила», обособленная реальность, внутри которой «союз трех лиц есть нечто большее, чем простая сумма или совокупность этих лиц»⁸. Наступает момент, когда сфера властных отношений настолько обособляется, что наличие или отсутствие субъектов взаимодействия становится не важно, выделенная реальность продуцирует себя сама:

⁵ Франк С.Л. Указ. соч. С. 78.

⁶ Там же. С. 73.

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Там же. С. 80.

Учредители союза – те конкретные личности, которые свободным решением согласились коллективно действовать в известном порядке и тем создали союз и определяющие его правила – быть может, все давно вышли из состава союза или даже вымерли, но солидарная воля ныне бездействующих или мертвых, некогда породившая эти правила, с того времени слившись в органическое целое, сохраняет бытие и силу⁹.

Таким образом, говорит Франк, следы происхождения власти теряются, а обособленная реальность формализуется в виде нормативных установлений. Центральным, наиболее ярким примером бессознательного, стихийного «общения» является государственное образование, вступление в которое никогда, за редким исключением, не происходит сознательно. Стихийная колонизация, завоевания и т. д. – вот основной способ, каким исторически складываются государства. Договорные теории – это теоретические построения, всегда созданные постфактум, необходимые как попытка легального объяснения и обоснования властных проявлений, рационализация причин, идущих позже следствий. Принадлежность к государству автоматически требует соблюдения норм и повиновения установленному порядку для всех, без различия степени сознательности, исходя только лишь из факта нахождения на подконтрольной территории.

Франк ставит вопрос о том, кто заставляет повиноваться тех, кто обеспечивает повиновение, – «вооруженную силу, находящуюся в распоряжении власти»¹⁰, ведь у них есть ресурс для того, чтобы это повиновение не осуществлять. Тот механизм, та «сила», которая дает им право повелевать, их самих делает повинующимися.

Психология государства

Государственный союз – сложная система, включающая элементы подчинения на разных уровнях и приводящая все разнонаправленные силы к одному «порядку». Элементы воспроизводят жизнеспособность системы, но отдельные субъекты взаимодействия, индивиды и группы, не обладают правом учредительного влияния. Их правоспособность ограничивается сферой их существования. На что опирается государственная власть? На этот вопрос ответить сложно. Проще ответить на вопрос, на что государственная власть не опирается. Она не опирается на частное решение о подчинении того или иного субъекта. Нет той персональной праг-

⁹ Там же. С. 85–86.

¹⁰ Там же. С. 89.

матики, которой бы исчерпывалась готовность подчиняться властному установлению. Это дает основание Франку определять подчиняющую «силу» в категориях иррационального и мистического.

В то же время здесь располагается один из главных пределов политического письма Франка. С одной стороны, он находится в позиции ученого, проводящего довольно строгий анализ, не допускающий объяснения политических процессов бессознательным участием личности в стихийных, иррациональных всплесках чистой властной энергии. С другой стороны, у него нет категорий, в которых он мог бы объяснить описываемые процессы. Но есть многочисленные примеры житейского иррационального поведения. Франк вновь и вновь возвращается к вопросу, заданному еще Платоном: допустим ли метод перевода личного психологического опыта на структуру государственной власти?

Сложность возникает, например, при попытке найти точку формирования «общественного мнения», которое всегда уже существует. В статье «Политика и идеи» Франк определяет общественное мнение как «равнодействующую господствующих в народе верований, стремлений и настроений»¹¹. Поэтому, любые попытки предсказать общественное мнение терпят крах. Мы всегда схватываем его в тот момент, когда оно уже явлено, а до того бессильны его предвосхитить. Мы всегда судим об известном зафиксированном общественном мнении, но не можем написать формулу его образования. Франк сравнивает общественное мнение с химическим соединением. Сложность этого сравнения состоит в том, что в формуле такого «химического соединения» всегда присутствует неизвестный, неопределяемый элемент. Исследователю крайне сложно признать, что этот «реактив» не может быть определен. Важной мечтой человека, говорит Франк, является стремление внести «сознательность в стихийный процесс жизненного развития»¹².

Слепое пятно правового сознания

В статье 1904 г. «Государство и личность», приуроченной к сорокалетию судебной реформы Александра II, Франк показывает, что сфера прав личности и сфера государственного произвола фактически автономны друг от друга¹³. Существует важнейшее правовое противоречие между «порядком управления» и «организацией личных прав». Государство ограничено в самом себе сферой

¹¹ Франк С.Л. Политика и идеи // Франк С.Л. Непрочитанное... С. 32.

¹² Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Там же. С. 144.

¹³ Франк С.Л. Государство и личность // Там же.

права, а политическая состязательность выступает как коммуникационный механизм между публичными сферами. Выход из данного противоречия, по мнению Франка, заключается в обособлении текущего законодательства от «правотворящей основы». Такой «правотворящей основой», превосходящей инстанцией, которая в общей теории государственного права может быть названа «метаюридической инстанцией», является, по Франку, «морально-правовое сознание общества».

«Правообосновывающая» сила отлична от правоустанавливающей силы, которая призвана санкционировать государственные нормы. Франк несколько идеализирует реализацию принципа законности, указывает на американский правовой опыт, приводя в пример Верховный суд Соединенных Штатов Северной Америки, который выполняет контрольную функцию по отношению к законодательным актам Конгресса. Стоит отметить, что современные правоведы выделяют отчетливую тенденцию к суверенизации судебной власти именно в странах англо-саксонской системы права. В частности, Е.В. Тимошина в статье, посвященной конституционной юстиции в контексте реализации концепции правового государства, показывает, как трансформируются взаимоотношения властей в современном государстве [5]. «Суверен» классической политической доктрины в новой политической ситуации облачен в судебную мантию. Главным следствием описываемой «суверенизации» автор называет «радикальную политизацию правосудия». Но включены ли предпосылки данного явления в саму конструкцию судебной власти? Можно сказать, что описанная тенденция «современна» именно потому, что вписана в современный дискурс правопорядка.

«Правотворящая сила» – это, по Франку, не только «ненарушимое» обычное право, но и «в особом порядке изданные и в особой торжественной форме провозглашенные “учредительные” законодательные акты». Вспомним базовый тезис «политической теологии», на которой строится учение К. Шмитта о суверенной власти: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»¹⁴. Под «чрезвычайным положением» понимается исключительный случай, который не был описан в действующем праве¹⁵. Предел «чрезвычайного положения» есть предел государственного произвола, коим является и учреждение нормативного акта. Властью обладает тот, кто принимает решение о реализации этой власти, в какой бы то ни было форме. В «Политической теологии» Шмитт выводит некоторую максиму политико-правовой мысли Нового времени. Он указывает на принципиальное сходство между государ-

¹⁴ Шмитт К. Политическая теология: Сборник. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 15.

¹⁵ Там же. С. 16.

ственным правом и теологическими построениями: на подобие в восприятии естественных законов мироздания и тотальности правовых норм. Здесь «исключительный случай» по своему онтологическому статусу приравнивается к чуду. Парадоксальным образом именно Шмитт показывает структуру перехода от «внеморального права» к правовым институтам, генерирующим моральный дискурс [6].

Возвращаясь к Франку, отметим: «правотворящую силу» философ понимает как «морально-правовое сознание общества». Прежде всего он говорит об идее самоуправления, основанного на личном самоопределении каждого из членов общества. Самоуправляющееся общество, таким образом, предстает как живой организм, наделенный общим сознанием и обладающий политическим суверенитетом. Главный вопрос, который здесь возникает: как сохранить баланс между достижением общественного блага и свободным развитием личности¹⁶.

П. Элен отмечает, что Франк, апеллируя к «правотворящей силе», не основывается на постулатах естественного права, а обращается к опыту. Он исходит из опыта личности, наделенной правами, а не из представлений об абсолютном сущностном порядке. Немецкий исследователь указывает, что в поздней социальной философии Франк продолжит решать проблему «двух великих и вечных этических начал»: общественного блага и свободного развития личности. На этом этапе у Франка появятся понятия «внутренней соборности» и «внешней общественности». Это обусловлено тем, как Франк понимает всеединство. Он не признает идею «однородного и сплошного всеединства», а говорит о двух его аспектах, или двух слоях¹⁷ [7 с. 54].

Первый слой представляет собой взаимодействие «я» с первичным единством «мы». Второй, внешний слой представляет «раздельность», реализацию принципа исключения и обособления. Ошибка, пишет Франк, считать, что возможно избрать какой-то один «слой», один модус существования общества, в котором будет функционировать мир. Критика способа господства не может быть завершена выбором в пользу соборного общежития против механики капиталистического общества. «Слои» социального функционируют одновременно. Власть распределяется, таким образом, посредством реализации волевого импульса. В основе ее распределения лежит принцип иерархизма, дополненный началом равенства.

Таким образом, «морально-правовое сознание общества» – это живой саморегулирующийся организм, который состоит из двух слоев – «внутренней соборности» и «внешней общественности», которые взаимодействуют и дополняют друг друга.

¹⁶ Франк С.Л. Государство и личность // Там же.

¹⁷ Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 54.

Заключение

Проблема политической власти, вопрос о психологии господства и подчинения, относится к этапу раннего творчества Франка, представленного в основном политической публицистикой, в которой философ предлагает социально-психологический анализ некоторых политических феноменов.

Раскрывая понятие власти, Франк дает развернутую критику договорной теории и утверждает приоритет естественного права над позитивным. Франк разбирает феномены господства и подчинения с точки зрения социальной психологии. Именно социальная психология, разделяемая философом на данном этапе, позволяет описать некоторые супер-структуры («правотворящую основу», «морально-правовое сознание общества»), лежащие в основе генерации правовых институтов.

Позднее Франк продолжает исследовать «морально-правовое сознание общества», но с несколько других позиций. Его интересует гармоничное соотношение общественных и персональных интересов, поэтому он переходит к разбору онтологии гармоничного социального организма.

Благодарности

Я выражаю признательность Геннадию Евгеньевичу Аляеву, д-ру филос. наук, профессору, завкафедрой философии и социально-политических дисциплин ПНТУ им. Ю. Кондратюка (г. Полтава, Украина), и Анне Игоревне Резниченко, д-ру филос. наук, профессору кафедры истории отечественной философии РГГУ, за ценные замечания в период работы над статьей.

Acknowledgements

I bring my gratitude to Gennady Evgenievich Alyaev, Dr. in Philosophy, professor, head of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines of Yu. Kondratyuk National Technical University (Poltava, Ukraine) and to Anna Igorevna Reznichenko, Dr. in Philosophy, professor of the Department of History of Russian Philosophy of the RSUH for valuable comments during the work on the article.

Литература

1. Аляев Г.Е. Метафизика прав человека в трактовке С.Л. Франка: Историко-философский ежегодник – 1998 / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Наука, 2000. С. 242–259.
2. Аляев Г.Е. Метафізика політичного буття: особистість і політика у релігійній філософії С.Л. Франка // Філософська думка. 1999. № 3. С. 32–50.

3. «Самый выдающийся русский философ»: Философия религии и политики С.Л. Франка: Сборник научных статей / [Сост. К.М. Антонов]. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 248 с.
4. Доброхотов А.Л. Аксиомы веры и теоремы права: философия власти С.Л. Франка // «Самый выдающийся русский философ»: Философия религии и политики С.Л. Франка: Сборник научных статей / [Сост. К.М. Антонов]. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 76–88.
5. Тимошина Е.В. Судья как новый суверен: волюнтаристская теория толкования Мишеля Тропера // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2016. № 2. С. 50–61.
6. Деревянченко Ю.И. Политическая теология и правовое государство. Уроки Карла Шмитта // Вестник ЧитГУ. 2009. № 4 (55). С. 50–54.
7. Элен П. Семен Франк как политический мыслитель // Вопросы философии. 2003. № 11. С. 135–151.

References

1. Alyaev GE. Human rights metaphysics in the S.L. Frank's interpretation. *Historical and Philosophical Yearbook–1998*. Ed. by NV. Motroshilova. Moscow: Nauka Publ.; 2000. P. 242-59. (In Russ.)
2. Alyaev GE. Metaphysics of a Political Being. Specifics and Policies in Religious Philosophy of S.L. Frank. *Filosofs'ka dumka*. 1999;3:32-50. (In Ukrain)
3. «The Most Eminent Russian Philosopher». S.L. Frank's Philosophy of the Religion and Politics. Collection of scientific articles [Comp. by KM. Antonov]. Moscow: PSTGU Publ.; 2015. 248 p. (In Russ.)
4. Dobrokhотов AL. Axioms of Faith and Law Theorems. The S. Frank's Philosophy of Power. *“The Most Eminent Russian Philosopher”. S.L. Frank's Philosophy of the Religion and Politics*. Collection of scientific articles [Comp. by KM. Antonov. Moscow: PSTGU Publ.; 2015. P. 76-88. (In Russ.)
5. Timoshina EV. Judge as a new sovereign. Voluntaristic theory of M. Troper interpretation. *Bulletin of the RUDN. Series “Law”*. 2016;2: 50-61.
6. Derevyanchenko UI. Political theology and constitutional state. The Karl Schmitt's Lessons. *Bulletin of the ChitSU*. 2009; 4(55):50-54. (In Russ.)
7. Helen P. Semen Frank as a political thinker. *Voprosy filosofii*. 2003; 11:135-51. (In Russ.)

Информация об авторе

Дарья М. Дорохина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dadorohina@gmail.com

Information about the author

Daria M. Dorokhina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; dadorohina@gmail.com

Концептуализация «заговора молчания» как аспект исследования социальных рисков

Ирина А. Крайнова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, irakrainova@yandex.ru*

Аннотация. Предпринимается попытка реализовать «поворот к материальному» в анализе социальных практик и порождаемых ими социальных рисков. Данная установка демонстрирует отказ от использования классического субъект-объектного рассмотрения проблемы. Вместо этого предлагается объектно-центричный подход, согласно которому объект включает в себя, в том числе, функцию актора социального взаимодействия, которая традиционно приписывалась исключительно субъекту.

Применяемая в статье методология объектно-центричного подхода позволяет по-новому развернуть анализ концепта «заговор молчания» (Э. Зерубавель) – в сторону его коммуникативного воспроизводства. Автор шаг за шагом прослеживает процесс конструирования коммуникативных актов, образующих своего рода множественную онтологию «заговора молчания» вокруг тех или иных событий. Так, исследуя социальный и политический аспекты, автор в статье осуществляет фокусировку на двух тенденциях, а именно на том, как «заговоры молчания», во-первых, могут создавать коммуникативные условия солидарности сообществ и, во-вторых, как они провоцируют социальные риски.

В ходе аргументации отстаивается позиция, согласно которой онтология объекта не дана заранее в порядке вещей, а воспроизводится во множестве социоматериальных практик. В качестве значимой иллюстрации такой позиции приводятся практики концептуализации множественных онтологий тела и болезни, реализуемые в исследовании А. Мол, а также символические практики координации повседневности (Т. Пинч).

Ключевые слова: «заговор молчания», коммуникация, риск, поворот к материальному, множественная онтология

Для цитирования: Крайнова И.А. Концептуализация «заговора молчания» как аспект исследования социальных рисков // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 35-45. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-35-45

Conceptualization of the “conspiracy of silence” as an aspect of the investigation of social risks

Irina A. Kraynova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
irakrainova@yandex.ru*

Abstract. The author of the article attempts to implement a “turn to the material” in the analysis of social practices and social risks they generate. Such an approach demonstrates the rejection of the classical subject-object consideration of the issue. Instead, an object-centric approach is proposed, according to which the object comes with the function of an actor in social interaction, which has traditionally been attributed to the subject.

The methodology of the object-centric approach used in the article makes it possible to expand in a new way the analysis of the concept of “conspiracy of silence” (E. Zerubavel) – towards its communicative reproduction.

The author follows step by step the process of constructing communicative acts that form a kind of multiple ontology of a “conspiracy of silence” around certain events. Thus, exploring the social and political aspects, the article focuses on two trends, say: the “conspiracies of silence”, firstly, can create communicative conditions of the communities solidarity and, secondly, they can create the social risks.

The author defends the position that the ontology of the object is not given in the order of things, but it is reproduced in the variety of socio-material practices. As a significant illustration of such position, the author uses the practices of conceptualizing multiple ontologies of the body and the diseases which are negotiated in the investigation of A. Mol, and the symbolic practices of the everyday life coordination (T. Pinch).

Keywords: «conspiracy of silence», communication, risk, turning to the material, multiple ontology

For citation: Kraynova IA. Conceptualization of the “conspiracy of silence” as an aspect of the investigation of social risks. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Arts Studies” Series.* 2019;2:35-45. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-35-45

Введение

Идея сопряженности социальности и объектов существенно преобразует словарь социальной теории. Призыв исследовать социальные взаимодействия объектов указывает на неопределенность основного понятия антропологии – «человека». Отказ от онтологизации приоткрывает возможности применения конс-

труктивистской методологии в анализе «человека». Интересным представляется подход Д. Харувей, которая утверждает, что объектом современной антропологии является «киборг». Это существо, сконструированное тремя типами сопряжений: человек – природа, человек – техника, человек – культура [1 с. 9–10]. Метафора киборга показывает, что нет отдельно природного, технического объекта или культурной идеи. «Киборг есть род разобранной и снова собранной постсовременной коллективной и личной самости» [1 с. 9]. Новые технологии открывают новые способы взаимодействия, они проникают в тело, которое мыслится как гибридное, биотехнологическое. Киборг лишен пола и гендера, его действия не управляются путем подчинения, а выстраиваются как подсоединения к сети социальных взаимодействий.

Б. Латур демонстрирует тенденцию гибридизации через проект симметричной антропологии [2]. Человек в своих повседневных взаимодействиях связан с объектами: они фреймируют социальное пространство, создают условия для осуществления коммуникации. Латур показывает, что термин «антропоморфный» может фиксироваться в двух приближениях: как внешнее подобие человеку; как способность объекта выполнять делегированные ему действия [3]. Второе значение приоткрывает новые свойства социальности: она мыслится не как солидарность субъектных отношений, а как объектно-центричное пространство, где акторы (люди и объекты) действуют в одной плоскости. В интерпретации Латура вещь встраивается в траектории сетей, только когда действует, т.е. состоит в устойчивых отношениях, является объектом-институтом, объектом-проектом или объектом-событием [4, с. 83–112].

Действовать могут не только материальные объекты, но и нематериальные акторы, такие как идеи, теории или уравнения и т. п. Д. Маккензи [5] утверждает, что экономические теории не просто описывают, но и влияют на процессы рынка. Он обращает внимание на уравнение Блэка–Шоулза–Мерттона, прогнозирующее опционное ценообразование. Уравнение показывает, какие решения нужно принять брокерам при управлении опционами, чтобы минимизировать транзакционные издержки [5 с. 75]. К. Кнорр-Цетина и К. Брюгер разворачивают концепт Х.-И. Райненберга «эпистемическая вещь» в сторону анализа сложных саморазвивающихся объектов на примере фондового рынка [6]. В отечественном интеллектуальном пространстве проблема сложности объектов и связанное с ними нарастание социальных рисков получили рефлексию в разработке аутопойезиса «эпистемических вещей» [7–9].

Между тем, принимая во внимание данные подходы, вызывают интерес не столько сами объекты, но, в большей степени, представления об объектах, раскрываемые в ходе социальных

практик. Используя методологические приемы объектно-ориентированных подходов, мы стремимся проследить, как конструируется и воспроизводится коммуникация вокруг «заговоров молчания». Под «заговором молчания» мы понимаем дискурс вокруг игнорируемых или отрицаемых социальных феноменов, способных координировать деятельность социальных групп. В лингвистических подходах молчание анализируется как антитеза коммуникации, мы же обратимся к молчанию как к социальному объекту, решая при этом задачу: обнаружить и проследить практики реализации «заговоров молчания» в повседневных коммуникациях.

«Заговор молчания» как социальная практика

Н. Луман в теории социальных систем использует понятие «немаркированное пространство» как указание на «слепое пятно», которое присутствует в каждом различении наблюдателя. «Слепые пятна» позволяют коммуникации состояться, оставляя наблюдателя немаркированным. Тем не менее немаркированное пространство «можно сдвинуть, когда находятся наблюдатели, наблюдающие за наблюдением» [10 с. 552]. Так, социальная критика маркирует нечто как угрозу, например экологические проблемы, оставаясь при этом ненаблюдаемой, до тех пор, пока наблюдатель второго порядка не укажет на нее. Вопрос социальной теории «что происходит?» дополняется вопросом «что за этим кроется?». Если нечто маркируется как экологический кризис, значит, есть экспертное сообщество, которое создает это различие. Немаркированное часто обозначается как латентное (например, по Р. Мертону социальным системам свойственны помимо явных латентные функции). Луман призывает мыслить латентность как контингентность: «...она всегда возможна и по-другому, и можно знать, от чего это зависит, т. е. можно знать не то, как этого избежать, а то, как этим управлять» [11 с. 115]. В тексте Э. Зерубавеля немаркированное пространство получает интересную концептуализацию, будучи проанализировано через концепт «заговор молчания».

Зерубавель заметил, что риски для сообщества могут накапливаться не столько в коммуникации, сколько в «заговорах молчания». В исследовании «Слон в комнате. Молчание и отрицание в повседневной жизни» исследователь обращается к социальным последствиям «заговоров молчания». Название работы отсылает к идиоме «слон в комнате», которая указывает на известные всем факты, существование которых сообщество сознательно отрицает. «Заговор молчания» конструируется вокруг открытых секретов и реализуется как мета-молчание: нам «запрещено говорить о том,

что нам запрещено говорить» [12 с. 53]. Зерубавель метафорически именуется молчание и его отрицание «слоном», который становится объектом «заговора», поскольку за ним стоит определенное социальное табу. Анализируя историю о голом короле, пересказанную Г.Х. Андерсеном в сказке «Новое платье короля», Зерубавель показывает социальный и политический контекст молчания.

Молчание играет важную роль в достижении солидарности. Термин «социальное» возникает как эквивалент «социального порядка» и противопоставлен естественному состоянию еще в политической философии Т. Гоббса. В процессе социализации субъект усваивает социальные нормы и приобретает навыки игнорирования социальных фактов. Участие в общественных взаимодействиях предполагает согласие с практиками игнорирования. В сказке «молчание» прерывает ребенок, как член сообщества, который еще не социализирован, т. е. еще не обучен практикам игнорирования: «он не проявляет абсолютно никакого беспокойства за чувства короля, а также за чувство собственного достоинства» [12 с. 74].

Большая часть того, что должно игнорироваться, чтобы сохранить солидарность с сообществом, аккумулируется в табу и такте («мягкой» форме табу [12 с. 33]). Нарушение этих норм – выход за границу социального, противопоставление себя социальному порядку, что, к примеру, в некоторых традиционных обществах карается остракизмом. Внешние ограничения табуированных практик всегда дополняются внутренним отношением субъекта. Так отдельный представитель маори, описанный М. Моссом, умирает от «смертного греха» [13 с. 288], подчиняя свое физическое коллективному.

Социализация управляет и психологическими феноменами, например восприятием субъектом риска. Так, Дж. Холдрен [14] резонно утверждает, что субъект регистрирует реальную для себя степень опасности, используя так называемую пирамиду рисков (подобную пирамиде А. Маслоу). Индикатором поведения субъекта в кризисных ситуациях является место тех или иных угроз на ступенях пирамиды. Сообщество управляет восприятием субъекта, опираясь на «типичный портфель» рисков [15], который содержит сценарии возможных для него опасностей. Поэтому одни опасности маркируются, другие – игнорируются.

Практики игнорирования создают специфичный способ «видения»: «мы гораздо более склонны замечать у кого-нибудь жвачку в церкви, чем в метро» [12 с. 25]. Возможность контролировать внимание людей делает «заговор молчания» политическим инструментом. Власть, помимо того, что обладает большим диапазоном «видения», может контролировать сферу внимания других. Так, СМИ определяют, как долго общественное внимание должно обсуждать конкрет-

ную новость. «Новое платье короля» – это политическая история. Ткачи заставляют любого игнорировать отсутствие платья, придав ткани свойство быть невидимой для тех, кто не является частью данного сообщества или «неумолимо глуп» [12 с. 45]. Король «видит» платье, поскольку невидимость платья становится угрозой для легитимации его власти и ставит под сомнение способность короля контролировать реальность.

Вне зависимости от причины образования «заговоры молчания» предполагают большую согласованность, чем речевая коммуникация.

Нужен только один, чтобы произнести речь, но необходимо сотрудничество всех, чтобы произвести молчание. <...> Только тогда, когда пресловутый слон в комнате совместно избегается всеми окружающими, мы на самом деле имеем дело с «заговором молчания» [12 с. 47].

Чем ближе субъект находится к источнику «заговора», тем менее желает, чтобы «заговор» был раскрыт. Хотя никто из приближенных к королю лиц не может реально видеть несуществующую ткань, все хвалят платье, чтобы защитить свою репутацию. «Их совершенно неискреннее свидетельство, в свою очередь, приводит короля к выводу, что он должно быть единственный, кто не может видеть» [12 с. 57]. Поэтому не приближенные короля, а толпа начинает разоблачение «заговора».

Чем больше участников «заговора», тем более хрупким он становится: «молчание растет как рак», писал П. Саймон [12 с. 58]. Парадоксальным образом «наша сильная потребность отрицать определенные вещи, часто уравнивается нашим столь же сильным желанием разоблачить их» [12 с. 62]. Если хотя бы один прекратит его отрицать – «заговор» будет разрушен. Поэтому, чем ближе субъект к источнику «заговора» молчания, тем большую солидарность он будет проявлять, создавая условия для сохранения «заговора». «Молчание» сохранятся еще и потому, что группа маркирует несолидарных как предателей (так как они указывают на то, что некоторые факты были специально проигнорированы).

От «заговоров молчания» сложно отказаться еще и потому, что они могут становиться основой нарратива сообщества, тогда как отказ нарушает сложившиеся сценарии социальных практик. «Королевству, в конце концов, нужен король, пусть даже голый» [12 с. 63].

Зерубавель утверждает, что долговременные последствия «заговора» могут быть опаснее, чем краткосрочные преимущества. Одна из проблем – искажение чувства реальности из-за неподтвержденного личного опыта, возникающего потому, что человек вынужден маркировать свой опыт как воображение слона в комнате. Искажения всегда превышают объем осознанного, как результат, субъекты

не могут объективно познавать окружающую их среду, а эпистемологическая сложность, с которой сталкивается субъект, дополняется сложностью экзистенциальной [16 с. 32].

Помимо этого, коллективные «заговоры» становятся серьезным препятствием на пути преодоления угроз и кризисов. Так, СПИД получил возможность беспрепятственно распространяться, пока его опасность не была предана огласке. «Заговор молчания» вокруг опасных болезней «делает инфекцию еще более смертоносной» [12 с. 36].

«Заговор молчания» в медицинской практике

В истории медицины известно много случаев табуирования болезни. Так, С. Сонтаг показывает, что в разные периоды истории болезни, приравненные к смерти, были сегрегированы так, что это оказывало влияние на повседневную коммуникацию.

В Армансе Стендаля (1827) мать героя отказывается произносить слово «туберкулез» из страха, что одно это слово ускорит течение болезни ее сына. А Карл Меннингер... отмечал, что само слово «рак», согласно распространенному мнению, убило нескольких пациентов, которые бы не поддались болезни, от которой страдали (так скоро) [17 с. 9].

Тот же доктор Меннингер, указывает Сонтаг, рекомендовал коллегам не использовать имена пациентов, чтобы не ранить их чувства и не вешать «ярлыки».

Эти практики демонизируют болезнь. Туберкулез, а затем и рак воспринимался не как проблема, которую надо лечить, а как монстр, который «равносителен смертному приговору... болезнь было принято скрывать от чахоточных, а по их кончине, от их детей» [17 с. 9]. Демонизация болезни заставляет больного умалчивать патологии своего тела, потому что патология делает его «ненормальным» членом общества. Такое метафорическое усложнение становится препятствием для избавления от болезни.

Кроме того, недостаток практик точной диагностики провоцировал образное маркирование заболеваний. «Туберкулез романтизировал смерть» [17], а чахоточная бледность как будто выдавала интеллектуалов. Рак, в отличие от туберкулеза, не воспринимается романтизированно, он маркируется трагически – чужеродное вторжение в тело, не оставляющее шансов на жизнь. СПИД воспринимался как наказание, которому подвергается тело за нарушение общественных норм. Приобретенный иммунодефицит маркирует больного как человека, «по делам его» заслуживающего изоляции,

остракизма и стигмы. Все это может служить демонстрацией «заговоров молчания» вокруг тех или иных болезней.

Условия объективации болезней также создаются «политикой сообществ». Так, исследуя практику диагностики и лечения атеросклероза в одной из нидерландских клиник, А. Мол формулирует понятие «множественности онтологий» заболевания. «Онтология не дана в порядке вещей, – пишет она, – онтологии возникают, воспроизводятся и исчезают в обычных повседневных социоматериальных практиках» [18 с. 32]. Различные способы диагностики не фиксируют наличие или отсутствие недуга, а в каждом конкретном случае осуществляют его «сборку». Так, более дорогой и новый метод диагностики – ангиография – в больнице N наделяется большей властью по сравнению с иным методом – дуплексом. Если ангиография показывает наличие атеросклероза, а дуплекс нет – болезнь признается диагностированной. Но другой госпиталь может подчинять диагностику иной логике. В этом смысле, замечает Мол, нет единого объекта, болезнь множественна, она каждый раз заново конструируется. Различные способы координации «видения» позволяют болезни быть или не быть на снимках, в медицинских карточках или публичном пространстве.

Политика молчания

Принципы координации зависят от политики, принятой сообществом. Способность политики сообщества контролировать восприятие субъектов убедительно показывают и символические практики.

Так, невидимая стена – эрув – упрощает религиозные практики тех, для кого они в прежнем режиме невозможны. «Эрув огораживает пространство посредством ряда символических ворот (подобным воротам в храм) и разрешает смешение общественной и частной жизни внутри пространства» [19 с. 353]. Т. Пинч обращает внимание на практику согласования с администрацией строительства невидимых стен вокруг города. В истории Пинча эрув планируют поместить в уже существующую структуру электрических столбов и проводов, так он будет «видимым» для отдельной категории людей: «два разных смысла проводов и столбов могли сосуществовать друг с другом» [19 с. 357]. Нематериальный объект оказывается сборкой из сети взаимодействий материальных акторов: раввина, администрации города, инженеров, инструментов, расчетов, верующих и т. п. При этом «способность эрува влиять на жизнь людей зависит от того, в какого бога они верят и верят ли вообще» [19 с. 360].

В гендерных исследованиях примером подобной маркировки социального пространства является феномен «стеклянного потоло-

ка». Постепенный отказ от игнорирования факта существования экономической дискриминации женщин и акцентирование внимания на эту практику со стороны феминистских движений 80-х годов XX в. породили изменения гендерных соотношений в сфере труда.

Заключение

«Поворот к материальному» в теоретической социологии актуализирует множество проблем, порожденных наивной онтологизацией социальных практик. Под влиянием «поворота» переопределяются понятия, которые, прежде казалось, нашли свое твердое основание в тезаурусе социальных наук: социальное действие, предмет, граница, субъект, объект, актор и др. Между тем наделение объекта функцией актора социального взаимодействия позволило, на наш взгляд, приобрести дополнительные возможности в осмыслении «сборки» и «множественности онтологий» социальных практик.

Подход, реализуемый в настоящей статье, сближает социологический анализ с той новой постановкой вопроса, которую продемонстрировал Н. Луман. Немецкий социолог еще в 70–80-х годах пришел к твердому убеждению, согласно которому вопрос о социальном действии «что происходит?» трансформируется в исследовательскую задачу «что за этим кроется?» [11]. Тем не менее интерес современных исследователей не фокусируется исключительно вокруг латентных функций объектов. Онтология объектов представляется множественной, она не дана в порядке вещей, а конструируется и «собирается» в социоматериальных практиках. Все латентные функции объекта мыслятся как контингентные (т. е. могут быть и иными). Такая оптика позволила обстоятельнее показать роль «заговоров молчания» в повседневных коммуникациях.

Исследование социальных и политических аспектов позволило высветить два направления коммуникативной сборки «заговора молчания». Одно направление объективирует условия для солидарности того или иного сообщества, погруженного в «заговор», другое – объективирует социальные риски. Таким образом, множественность объективации социальных объектов, продемонстрированную на примере «заговора молчания», можно считать очередным шагом в разработке современных подходов к исследованию феноменов, порождаемых повседневной коммуникацией в обществе.

Литература

1. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.

2. *Латур Б.* Нового времени не было: Эссе по симметричной антропологии. М.: Изд-во Европейского ун-та, 2006. 296 с.
3. *Латур Б.* Об интеробъективности // Социология вещей: Сб. ст. М.: Территория будущего, 2006. С. 169–199.
4. *Ерофеева М.* Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? // Логос. 2017. № 3. С. 83–112.
5. *MacKenzie D.* Is economics performative? Option theory and the construction of derivatives markets // Do economists make markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 54–86.
6. *Кнорр-Цетина К., Брюггер. У.* Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 307–341.
7. *Ивахненко Е.Н.* Социология встречается со сложностью // Вестник РГГУ. Серия «Философские науки. Религиоведение». 2013. № 11. С. 90–101.
8. *Орлов Д.Е., Орлова Н.А.* Аутопойезис техносоциальных систем как фактор разрастания социальных рисков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 2. С. 59–68.
9. *Дмитриев И.Б.* Аспекты схождения взглядов Рорти и Лумана в перспективе преодоления старой интеллектуальной традиции // Вестник РГГУ. Серия «Философские науки. Религиоведение». 2014. № 10. С. 106–112.
10. *Луман Н.* Общество общества. Ч. 5: Самоописания. М.: Логос, 2011. 640 с.
11. *Луман Н.* «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 100–101.
12. *Zerubavel E.* The elephant in the room: Silence and denial in everyday life. Oxford University Press, 2007. 176 p.
13. *Вилдавски А., Дейк К.* Теория восприятия риска: Кто боится, чего и почему? // Thesis. 1994. № 5. С. 268–276.
14. *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley: University of California Press, 1982. 292 p.
15. *Мосс М.* Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 223–241.
16. *Дзоло Д.* Демократия и сложность. М.: Высшая школа экономики, 2010. 320 с.
17. *Сонтаг С.* Болезнь как метафора. М.: АдМаргинем Пресс, 2016. 176 с.
18. *Мол А.* Множественное тело: Онтология в медицинской практике. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 254 с.
19. *Пинч Т.* Укрощение нечеловеков // Онтология артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / Под ред. О.В. Столяровой. М.: Дело, 2012. С. 352–374.

Referenses

1. Haraway D. The Cyborgs Manifest. Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. 128 p. (In Russ.)
2. Latour B. *There was no New Time.* Essay on Symmetric Anthropology. Moscow: European University Publ.; 2006. 296 p. (In Russ.)

3. Latour B. About interobjectivity. *Sotsiologiya veshchei*. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2006. P. 169-99. (In Russ.)
4. Erofeeva M. Actor-network theory. An object-oriented sociology without objects? *Logos*. 2017;3:83-112. (In Russ.)
5. MacKenzie D. Is economics performative? Option theory and the construction of derivatives markets. *Do economists make markets?* Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 54-86.
6. Knorr-Cetina K., Brygger. U. The market as an object of affection. A study of postsocial relations in financial markets. *Sociology of things*. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2006. P. 307-41. (In Russ.)
7. Ivahnenko E.N. Sociology meets complexity. *RSUH / RGGU Bulletin. Series "Philosophy. Religion studies"*. 2013;1:90-101. (In Russ.)
8. Orlov D.E., Orlova N.A. Autopoiesis of techno-social systems as the factor in the growth of social risks. *RUDN journal of sociology*. 2015;15(2):59-68. (In Russ.)
9. Dmitriev I.B. Aspects of conjunction of views of Rorty and Luhmann in the prospect of overcoming the old intellectual tradition. *RSUH/ RGGU Bulletin. Series "Philosophy. Religion studies"*. 2014;10:106-12. (In Russ.)
10. Luhman N. The Society of society (Theory of Society). Part. 5: Samoopisaniya. Moscow: Logos Publ.; 2011. 640 p. (In Russ.)
11. Luman N. "What is happening?" and "What's at the back of it?" Two sociologies and the theory of society. *Russian sociological review*. 2007;6(3): 100-101. (In Russ.)
12. Zerubavel E. The elephant in the room: Silence and denial in everyday life. Oxford University Press, 2007. 176 p.
13. Vildavski A., Dejk K. Theories of Risk Perception. Who Fears, What and Why? *Thesis*. 1994;5:268-76. (In Russ.)
14. Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley: University of California Press, 1982. 292 p.
15. Moss M. The physical impact of the collectively inspired thoughts about death on the individual. *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii*. Moscow: Eastern literature Publ.; 1996. P. 223-41. (In Russ.)
16. Dzolo D. Democracy and complexity. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ.; 2010. 320 p. (In Russ.)
17. Sontag S. Illness as metaphor. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 176 p. (In Russ.)
18. Mol A. Multiple body. Ontology in medical practice. Perm: Gile Press, 2018. 254 p. (In Russ.)
19. Pinch T. Taming the non-human. *Ontology of artifacts*. The interaction of the "natural" and "artificial" components of the vital world. Ed. by O.V. Stoliarova. Moscow: Delo Publ.; 2012. P. 352-74. (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина А. Крайнова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; irakrainova@yandex.ru

Information about the author

Irina A. Krainova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; irakrainova@yandex.ru

УДК 792.028

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-46-58

О различии реального и не-реального на сцене и за ее пределами

Виктор И. Молчанов

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия,

victor.molchanov@gmail.com

Аннотация. Отличительные признаки и взаимное соответствие реального и не-реального рассматриваются на примере театра как вида коммуникативной практики. Термин «не-реальное» (через дефис) вводится для обозначения разнообразных неконтингентных систем значений и значимостей, которые выступают в качестве коррелятов реального измерения соответствующих человеческих миров, или пространств, а также в качестве основного средства коммуникации. К признакам реального относятся, во-первых, человеческая телесность в ее движениях, действиях, ощущениях, во-вторых, предметы, с которыми так или иначе, прямо или косвенно телесно соприкасается и действует человек, а также контингентность, или случайность, сочетание неопределенности и определенности каждый раз конкретной человеческой ситуации. Особое значение уделяется различию не-реального как системы значений и вымысла. Подвергается критическому анализу позиция А. Шюца о сознании реальности сценического, исходным пунктом которой явилась концепция У. Джеймса о многообразии реальностей. Подробно рассматривается концепция Ирвинга Гофмана, критическому анализу подвергается его попытка применять термин «роль» в отношении как сценической, так и внесценической жизни.

Проводится сравнение между театром и кино в аспекте коммуникации между зрителями и актерами.

Ключевые слова: реальное, не-реальное, вымысел, фантазия, театр, актер, роль, персонаж

Для цитирования: Молчанов В.И. О различии реального и не-реального на сцене и за ее пределами // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 46–58. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-46-58

On distinguishing the real from the non-real on the stage and off it

Molchanov Victor I.

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
victor.molchanov@gmail.com*

Abstract. The distinctive features and mutual correspondence of the Real and Non-real are considered by the example of theatre as a kind of communicative practice. The term “Non-Real” (hyphenated) is introduced to denote various non-contingent systems of meanings and significations, that serve as correlates of the actual dimensions of human worlds or spaces, as well as the main means of communication.

The signs of the Real include, firstly the human corporeality in its movements, actions, feelings, secondly objects with which in one way or another, a human being comes into the bodily contact and acts, as well as a contingency or chance, a combination of the uncertainty and certainty of each time a particular human situation. Special attention is paid to the distinction between the Non-Real a system of meanings and the Fictional. The article critically analyses A. Schutz's position concerning a consciousness of the reality of the on stage performance for which the concept of W. James on the diversity of realities was the starting point. Erving Goffman's concept of theater as a frame is taken into a detailed account, along with his decision to apply the term “role” to both stage's and off-stage's life, that is analyzed critically.

A comparison between the theatre and the cinema in terms of communication between viewers and performers is made.

Keywords: the Real, the Non-real, fiction, fantasy, theatre, actor, role, character.

For citation: Molchanov VI. On distinguishing the real from the non-real on the stage and off it. *RSUH / RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;2:46-58. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-46-58

Введение

Различие и взаимная необходимость реального и не-реального составляют конститутивный элемент коммуникации – основного феномена человеческого мира. Вопрос о различии и признаках реального и не-реального имеет исключительное значение для анализа коммуникативных процессов в современном мире, в котором сегмент виртуального постоянно увеличивается. С этим вопросом связан и вопрос о том, какой модус сознания, шире – модус отноше-

ния к окружающему миру, является первичным – восприятие или суждение. Последний вопрос имеет не столько теоретическое, сколько практическое значение: речь идет о практическом споре между позициями воспринимающего человека и человека судящего и действующего. *Abschattungen*, т. е. перспективизм восприятия, или его ракурсы, есть не что иное, как совокупность актуальных и потенциальных суждений. Вряд ли перспективизм сохраняется в изображении перспективизма: восприятие пейзажа и картины, на которой изображен этот же пейзаж, существенно различны. Существенна и разница в пропорции реального и не-реального в этих и любых других восприятиях предмета и его изображения. Во всяком случае нелишне будет помнить надпись Рене Магритта под картиной, изображавшей трубку: «Это не трубка».

Изображение трубки не-реально, но это не вымысел, это изображение реального предмета, предмета, с которым может соприкоснуться человеческое тело, предмета, который можно использовать по назначению или не по назначению, но все же с определенной, «телесной» целью. Реальное измерение человеческого мира предполагает присутствие человеческой телесности и предметов, с которыми она соприкасается. К изображению прикоснуться невозможно, можно прикоснуться к картине (но лучше этого не делать), к краскам, с помощью которых художник изобразил трубку, человека, пейзаж и т. д. Аналогичным образом, можно прикоснуться к поверхности стола, но нельзя прикоснуться к плоскости как математической абстракции. Стол – реальный предмет, плоскость – не-реальный. Кажется, что такой критерий реальности не слишком далеко отстоит от *esse est percipi* Беркли. Однако человеческая телесность реализует себя не в восприятиях, не в перцепциях, но прежде всего в значимых движениях, которые заслуживают названия «телесных суждений» и которые, так же как и суждения в обычном смысле, претендуют на истинность. При этом нет какой-либо космической или социальной закономерности, которая определяла бы наше местонахождение именно здесь и сейчас, нашу теперешнюю профессию и прочие наши сегодняшние занятия и действия. В этом смысле многообразные человеческие миры, в том числе и мир искусства, в частности мир театра, в реальном их измерении контингентны, или случайны¹.

¹ О различии реального и не-реального см. подробнее: *Молчанов В.И.* О различии реального и не-реального в коммуникативной практике // Ежегодник по феноменологической философии. Вып. 5. М.: РГГУ, 2019. (в печати)

Не-реальное и фантазия

В контексте проблемы коммуникации возникает вопрос о том, какую роль различие реального и не-реального играет в самом коммуникативном из всех искусств, и в этом смысле в искусстве самом важном для нас — в театре. Эта статья не притязает ни на то, чтобы высказать нечто о театре и кино, исходя из истории стилей, дать оценку тем или иным направлениям или отдельным произведениям искусства и т. д., ни на то, чтобы непосредственно применить принципы феноменологической философии к исследованию феноменов кино или театра. Сами эти принципы должны пересматриваться в связи с новыми феноменами, с которыми лишь отчасти были знакомы классики феноменологии. Речь идет лишь о различии реального и не-реального как условия коммуникативной практики в любом пространстве человеческого мира (пространство в мире, а не мир в пространстве, как верно утверждает Хайдеггер), в том числе и в театре. Из всех искусств в театре, на мой взгляд, это различие наиболее рельефно выступает на первый план.

Зритель видит актеров в их двойной телесности — людей и персонажей, и сами актеры осознают себя в этой двойственности. Человеческая телесность и в том и в другом случае должна отходить на второй план, иначе мы будем иметь дело с одним из проявлений натурализма: мы будем видеть актера имярек, а не его перевоплощение, а сам актер будет ощущать, что он, как говорится, не вошел в роль. Однако человеческая телесность актера не исчезает полностью ни в глазах зрителя, ни в его собственном самоощущении, и одним из условий спектакля как художественного произведения является это двойственное различие реального и не-реального в отношении телесности актера.

А. Шюц, подкрепляя примерами концепцию У. Джеймса о многообразии реальностей, пишет:

Пока длится театральное представление, Гамлет для нас реально является Гамлетом, а не Лоуренсом Оливье, «играющим роль» или «представляющим» Гамлета [1 с. 510).

Термин «реально» остается здесь, однако, неопределенным. Даже если принять определение Джеймса, согласно которому реально то, на что мы обращаем внимание (реальны как вещи обыденного опыта, так и предметы науки, а также идеальные отношения, мифология и т. д.), то все же «реальность» Гамлета во время спектакля даже в том смысле, который придает этому термину Шюц, не абсолютна, иначе мы вообще не могли бы оценить игру

актера и спектакль в целом. Даже если мы забываем, что перед нами тот или иной актер, все же мы не забываем, что смотрим спектакль, а не участвуем в представленном действии.

«Реальности» Джеймса не хватает «реального» противопоставления. Реальность противопоставляется, как правило, вымыслу, а вымыслом можно считать и Гамлета, и Коцея Бессмертного, и математическую прямую или плоскость, так как в «реальном мире» нет ни первого, ни второго, ни третьего. Само по себе противопоставление реальности и вымысла вполне оправдано, однако оно явно недостаточно, ибо под вымыслом объединяются разнородные области.

Примечательно, как почти буквальное совпадение слов может существенно отличаться по смыслу. Ортега-и-Гассет пишет:

Общепризнано, что у фантазии репутация городской дурочки. Но и наука, и философия — что такое они, если не фантазия? Точка в математике, треугольник в геометрии, атом в физике не были бы носителями конституирующих их точных свойств, если бы не являлись чисто умственными конструкциями. <...> Одно несомненно: треугольник и Гамлет имеют общее pedigree. Они — фантазмагории, дети городской дурочки фантазии [с. 486].

Можно было бы порадоваться такому совпадению со знаменитым испанским философом, если бы не иной контекст и практически противоположный смысл. Ортега подчеркивает исключительную роль фантазии в человеческой жизни: «Человек обречен быть романистом» [2 с. 487]. Очевидна роль фантазии в науке и искусстве, но фантазия необязательно ведет к фантазмагориям (ни треугольник, ни Гамлет не являются таковыми, но их можно отнести к различным сферам не-реального), поскольку фантазия не существует вне других модусов сознания (в нормальном его состоянии). И хотя в словах Ортеги есть доля иронии, все же фантазия у него обречена создавать нечто фантастическое. При этом Ортега, как и Шюц, а также Ирвинг Гофман, как мы увидим далее, полагает фантазию единственной противоположностью реальности.

Фактически «реальности» Джеймса соответствует термин «существование». Существует все, на что мы обращаем внимание, но в том, что существует, всегда имеет место различие реального и не-реального, и каждый мир, или субуниверсум, будь это мир театра или детских игр, мир науки и мир обыденной жизни, характеризуется различием своего реального и своего не-реального. То, что Шюц называет в данном контексте реальным, характеризуется как раз вытеснением реального на задний план вплоть до исчезновения и выдвигания на передний план не-реального, но не вымысла,

а системы значений, в которых посредством речи и действий выражены ситуации, эмоции, ценности. Говоря точнее, не реальное вытесняется не-реальным (ибо нет отделенных друг от друга сфер реального и не-реального в одном и том же «субуниверсуме»), но различие между реальным и не-реальным редуцируется до несущественного. Реальное или не-реальное могут выделяться и рассматриваться как отдельные сферы только из внешней позиции по отношению к той или иной сфере, или тому или иному человеческому миру.

Другой известный американский социолог, Ирвинг (или Эрвин) Гофман (Erving Goffman), также следует концепции Джеймса о многообразии реальностей и также полагает единственным противопоставлением реальности вымысел, или фантазию. Сходство и расхождения двух выдающихся социологов и их понимание реальности в целом – тема специального исследования. Здесь мы затронем только вопрос о различии не-реального и вымысла в применении к театру как виду коммуникативной практики.

«Характерной чертой театральных постановок является то, что финальные аплодисменты рассеивают все иллюзорное» [с. 193]. «Теперь, – продолжает Гофман, – что бы ни изображалось на сцене, воспринимается не как нечто реальное, но как спектакль» [3 с. 194]. Кажется, что Гофман выражает тот же взгляд, что и Шюц: во время спектакля действие представляется реальным, а после – иллюзорным. Противопоставление реального иллюзорному и вымышленному у Гофмана очевидно. Когда же Гофман различает сценическую жизнь и реальную жизнь в обществе, возникает вопрос: термин «реальный» употребляется здесь в том же самом значении, что и ранее, когда речь шла о реальности действия «для нас» во время спектакля?

Роль на сцене и в жизни

Основная проблема для Гофмана – различие между ролью и исполнителем. Театр, полагает он, делает это различие наглядным в «реальной» жизни. В качестве примера реальных действий выбран водопроводчик по профессии, наделенный именем Джон Смит; он хороший мастер, никудышный отец, верный друг и т. д. Итак, Смит делает в мастерской нечто реальное (и это еще одно значение слова «реальный», причем вряд ли это термин), а известный актер Джон Гилгуд представляет на сцене нечто нереальное: «Гамлетовская болтовня нереальна и существует только в воображении» [3 с. 190]. Более того, Смит обладает реальной идентичностью с указанными выше качествами, или ролями, а «когда Гилгуд играет Гамлета, он представляет фиктивную, описанную в пьесе идентичность, проявляю-

щуюся через вымышленные качества Гамлета-сына, возлюбленного, принца, друга и т. д., причем все они соединены одной биографической нитью, пусть и вымышленной» [3 с. 191]. Такое противопоставление реального и фиктивного Гофмана не совсем устраивает, хотя он не отказывается от характеристики «гамлетовской болтовни» как нереальной, отождествляя при этом нереальное и воображаемое. Примечательна здесь характеристика пьесы Шекспира у социолога – это описание фиктивной идентичности, проявляющей такие-то и такие-то качества, т. е. выполняющей определенные, фиктивные функции. Ясно, что такое описание имеет отношение скорее к некоторым темным сторонам «реальной» жизни, нежели к театру, разве что водопроводчики будут выдавать себя за актеров, а актеры – за водопроводчиков. «Проблема заключается в том, что термин “роль” мы склонны обозначать и профессиональную деятельность Гилгуда, и роль Гамлета (которого играет Гилгуд)» [3 с. 191]. Чтобы избежать путаницы и не смешивать реальное и вымышленное (мы опять встречаемся с этим противопоставлением), Гофман предлагает «использовать термин “роль” как эквивалент особого качества, или функции, проявляющейся как вне сцены – в реальной жизни, так и в ее сценической версии» (Там же). Казалось бы, наоборот, нужно термин «роль» отнести к какой-либо одной сфере – или сценической или внесценической, но задача Гофмана как раз и состоит в том, чтобы сблизить реальную жизнь и сцену, однако не реальность и «вымысел» драматурга, но реальность человека по имени Джон Гилгуд на сцене и вне сцены.

Джон Гилгуд, утверждает Гофман, также совершает реальные действия на сцене, как и водопроводчик в мастерской, осуществляя свою профессиональную функцию – быть актером. Эта функция, или качество, как предпочитает называть функцию Гофман, выполняется наряду с другими – посещениями репетиций, профсоюзных собраний актеров и проч.

Гофман, упоминая и кратко рассматривая драматургический прием «пьеса в пьесе», строит свою концепцию (явно или неявно) по такому же образцу: театр у него – это пьеса, встроенная в большую пьесу («Весь мир театр»), причем по этой встроенной пьесе мы должны судить об остальном мире. Собственно, так и задуман этот прием в драматургии; например, «мышеловка» в «Гамлете» должна выявить то, что было «на самом деле». Гофман использует метафору театра для исследования нетеатральной, как он ее называет, «реальной» жизни, причем эта метафора касается только различий роли и исполнения. При всей привлекательности и плодотворности такого метода, он все же имеет существенные ограничения, обсуждать которые здесь нет возможности. Однако социолог на этом не останавливается: метафору театра он переносит затем обратно на

театр, и театр характеризуется как один из фреймов опыта. При этом театр – это такой вид опыта, который служит образцом для исследования всех его видов. Фактически театр выглядит у Гофмана как вид мошенничества: там разыгрывают фиктивные биографии, создают иллюзию реальности, да еще срывают при этом аплодисменты. В результате обратной метафоры предметом исследования становится не театр как вид искусства и соответствующей коммуникации, но как система действий, имеющая место в здании театра и рассмотренная с самых разных точек зрения, которые объединяет лишь различие роли и исполнения.

В театре, по Гофману, все исполняют свои роли: актер выполняет свои профессиональные обязанности и это его роль, зрители, особенно не «простые» и случайные, а «театралы», также играют роль театралов (к этому можно было бы добавить еще многое), в театре, видимо, найдется место и для Джона Смита, который будет играть роль водопроводчика, но тогда и водопровод будет играть роль, обеспечивающую нормальное функционирование театра. Не должны ли мы тогда вызывать водопроводчика и сообщать ему, что водопроводный кран в нашей квартире перестал играть свою роль? Может быть, и театральная афиша должна выглядеть так: роль Гамлета исполняет (профессиональная) роль Гилгуда или Лоуренса Оливье? Полагаю, что ни Джон Гилгуд, ни Джон Смит (ни в качестве водопроводчика, ни в качестве театрального зрителя) не согласились бы с таким «поворотом сюжета». Языковая форма «в качестве» подсказывает нам, в чем, собственно, дело. Вызывая водопроводчика, как правило, интересуются этим человеком в качестве водопроводчика, а не в его других качествах (верного друга, хорошего или плохого отца и т. д.).

Однако вызванный для ремонта слесарь не «играет роль» слесаря ни для нас, ни для самого себя, если он не мошенник или преступник. Слесарь, если он действительно слесарь, «играет роль» только для социолога, который подсчитывает и изучает его различные социальные функции. Точно так же Джон Гилгуд интересен нам как актер и режиссер (поклонники могут, конечно, интересоваться его биографией, его политическими взглядами и т. д.), но не как человек по имени Джон Гилгуд, который занят тем-то и тем-то, и среди этих дел находит время сыграть Гамлета. Что же «буквально», спрашивает Гофман, делает на сцене Джон Гилгуд? Ответ социолога вполне закономерен: Джон Гилгуд выполняет свои профессиональные обязанности. Однако, если посмотреть внимательно на сцену во время спектакля, а не размышлять над собственными или чужими теориями, то можно увидеть, что Джон Гилгуд, или Лоуренс Оливье, или любой другой актер с помощью движений, голоса, взгляда и т. д., т. е. телесно, выражает мысли и

чувства, которые, кстати сказать, никак нельзя назвать фиктивными, или вымышленными.

Позиция Гофмана – наблюдательная, это позиция со стороны, которая фиксирует лишь различие роли и исполнения, причем персонаж на сцене остается вымыслом, а роль в реальной жизни – реальным качеством. Отличается ли эта позиция в этом отношении от позиции Шюца, мы здесь не обсуждаем.

Для того чтобы отличать игру и реальность, необходимо как раз понятие не-реального. Человек любой профессии не играет в профессию, не исполняет роль профессионала, если, конечно, он не притворяется и не выдает себя за того, кем не является. Также и актер не играет роль актера на сцене, он не играет в профессию «актер», но выражает на сцене чувства и мысли, благодаря которым все действие захватывает зрителя как «реальное». Актер как человек и актер как персонаж, например Гамлет, относятся к разным мирам, в каждом из которых имеет место различие реального и не-реального. В сценической жизни доминирует не-реальное – законченная, заданная текстом и его интерпретацией система значений, определяющая границы реального – той или иной телесности актеров, декораций, и т. д. Во внесценической жизни доминирует реальное – коммуникативно случайное, непредсказуемое, открытое для будущего и из будущего для интерпретации прошлого. Актер имярек по разным причинам может перейти в другой театр, переехать в другой город, по-разному оценивать свои возможности и игру товарищей по цеху, но Гамлет никогда не уедет обратно в Виттенберг и никогда не изменит своей оценки других персонажей. Это различие, как и всякое различие, не абсолютно, ибо в «реальном» мире – в данном случае в мире людей, ставших театральными актерами, – также работает различие реального и не-реального. Это различие иерархично и контекстуально, и в этом его абсолютность.

Различие реального и не-реального – необходимое условие восприятия (в широком смысле) спектакля. Это восприятие формируется, как известно, автором пьесы и режиссером; движения и жесты актеров суть не что иное, как согласие (пусть даже не полное) с суждениями (замыслами, указаниями, просьбами, разъяснениями) автора и режиссера. Суждение формирует восприятие, причем не только со стороны исполнителей и авторов, но и со стороны зрителей, которые приходят в театр со своими установками, мнениями, предпочтениями и т. д. Если не-реальное как основной элемент восприятия спектакля по какой-то причине отходит на второй план, то на первый план выходят реальные предметы, как это замечательно представлено у Л. Н. Толстого, когда Наташа Ростова:

...видела только крашенные картоны и странно-наряженных мужчин и женщин, при ярком свете странно двигавшихся, говоривших и певших; она знала, что всё это должно было представлять, но всё это было так вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совестно за актеров, то смешно на них².

Очевидно, что различие реального и не-реального относится в театре не только к пониманию двойственности телесности. Само театральное действие предполагает сочетание реального и не-реального, в данном случае условного. Декорации и костюмы условны, даже если актер выходит на сцену в своей повседневной одежде, – одежда на сцене тоже «перевоплощается», как и мебель. Однако реальный аспект костюмов и мебели не исчезает совершенно. В костюмах и мебели различаются реальное и не-реальное, так же как и в персонажах, характерах, переживаниях, страстях, насмешках и т. д. Однако главное состоит все же не в этом. Различие реального и не-реального в театре имеет место *Здесь и Сейчас*. Если тот же самый кинофильм можно смотреть сколько угодно раз и через сколько угодно лет, то тот же самый спектакль нельзя посмотреть даже на следующий день, не говоря уже о годах. Можно возразить, конечно, что того же самого кинофильма также не существует, что существует только тот же самый носитель, что значения и смыслы создаются при просмотре, что они меняются «со временем» и с возрастом. Кроме того, спектакль может быть записан, а запись также можно воспроизводить многократно. Все это отчасти справедливо, но только в отношении зрителей, а не исполнителей, реализующих замысел режиссера и свои интерпретации. Театральный спектакль представляет собой уникальное совместное действие актеров и зрителей (а также слушателей). Актеры частично тоже зрители, причем опять-таки в двойном ракурсе – как персонажи, смотрящие на других персонажей или отворачивающиеся от них, и как зрители, оценивающие игру партнеров и реакцию зрительного зала. (С экрана нельзя установить контакт со зрителем, а просмотр записанного на пленку спектакля можно сравнить с прослушиванием музыки в записи или с созерцанием копии картины в альбоме.) Актеры театра стареют как люди и изменяются как актеры (например, приобретают опыт или теряют его). Актеры на экране остаются все в той же поре, с тем же самым актерским опытом, в том же самом кинопространстве. Зрители отделены рампой от сценического смыслового пространства, но сами зрители при этом соответствуют пространству – и не только в смысле театрального помещения, но и пространству смысловому.

² Толстой Л.Н. *Война и мир* // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1980. С. 338.

В кино, в этом математическом театре, нет рампы, изображение как бы втягивает в себя зрительный зал. Место различия реальной и не-реальной телесности занимает различие двух изображений – двух не-реальностей. В кинокартине нет ни реальных предметов, ни реальных людей, т. е. предметов и людей, которые отличались бы от не-реальных. В отличие от театра с его условностями, в кинофильме можно до мелочей представить пространство действия – непосредственный окружающий мир персонажей, который воспринимается как подобный и даже тождественный действительному. Однако все, что могло случиться реально-действительного, уже случилось на съемочной площадке, и реальные процессы теперь могут иметь место только в отношении хранения носителя и показа кинофильма зрителям.

Заключение

Двойственность представления – быть представлением непосредственно воспринимаемого предмета и быть представлением в воображении, т. е. быть восприятием образа, – используется в «важнейшем для них» искусстве, т. е. в кино и телевидении. Восприятие изображения людей и ситуаций выдается за восприятие реальных людей, предметов, ситуаций. Тем самым возникает возможность манипулировать восприятием, выдвигая его на передний план и оставляя суждения на заднем плане. Образы становятся образцами поведения, одежды и многого другого. Разумеется, и в кино суждения и воззрения (сценариста, режиссера, оператора, продюсера и др.) определяют в той или иной степени игру актеров и посредством актеров формируют восприятие зрителя, но у изображений уже нет и не может быть «свободы слова». В фильме актер не может произнести ту или иную фразу иначе, сделать то или иное движение иначе, чем это запечатлено на пленке. Актер на экране не обладает свободой суждений, т. е. свободой жеста, интерпретации, интонации и т. д., разве что на съемочной площадке. Суждения в кино непосредственно привязаны к изображению и ни в малейшей степени не могут быть изменены. По существу, суждения и восприятия становятся тождественными. Кинозритель идет от изображения к изображению, от значения к значению, связь которых монтируется независимо от конкретного каждый раз различия реального и не-реального. Зрители в кинотеатре или перед телевизором имеют дело только с изображениями людей и ситуаций; они проводят это различие только в общении между собой, причем в большей степени это происходит перед телеэкраном. На экране, т. е. в кинокартине, различие между реальным и нереальным

выступает в качестве не-реального, т. е. в качестве значения, которое придают ему создатели фильма и которое воспроизводится зрителями, но не проводится ими. Динамика изображений и восприятие этой динамики формируют в кино суггестивную составляющую того или иного образа и общей конфигурации смысла.

Театр – открытое искусство, но не такое массовое, как кино. Парадокс кино в том, что самое массовое искусство является и самым закрытым. В театре искусство творится непосредственно на сцене, в кино – за семью печатями. В театре есть различие между репетицией и спектаклем, в кино – только репетиции, из которых выбирается лучшая. В театре невозможен монтаж, но редкий кинофильм обходится без него.

В кино есть сценарий, который никто, кроме узкого круга заинтересованных лиц, не читает и который никакого значения за пределами фильма, как правило, не имеет. Текст пьесы (речь в основном о классике), с одной стороны, живет самостоятельной, внесценической жизнью, с другой – является основой и коммуникативной нитью театрального спектакля. Текст пьесы, как вечно молодое и гибкое дерево, способное расти на разной культурной почве, дает все новые побеги – «приращение смысла», о чем вряд ли можно говорить в отношении киносценария.

В процессе театрального спектакля формируется многоплановая коммуникация; различие реального и не-реального конституирует все ее виды – между текстом (иногда автором) и режиссером, между текстом (автором) и актерами, между актерами и актерами, актерами и зрителями, между автором, режиссером и зрителями, между текстом, режиссером и зрителями, между зрителями и зрителями; это различие многообразно и многомерно, оно аналогично различию реального и не-реального в других человеческих мирах – мире труда, мире спорта и т. д.

В театре на первом плане коммуникативные суждения, в том числе и телесные, не только передающие эмоциональные состояния и моральные, а также другие убеждения персонажей, но и формирующие определенный тип коммуникативной практики, которая в свою очередь образует общий смысл и настроение спектакля. Как спектакль, так и кинофильм (ясно, что бывают плохие спектакли и гениальные фильмы) могут вызвать разного рода суждения и обсуждения *post factum*; но дело заключается в существенной разнице опыта коммуникации, приобретаемого в кино и театре.

Статья выполнена в рамках гранта «Проблема интерсубъективности в феноменологии и за ее пределами: аргументы, термины, дескрипции» Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00-845.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “The Problem of Intersubjectivity in Phenomenology and beyond it: Argumentation, Terms, and Descriptions », № 17-03-00-845.

Литература

1. Шюц А. Символ, реальность, общество // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1055 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 462–491.
3. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 750 с.

References

1. Schutz A. Symbol, Reality, Society. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2004. 1055 p. (In Russ.)
2. Ortega y Gasset J. Ideas and Beliefs. Ortega y Gasset J. *Estetika. Filosofiya kul'tury*. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1991. P. 462-91. (In Russ.)
3. Goffman E. Frame analysis. An Essay on the Organization of Experience. Moscow: Institut sotsiologii RAN Publ.; 2004, 587 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Виктор И. Молчанов, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; victor.molchanov@gmail.com

Information about the author

Victor I. Molchanov, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; victor.molchanov@gmail.com

Немецкая феноменология о религиозном кризисе первой половины XX в.

Александр В. Кольцов

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия, avk-23@yandex.ru*

Аннотация. Статья является «кейсовым» исследованием в рамках проекта, направленного на поиск философских истоков топоса «религиозного кризиса», который активно использовался немецкими теологами первой половины XX в. В данной работе эта задача решается на материале феноменологической философии 1900–1930-х годов. На основе анализа эксплицитных указаний в сочинениях Э. Гуссерля, А. Райнаха, Э. Штайн и М. Шелера, а также в связи с биографическим и историческим контекстом их творчества прослеживается связь рассуждений о «духовном кризисе» с философской программой феноменологического движения. Кроме того, рассматриваются проекты феноменологического переоснования христианской теологии, предложенные каждым из упомянутых авторов. В итоге удается выделить три аспекта критики религиозной ситуации: 1) убежденность в наличии принципиального конфликта между христианской традицией и интеллектуальной ситуацией Нового времени; 2) обеспокоенность общей для науки и европейской культуры в целом проблемой забвения существенных основ всех сфер деятельности; 3) указание на необходимость обновления богословского языка и прояснения смысла ключевых вероучительных положений. Результаты рассмотрения могут быть использованы для формулировки категорий, гипотетически присущих топосу «религиозного кризиса».

Ключевые слова: феноменология, философская теология, религиозный кризис, секуляризация

Для цитирования: Кольцов А.В. Немецкая феноменология о религиозном кризисе первой половины XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 59–70. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-59-70

German phenomenology on the religious crisis of the 1st half of the 20th century

Aleksandr V. Koltsov

*St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia,
avk-23@yandex.ru*

Abstract. The paper is a case-study, fulfilled as a part of the research project, which aims to investigate philosophical background of the “religious crisis” narrative which was actively used by German theologians of the 1st half of the 20th century. The study concentrates on the material of phenomenological philosophy of the 1900–1930s. Analyzing explicit mentions in the works of Husserl, Reinach, Stein and Scheler and considering biographical and historical context of their thought, the paper tries to observe connections between the considerations of “spiritual crisis” and philosophical programme of the phenomenological movement. The paper analyses as well original projects of refounding the Christian theology, offered by each of the above mentioned authors.

As a result, it is possible to distinguish three aspects of criticism of the contemporary religious situation: 1) the conviction that there is a fundamental conflict between the Christian tradition and the intellectual situation of the New Age, 2) concern about the common for science as well European culture as a whole forgetting the essential foundations of all spheres of action, 3) indicating the need to update the theological language and to clarify the key dogmatic statements. The results of the review can be used to formulate the categories hypothetically inherent in the concept of “religious crisis”.

Keywords: phenomenology, philosophical theology, religious crisis, secularization

For citation: Koltsov AV. German phenomenology on the religious crisis of the 1st half of the 20th century. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019; 2:59-70. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-59-70

Введение

Рассуждения о «духовном кризисе» являются общим местом для теологии первой половины XX в. Так, в истории немецкого протестантизма принято выделять особый период «теологии кризиса», когда либеральная школа все чаще подвергается критике, на фоне чего ведется напряженный поиск новых программных стратегий¹. В католической теологии одной из ведущих тем является «кризис

¹ О кризисных явлениях в духовной жизни пишет историк протестантской теологии Ульрих Барт: *Barth U. Religion in der Moderne.* Tübingen: Mohr Siebeck, 2003. S. 32, 145–156, 164, 167f.

священства», рассуждения о котором, не ограничиваясь пастырской проблематикой, фиксируют значимые трансформации в религиозном сознании современных людей [1]. «Кризисная риторика» хорошо известна и православному богословию этого периода – во-первых, достаточно указать на прот. Александра Шмемана, в чьих работах о евхаристии неизменно говорится об упадке церковного сознания и связанном с ним забвении исконных смыслов мистериологии²; во-вторых, можно вспомнить картину истории русского богословия прот. Георгия Флоровского, где центральным мотивом становятся «западное пленение» и необходимость его преодоления в XX в.³

В настоящее время складывается исследовательский подход, в рамках которого тему «религиозного кризиса» предлагается изучать как отдельный случай более широкого явления⁴, – речь идет о кризисном сознании, наблюдаемом в интеллектуальном дискурсе начала XX в. В этой связи особое значение приобретает внимание к философским истокам кризисной риторики, которые, вероятно, в равной степени обуславливали все частные ее изводы.

В настоящей статье предполагается сосредоточиться на материале немецкой феноменологии первых десятилетий XX в. Этот случай оказывается особо показательным по двум причинам. Во-первых, феноменология возникла как философское движение, изначально ориентированное на «кризисную» повестку дня, – и помимо соответствующего самосвидетельства (о чем будет сказано далее) стоит указать на то, что в истории науки под влиянием работы Ф. Рингера⁵ сложилось представление о времени 1890–1930-х годов как о периоде особенно радикальных перемен как в социальном статусе, так и во внутреннем этосе университетской науки; без сомнения, феноменологическая философия была вынуждена учитывать эту ситуацию. Во-вторых, как будет показано, в текстах Гуссерля и его учеников (А. Райнаха, М. Шелера и Э. Штайн) проблема кризиса христианства ставится и обсуждается довольно эксплицитно. В этой связи стоит упомянуть, что названные представители феноменологического движения разрабатывали общий проект философ-

² Шмеман А., *протопресв.* Евхаристия. Таинство Царства. М.: ГРАНАТ, 2018. С. 4, 9–10, 268.

³ См.: Флоровский Г., *прот.* Пути Русского Богословия. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009.

⁴ Примером такого подхода является сборник: Kultur und Kulturwissenschaften um 1900. Bd. 1: Krise der Moderne und Glaube an die Wissenschaft, Kultur und Kulturwissenschaften um 1900 / R. vom Bruch et al., Hrsg. Stuttgart: F. Steiner Verlag Wiesbaden, 1989. S. 10–15, 197–199.

⁵ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. М.: НЛО, 2008.

ской феноменологии религии, который с несомненностью оказал существенное влияние на религиозный дискурс XX в., – таким образом, вполне возможно допустить, что теологические ходы кризисной риторики были напрямую обусловлены рассматриваемыми нами текстами.

1

Вот что пишет о религиозном климате своего времени Гуссерль:

Я рос в атмосфере господства позитивизма, который воспринимался как единственная точка зрения, подобающая просвещенным людям. В окружавшей нас религии такой позитивизм видел лишь, с одной стороны, примитивные суеверия отсталых людей, кумиропоклонничество и тому подобное, с другой стороны, обскурантистский догматизм учений⁶.

Эта цитата показательна, поскольку не только является автобиографическим свидетельством, но и красноречиво описывает контекст, общий для многих участников феноменологического движения.

Мы знаем, что, как сам Гуссерль, так и Макс Шелер, Адольф Райнах и Эдит Штайн происходили из секуляризованных, проевропейски настроенных еврейских семей, и все они в равной степени считали себя теми «просвещенными людьми», для которых позитивные науки представлялись «единственной подобающей точкой зрения». В связи с этим неудивительно, что философским занятиям в большинстве случаев предшествовало обучение у ведущих интеллектуалов своего времени (так, Гуссерль, как известно, изучал математику, Райнах – право, Штайн – психологию). В феноменологию они приходили светскими интеллектуалами, готовыми относиться к религии в лучшем случае (как напишет о Райнахе Ядвига Конрад-Мартинус) «с безусловным почтением и разумной робостью», но эти сферы им лично «были недоступны»⁷. Христианское крещение в каждом случае становилось результатом осознанного выбора, причем – как понятно из приведенных слов Гуссерля – встреча с религией не могла не вступать в конфликт со сложившимся уже светским мировоззрением.

Таким образом, биографический материал позволяет говорить о существовании конфликта между культурной ситуацией (кото-

⁶ *Schweighofer A.* Religiöse Sucher in der Moderne: Konversionen vom Judentum zum Protestantismus in Wien um 1900. Berlin; Boston: DeGruyter, 2015. S. 156.

⁷ *Ibid.* S. 30.

рая соотносится Гуссерлем с «просвещенностью» и характеризуется «господством позитивизма») и христианской традицией (в приведенном отрывке она описана через эпитеты «суеверия», «кумиропоклонничества» и «обскурантистского догматизма»). У Макса Шелера мы находим теоретическую рефлексию по этому поводу: в одном из разделов «О вечном в человеке», посвященном обзору современных богословских концепций, феноменологическая программа представлена как единственный путь преодоления «зияющей преграды» между современной культурой (*moderner Bildungswelt*) и богопознанием⁸. Обосновывающее этот тезис рассуждение напоминает веберовский рассказ о «расколдовывании мира», только здесь речь идет фактически об обезбоживании цивилизации Нового времени, и начало этого процесса усматривается несколько раньше. По мысли Шелера, уже схоластика лишает язык богословия собственно религиозных смыслов – а любые суждения о Боге вне религиозной установки теряют свою убедительность; так возникает дискурс, ориентированный на этос зарождающейся буржуазной рациональности, которому предстоит стать универсальным языком европейской культуры⁹. Наряду с профанным сциентизмом усугублению религиозного кризиса способствовали тенденции к субъективизму: они обнаруживаются и в общей логике философского процесса, и в специфической духовности протестантского движения. Оба этих направления встретятся в мысли Шлейермахера, критике которой Шелер уделяет особое место, стремясь показать, что его пантеистическая теория религии оказывается в логическом пределе последовательным безбожием¹⁰. Неудовлетворительна и вся последующая традиция либеральной теологии, поскольку даже самые благочестивые ее изводы смогли состояться исключительно ценой конфронтации между верой и рациональностью, следствием чего стал «бесмысленный» религиозный иррационализм¹¹. Основной диагноз, который Шелер ставит всем описанным проектам, – культурный (или, что то же самое, антропологический) редукционизм: в парадигме Нового времени религия неизменно мыслится одной из функций культуры¹², что свидетельствует о забвении собственно религиозного в религии.

⁸ *Scheler M. Vom Ewigen im Menschen. Leipzig: Verlag der Neue Geist, 1921. S. 581.*

⁹ *Ibid. S. 584–591.*

¹⁰ *Ibid. S. 591–602.*

¹¹ *Ibid. S. 614–616.*

¹² *Ibid. S. 676–677.*

2

Приведенное рассуждение Шелера представляется частным случаем «кризисной риторики» в феноменологии. Тема кризиса, наиболее явно разработанная Гуссерлем в итоговом труде, не была для него ни новой, ни случайной: мессианский пафос был неизменным импульсом всего феноменологического движения. Уже в первом томе «Логических исследований», еще только приступая к созданию собственной философской программы, Гуссерль критикует позитивные науки, указывая на непроясненность обоснований каждой отдельной дисциплины¹³. Известно свидетельство Мальвины Гуссерль о том, что при работе над «Логическими исследованиями» философ видел своей задачей выведение науки из того тупика, в котором она оказалась к началу XX в.¹⁴

Геттингенский ассистент Гуссерля Адольф Райнах, ставший адептом феноменологии после прочтения «Логических исследований», в одном из ранних текстов (1910 г.) писал о несостоятельности науки, не способной собственными силами вернуться к сущности своих предметов:

Возникает задача заполнить пробелы, которые отдельные науки оставляют открытыми. Должна существовать особая наука, целью которой будет не исходить из феноменов как базовых данностей, но адекватно и ясно схватывать сами эти феномены... Говоря предельно обобщенно, возникает задача чистой феноменологии¹⁵.

Как видим, речь до сих пор идет о неблагоприятном положении науки. Однако в марбургской лекции Райнаха 1914 г., бывшей своего рода публичным манифестом феноменологического движения, выразительно описывается, как вся духовная жизнь современных людей далека от понимания сущности образующих ее явлений¹⁶, и непроясненность оснований наук выступает здесь частным случаем общекультурной проблемы. Очевидным образом, такой риторике легитимизации новой философской программы через критику исторической ситуации созвучно рассмотренное

¹³ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1. Прологомены к чистой логике. М.: Академический проект, 2011. С. 29.

¹⁴ Schweighofer A. Op. cit. S. 157.

¹⁵ Reinach A. William James und der Pragmatismus // Sämtliche Werke: textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Bd. 1. München: Philosophia-Verlag, 1989. S. 45–50, hier: S. 50.

¹⁶ Райнах А. Собрание сочинений. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 328–329.

выше рассуждение Шелера о несостоятельности всех богословских проектов начала XX в.

Итак, перед нами ряд положений, которые лучше всего будет охарактеризовать как «диагноз своему времени»¹⁷: с одной стороны, это указание на проблему нерелевантности религиозного языка по отношению к культурной ситуации «просвещенной» Европы, с другой стороны – озабоченность непроясненностью смысла явлений, которые культуре в целом, как и научным дисциплинам в частности, представляются чем-то само собой разумеющимся. Следует понимать, что такая критика не является случайным местом, наоборот, она становится необходимой точкой входа в достаточно новую для философии зону ответственности. Как известно, все феноменологическое движение было объединено двумя взаимосвязанными задачами: основной теоретической проблеме возможностей доступа к непосредственным данностям сознания сопутствовала задача разработки сущностных оснований отдельных научных дисциплин – так называемых региональных онтологий¹⁸. В ряду таких попыток – исследования об основах математики, работа Райнаха о фундаментальных принципах гражданского права, психологические очерки Эдит Штайн, и именно в этой связи интересующие нас тексты, посвященные феноменологии религиозного опыта, были задуманы как подготовка фундамента для теологии, отвечающей задаче построения учения о божественном.

3

Таким образом, имеет смысл рассматривать феноменологические проекты пересмотра богословских оснований как яркий случай кризисного мышления; в каждой из предложенных программ будут присутствовать два существенных аспекта: наряду с критикой ситуации разрабатываются пути преодоления выявляемых проблем.

Первым за построение новой системы философии религии взялся Райнах. Дошедшие до нас черновики этого проекта писались во время Первой мировой войны, и эта работа была прервана гибелью философа в 1917 г. Райнах ставит три философских вопроса, прояснение которых должно предшествовать любой позитив-

¹⁷ Или «вердикт» – ср. указание Р. Козеллека на первое и непосредственное значение греческого «кризис» – «суд»: *Koselleck R. Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der Politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006. S. 203.

¹⁸ *Janssen P., Ströker E. Phänomenologische Philosophie*. Freiburg im Breisgau: K. Alber, 1989. S. 87–89; *Штугельберг Г. Феноменологическое движение: Историческое введение*. М.: Логос, 2002. С. 192–193.

ной теологии: во-первых, это феноменологическое описание сущности религиозного как такового (на языке геттингенского кружка речь идет о «необходимых взаимосвязях» в области религиозного), во-вторых, установление «сущностной возможности» догматических утверждений (например, учения о спасении) и, в-третьих, обсуждение эпистемологических основ религии¹⁹. По мысли Райнаха, проработка этих задач способствует преодолению конфликта между верой и интеллектуальными притязаниями современных людей; наоборот, пренебрежение ими чревато непониманием природы верующего сознания, когда религия оценивается с позиций здравого смысла или «науки», оказываясь в обоих случаях нелепым суеверием [15 S. 590–591]. В записках встречаются и более частные рассуждения, основное стремление которых – уловить своеобразие религиозных высказываний, без учета которого их смысл затемняется и в конечном счете понимается превратно. Примерами таких изысканий являются вопрос о совместимости молитвы с верой в благой промысел²⁰, размышление об изначальном совершенстве человека²¹, ряд неординарных христологических интуиций²², наконец, наиболее разработанный в черновиках вопрос о категории «абсолютного» служит прояснению метафоры небесной высоты Божества²³.

Сходную цель преследует в работе 1921 г. «О вечном в человеке» Шелер. Выше указывалось, что в этом сочинении феноменологической философии приписана – ни много ни мало – способность преодолеть исконный для Нового времени конфликт между верой и знанием. С ним же связана упомянутая критика всех форм современного богословия, которые в равной степени далеки от понимания специфики религиозного языка. Для надлежащего обоснования любого разговора о вере необходимо возвращение к первичным очевидностям религиозных высказываний – эти очевидности всегда предполагаются верующим сознанием, однако их смысл, как правило, остается непроясненным²⁴. Поэтому всем возможным формам изучения религии – наряду с богословием отдельно назва-

¹⁹ *Reinach A. Aufzeichnungen // Sämtliche Werke: textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Bd. 1. München: Philosophia-Verlag, 1989. S. 589–611, hier: S. 592* (здесь и далее для удобства работы с источником ссылки на датированные участки «Фрагментов» Райнаха сопровождаются указанием даты и номера заметки, на которую делается ссылка: 26. April, 3).

²⁰ *Ibid. S. 593* (28. April, 1).

²¹ *Ibid. S. 594* (28. April, 1; 29. April, zu 1).

²² *Ibid. S. 594* (29. April, 1–3), 599 (14. Mai, 2–3), 601 (16. Juni, 3), 609.

²³ *Ibid. S. 607–609.*

²⁴ *Scheler M. Op. cit. S. 571–574.*

ны философия религии и эмпирическое религиоведение²⁵ – должна предшествовать сущностная феноменология божественного, которая, по мысли Шелера, принимает на себя роль естественной теологии. Ее основными постулатами становятся два априорных атрибута религиозного переживания – осознание нетождественности человеческого бытия бытию абсолютному и восприятие мира как божественного творения²⁶. Рассуждения Шелера становятся свидетельством того, как обнаруженные обоснования используются для верификации и прояснения тезисов позитивной теологии.

Наиболее разработанным в ряду «метатеологических» проектов является предложенный Эдит Штайн примечательно своеобразный неотомистский синтез, в котором элементы схоластики предлагается сочетать с принципами гуссерлевской феноменологии²⁷. В первую очередь любопытно, что критике здесь подвергается сама феноменологическая философия: по мнению Штайн, всепоглощающая увлеченность трансцендентальными условиями познания делает эту программу неспособной предложить содержательное наполнение духовному запросу современных людей, в то время как

люди бесприютны и ищут пристанища. Им нужна осязаемая, содержательная истина, которая бы оправдала себя в жизни, им нужна «философия жизни». Они находят ее у Фомы²⁸.

Кажется, здесь мы имеем дело с наиболее пессимистической по отношению к философии позицией в ряду рассматриваемых точек зрения: речь идет о том, что философия принципиально не способна преодолеть духовный кризис своими силами. Обращаясь к наследию Фомы, Штайн надеется дать голос Католической церкви, в чьем учении содержатся готовые ответы на духовный запрос ее современников. Но будет неправильным видеть в этом подходе апологию наивного правоверия. Штайн согласна со своими коллегами-феноменологами в том, что богословский язык становится сам по себе проблемой. Она признает, что в современной

²⁵ Ibid. S. 320.

²⁶ Ibid. S. 380–385.

²⁷ Главным образом этот проект представлен в двух работах: «Потенция и акт» (*Stein E. Potenz und Akt: Studien zu einer Philosophie des Seins. Edith Steins Gesamtausgabe. Bd. 10. Freiburg: Herder, 2005*) и «Конечное и вечное бытие» (*Stein E. Endliches und ewiges Sein: Versuch eines Aufstiegs zum Sinn des Seins. Edith Steins Gesamtausgabe. Bd. 11/12. Freiburg: Herder, 2006*).

²⁸ *Stein E. Husserls Phänomenologie und die Philosophie des hl. Thomas von Aquino // „Freiheit und Gnade“ und weitere Beiträge zu Phänomenologie und Ontologie (1917 bis 1937). Edith Stein Gesamtausgabe. Bd. 9. Freiburg: Herder, 2014. S. 119–42, hier: S. 128.*

ситуации и библейские, и догматические высказывания, если они транслируются в качестве сформулированной раз и навсегда истины, звучат как авторитарные теологемы, а не как духовно обоснованные положения веры²⁹. В этой связи перед феноменологией ставится задача проработки эпистемологических предпосылок религиозного дискурса³⁰, и в этом усматривается ее необходимый вклад в преодоление кризисной ситуации. Таким образом, здесь, как и в случае Шелера, философия приближается к естественной теологии: она решает вопрос о «как» религии, в то время как вопрос о «что» религии передается в ведение сверхъестественного богопознания³¹.

В завершение обзора обратимся к размышлениям Гуссерля. Принявший в возрасте 27 лет протестантское крещение, философ, как известно, до конца жизни позиционировал себя светским интеллектуалом и критично относился к религиозному энтузиазму своих учеников³², однако современной исследовательнице Астрид Швайгхофер удалось обнаружить ряд примечательных свидетельств об интересе Гуссерля к богословским проблемам³³. Главным образом они изложены в записях Адегульды Йегершмид, где приводятся ее беседы с Гуссерлем в последние годы жизни философа.

Точка зрения Гуссерля во многом близка к идеям Штайн. В его высказываниях часто присутствует противопоставление «искренности» и «подлинности» веры – «шаблонным высказываниям»³⁴, что возвращает нас к теме философского прояснения религиозного языка. Критика церковной ситуации ставится в параллель кризису науки: если в первом случае отмечаются профанация и обмирщение церкви³⁵, то в интеллектуальной среде усматривается полная погруженность в «материализм и беспредельный рационализм»; стоит обратить внимание, что эти явления представлены как частные проявления одного общего процесса, в ходе которого вся духовная жизнь Европы становится поверхностной и безосновательной, –

²⁹ Stein E. Endliches und ewiges Sein... S. 12f.

³⁰ Ibid. S. 25.

³¹ Beckmann B. Phänomenologie des religiösen Erlebnisses: Religionsphilosophische Überlegungen im Anschluss an Adolf Reinach und Edith Stein. Würzburg: Königshausen&Neumann, 2003. S. 230.

³² Ibid. S. 47f.

³³ Schweighofer A. Op. cit. S. 243–254.

³⁴ Ibid. S. 251.

³⁵ Критика Гуссерля, помимо прочего, эксплицитно направлена против социально-политических аспектов церковной жизни. Частным и очень показательным случаем становится вопрос существования церкви в нацистской Германии: Ibid. S. 252.

что Гуссерль называет торжеством «скепсиса и софистики»³⁶. Феноменология, поскольку она задумана как средство возвращения к сущностным основам всей духовной деятельности, должна быть использована и для обновления теологии. В одной из бесед встречается такое высказывание: «Некогда я полагал – сегодня это больше чем предположение, сегодня это знание – что именно моя феноменология и только она есть та философия, которую церковь могла бы использовать»³⁷. Необходимость пересмотра принципов богословствования обнажает еще одну кризисную черту: католическая теология представляется Гуссерлю лишенной творческого потенциала, она описывается как своего рода интеллектуальный фундаментализм. Деятельность ортодоксальных неотомистов, говорит он, предаст дело самого Аквината, ибо он создавал свои суммы как историческую интерпретацию неизменных истин веры, для которой активно использовал философское наследие языческой древности. Поэтому задача современных богословов видится Гуссерлю не в копировании средневековых компендиумов, а в творческом восприятии насущной интеллектуальной ситуации, и он претендует на собственный вклад в эти усилия: «Моя миссия – это только наука. Через нее я хочу послужить обоим христианским исповеданиям»³⁸.

Заключение

В качестве итогов следует указать на то, что рассмотренный материал позволяет выделить некоторые общие категории, присутствующие в риторике религиозного кризиса.

Во-первых, это представление о конфликте между религией и культурной ситуацией, которое выражается в противопоставлении христианской традиции науке и культуре Нового времени. В этом смысле очевидно, что рассуждения о кризисе маркируют итоги секуляризационного процесса, высвечивая его проблемные стороны. Однако предложенную феноменологами апологетическую попытку оправдать самобытность и автономность религиозного языка, вероятно, можно представить как шаг по направлению к созданию постсекулярной ситуации.

Во-вторых, кризис связывается с забвением подлинных смыслов. Как удалось увидеть, эта черта присутствует как в критике религиозной ситуации, так и в представлении о культурном кризисе Европы.

³⁶ Ibid. S. 246.

³⁷ Ibid. S. 247.

³⁸ Ibid. S. 246.

Несомненно, вопрос о «смысле» в этом случае имеет специфически феноменологическое звучание, и в связи с этим допустимо предположить, что герменевтические программы в теологии были откликом на указанную критику со стороны философов.

Наконец, речи о кризисе закономерно сопутствуют проекты преодоления выявляемых проблем. Можно заподозрить кризисную риторику в том, что основной ее целью является легитимизация новых философских подходов. Так или иначе, нельзя отрицать, что тексты участников феноменологического движения являются в немалой степени протрептиком и прием критики современной ситуации становится действенным средством убеждения в насущной необходимости пересмотра создавшегося положения дел.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Риторика кризиса религии и ее отражение в философской и теологической мысли Германии XX века» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-311-00336.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Rhetoric of the crisis of religion and its reflection in the philosophical and theological thought of Germany in the XX century”, no. 18-311-00336.

Литература

1. Черный А.И. Понятие «кризис Священства» в Католическом Богословии XX Века // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. № 6 (68). С. 112–127.

References

1. Chernyi AI. The Concept of the “Crisis of the Priesthood” by German-speaking Theologians of the 20th Century. *St. Tikhon's University Review*. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies. 2016;6(68):112-27. (In Russ.)

Информация об авторе

Александр В. Кольцов, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 115184, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б; avk-23@yandex.ru

Information about the author:

Aleksandr V. Koltsov, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia; bld. 23B, Novokuznetskaya St., Moscow, Russia, 115184; avk-23@yandex.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.35

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-71-83

Многогранность смыслов жизни российской интеллигенции: Следование социальным идеалам или их симуляции?

Наиля Р. Маликова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nrmalikova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена социологическому пониманию «смысла жизни» русской интеллигенции, симуляции представлений о роли интеллигенции в публичном социальном пространстве, замещению «симулякрами» научной и образовательной деятельности среди представителей современных социальных и гуманитарных наук. Представлены различные точки зрения о русской интеллигенции, призванной выражать смыслы жизни и социальные интересы всех слоев и групп российского общества, в отличие от западных интеллектуалов, стремящихся стать частью истеблишмента. Критически рассматривается актуальность общественной потребности в раскрытии творческого потенциала гуманитарной интеллигенции, парадоксальные формы искажений смысла жизни интеллигенции, утрата представлений о ней как социально-статусной общности, несущей миссию образования, культуры, просвещения, социального служения народу. Показаны попытки идеологической мобилизации интеллигенции, имитации ее участия в демократизации общественной жизни, замещения традиционного образа университетского профессора симулякром персоны, предоставляющей «образовательные услуги», в отчуждении от творческого воспроизводства гуманитарной интеллигенции.

Ключевые слова: социальная роль, гуманитарная интеллигенция, смысл жизни, симулякр, симуляция творчества, нравственный потенциал, воспроизводство “Homo Humanisticus”, диспозиции интеллигенции и идеологии, интеллигента и идеолога

Для цитирования: Маликова Н.Р. Многогранность смыслов жизни российской интеллигенции: Следование социальным идеалам или их симуляции? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 71–83. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-71-83

© Маликова Н.Р., 2019

The many sidedness of the meanings of life
of the Russian intelligentsia.
Following social ideals or their simulations?

Nailya R. Malikova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nrmalikova@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the sociological understanding the “meaning of life” by the Russian intelligentsia, the simulation of ideas about the role of the intelligentsia in the public social space, the substitution with the “simulacra” of scientific and educational activities among representatives of modern social sciences and humanities. It presents different points of view on the Russian intelligentsia, designed to express the meanings of life and the social interests of all strata and groups of Russian society, in contrast to western intellectuals seeking to become part of the establishment. The author critically considers the urgency of the public need to uncover the creative potential of the humanitarian intelligentsia and the paradoxical forms of distortion of the meaning of the life of the intelligentsia, the loss of ideas about it as a social and status community, carrying the mission of education, culture, education, social serving to the people. She shows attempts of the intelligentsia ideological mobilization, the imitation of its participation in the democratization of public life, the replacement of the traditional image of the university professor by the person providing “educational services”, in alienating the creative reproduction of the humanitarian intelligentsia.

Keywords: social role, humanitarian intelligentsia, meaning of life, simulacrum, simulation of work, moral potential, reproduction of “Homo Humanisticus”, dispositions of an intellectual and ideologist

For citation: Malikova NR. The manysidedness of the meanings of life of the Russian intelligentsia. Following social ideals or their simulations? *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019; 2:71-83. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-71-83

Введение

Прошел год после участия в работе XIX Международной теоретико-методологической конференции «Смыслы жизни российской интеллигенции» социологического факультета РГГУ (2018), когда редакция научного журнала «Вестник РГГУ» предоставила возможность вновь поделиться мыслями о многогранности смыслов жизни русской/российской интеллигенции. Как известно, ее

традиционно принято определять посредством выделения особого социального статуса образованных людей, обладающих творческим культурным потенциалом, социальными идеалами и высокими нравственными качествами. Широка и неумовимость проблемы вызывает интеллектуальное затруднение, так как рассуждения о смыслах жизни интеллигенции многократно тиражировались, зачастую сквозь призму ее определения в контексте признания ее особого социального статуса, выделения культурно-творческого начала, наличия идеологических оппозиций. Однако слегка ободряло знакомство с широким гуманитарным контекстом определения понятия того, что следует понимать под «смыслом жизни»: «совокупность целей-принципов, образующих ядро установок и олицетворяющих стрежень сознания и поведения людей и составляющих основополагающее, внутреннее содержание их жизни. В известной мере – это основная, конечная цель, выступающая как обобщенные, стратегические установки всей жизни, основных видов и форм деятельности» [1 с. 9].

Попытаемся взять это определение в качестве методологического ключа к познанию многогранности смысла жизни современной российской интеллигенции. Что возможно лишь отчасти.

Грани бытия и социальный смысл жизни русской интеллигенции: прошлое как предвестник «застоя» в настоящем

Давайте задумаемся, а можем ли мы сегодня согласиться с Н.А. Бердяевым в том, что «интеллигенция была в российском обществе *идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой*, образовавшейся из разных социальных классов»? Может быть, она осталась такой же, идеологически мобилизованной и призванной к социальному служению? Будем ли мы продолжать попытки предельно расширительного толкования смыслов ее существования как влиятельной *социально-статусной группы* образованных людей, осуществляя их сепарацию по признакам обладания культурным, творческим потенциалом и смутным индикаторам признания неких высоких нравственных качеств?

Вспоминаются в этой связи размышления И.А. Ильина о смысле жизни Homo Humanisticus, священнослужителя, художника и ученого, тех, кого чаще других причисляют к гуманитарной интеллигенции:

Эти люди, по самому положению своему, по роду того дела, которому они открыто и сознательно посвятили себя, стоят непосредственно лицом к лицу с тем высшим, верховным жизненным содержанием,

через которое жизнь человеческая вообще имеет значение и ценность. <...> Процесс обыденной жизни вырабатывает «скрытые» и «терпимые» формы искажений, и только в минуту острого нравственного отрезвления перед человеком встает въяве их сущность и их значение. <...> Те люди, которые, по самому основному делу своей жизни, стоят ближе всего к живым истокам духовной значительности; которые взяли на себя непосредственное служение раскрытию и осуществлению самого добра, самой красоты, самой истины; которые добровольно приняли на себя величайшее бремя и с ним величайшую ответственность, – эти люди, если они попирают требование *творческой совести*, являют поистине величайшее падение, ибо и высота их задания, и размер их ответственности суть величайшие [2 с. 15–16].

Но бесконечно трудно находить в себе интенции к самоидентификации с символической высотой социальной роли интеллигенции. В век цифровой коммуникации мы наблюдаем сегодня симуляцию парадоксальных форм искажений смысла жизни гуманитарной интеллигенции. Это происходит повсеместно в эпоху глобализации, господства безлично опосредованного (мобильной, компьютеризированной связью, гаджетами, смартфонами) “общения”, перенасыщенного краткими электронными письмами, лайками, “смс-сообщениями”.

Жан Бодрийяр заметил раньше это наступление тотальной симуляции общественной жизни, утраты связи с реальностью, замещение ее *симулякрами*, семиотическими знаками, не имеющими означаемого объекта в реальности, не скрывающими того, что оригинала нет. Эти копии создаются транснациональными корпорациями, электронными СМИ, политиками и учеными [3].

Как набраться смелости задуматься в круговороте симулякров нашей бытийности, подобной «игре в бисер» Г. Гессе, в чем состоит общественно-гуманитарный смысл интеллектуальной жизни? Можно ли попытаться осуществлять поиск смысла жизни интеллигенции сквозь призму саморефлексии?

Вспоминается, как на заре юности повсеместно, «от Москвы до самых, до окраин», прозвучали предвестники перехода от недолгой «оттепели», к десятилетиям «застоя». Тогда стало очевидным, что в социальном пространстве не просматриваются возможности свободного выбора, осмысления, самоопределения, наполнения многогранностью духовно-культурных смыслов в реальной жизни. Восторженный, порой наивный поиск смысла жизни, социальных идеалов молодой творческой гуманитарной интеллигенции – «шестидесятников», и, следующего за ними поколения «птенцов из их гнезда», – как казалось, остался навсегда в прошлом. Отдушиной были поэзия, бардовские песни, первые навыки понимания эзопова языка литера-

турного, театрального творчества. В ту пору декларировалось строительство самого справедливого гуманного общества («Все во благо Человека, все во имя Человека!»). Но, тогда же «танки прошлись не только по улицам Праги», но и по смыслам жизни тех, кто надеялся на построение «социализма с человеческим лицом». Интеллигенция, которую почитают носителями общественной совести, монолитной не была никогда. На Красную площадь в августе 1968 г. вышло восемь протестующих. Юлий Ким в стихотворении «Подражание В. Высоцкому» написал об этом так: «На тыщу академиков и членкорреспондентов, / на весь на образованный культурный легион, / нашлась лишь эта горсточка больных интеллигентов, / вслух высказать, что думает здоровый миллион!» Подспудно ощущали мы боль восприятия отрывочной информации из различных неофициальных источников, периодически заглушаемых «радиоголосов», от чтения с друзьями самиздатовского экземпляра стихотворения Е. Евтушенко: «Танки идут по Праге / в затканной крови рассвета / Танки идут по правде, / которая не газета». Где же было искать представителю первого «непоротого поколения» советской молодежи так рано утраченные социальные и гуманитарные идеалы?

Поиск смысла жизни в профессии социолога

Кажется, именно тогда возникла субъективная иллюзия найти смысл жизни в выборе профессии социолога, участвовать в научном поиске, раскрытии сути реальных общественных проблем, в предоставлении объективной информации о них. Ведь не случайно полагают, что социологическое сознание возникает тогда, когда общепринятые трактовки общества становятся шаткими. Казалось, вот она возможность постараться самой определять столь ценную самоидентификацию, потому что именно социология способна помочь гуманизировать размытые контуры видения социальной реальности. Впоследствии не раз рассеивались представления о беспристрастности социологического понимания научного поиска, возможностях реализации нравственных идеалов, обретении смысла жизни в служении избранной профессии.

Сегодня, пожалуй, не столько в публичном социальном пространстве, сколько в некоторых текстах мы подчас обнаруживаем эту рассудительную интонацию, неспешность попыток раскрытия послания о смысле жизни современного интеллектуала/интеллигента, сторонящегося актуальных социальных ролей и самоидентификации с *Homo Post-Soveticus*, *Homo Economicus*, *Homo Sociologicus*, но стремящегося остаться *Homo Humanisticus*. Гуманитарии во все времена ощущали свою сопричастность к духовно-культурным цен-

ностям жизни и периферийности, дискретности самоопределения в пространстве смыслов политической и экономической жизни.

Самым значимым, солидарно воспринимаемым стало прочтение заново представленного социологического дискурса об интеллигенции Ю.А. Левады. Он дал довольно длинное определение интеллигенции, которое потеряет смысл, если его сократить на какую-то составную часть, заданную специфической структурой дистанцированных отношений в треугольнике «народ», «власть» и внешняя, привносимая извне «культура»:

В понятии интеллигенции, как оно сформировалось в России, содержится нечто иное и большее, чем «слой» или «социальная группа»; это в то же время еще и социальная функция, роль, притом представленная как миссия, окруженная ореолом долга и жертвенности. Это не просто группа образованных людей, но некая общность, выдающая смысл своего существования в том, чтобы нести плоды образованности (культуры, просвещения, политического сознания и пр.) в народ, и уподобляющая эту задачу священной (по меньшей мере, культурно-исторической) миссии... [4 с. 73–74].

Юрий Александрович видел отличие русской интеллигенции от западных интеллектуалов, являющихся частью истеблишмента, в том, что она давала некий принципиально новый язык, выразивший все крайности идеологических позиций, смыслы и интересы всех слоев и групп общества. Однако реальное историческое существование русской интеллигенции как «критически мыслящей», полагал он, было завершено в 20-х годах XX в., когда стало очевидно, что «мавр сделал свое дело». Возможности свободного нравственного выбора у интеллигенции были ограничены. Но что поразительно, в фантомном виде подспудно сохранялся дух интеллигенции и интеллигентности. Воспроизводилось всплесками это иррациональное сочетание сопротивления прессингу бюрократии, участия в сохранении высоты культуры. В период перестройки эти фантомы надежды на развитие интеллектуальной свободы, породили феномен невиданно активного участия социологов в методологических семинарах с иллюзией социальной востребованности просветительской миссии гуманитарных социальных наук. Они стимулировали тягу к социально-гуманитарным наукам, отчасти навевали извечный «интеллигентский сон золотой» о том, что результаты исследований должны и могут внести полезные коррективы в социальную практику, улучшая жизнь.

Для молодого социолога стремление участвовать в изучении и преобразовании рутинной общественной жизни, в решении назревших общественных проблем, особенно в сфере межнациональных/межэтнических отношений, было чрезвычайно заманчиво. Оттого

неожиданной и болезненно отрезвляющей была реальность, когда внешне «интеллигентное лицо» начальства искажалось в крике, требуя позитивных результатов опросов общественного мнения. Увы, полезные коррективы в практику не вносились, что и обусловило «застой», стагнацию социального развития, разлом огромной страны.

Роль социологии и современные симулякры социально-гуманитарного познания

Социологические опросы общественного мнения в постсоветских условиях перехода к рынку, вначале поддерживаемые западными грантами, фондами МакАртуров, Форда, Сороса, казались вновь востребованными. Однако тематику определяли заказчики, требующие измерения рейтингов политиков, предпочтений электората, потребительского спроса. Смысл жизни в обретении ремесла «полстера», или, как ранее, «роли социолога – проводника партийной идеологии», не представлялся ни общественно значимым, ни увлекательным делом.

Отчего-то принято считать, что наукоемкие SMART-технологии «умной экономики», «экономики знания» определяют востребованность инновационного интеллектуального труда и в социальных науках. Однако наряду с этим мы наблюдаем, что вновь возрождаются попытки с позиции псевдотеоретической идеологии поставить социологию эпохи глобализации в рамки «научного управления» обществом, используя механизм трансляции симулякров социальной активности, социального доверия поддержки институтов власти, формирования «должных», идеологически выверенных стереотипов мышления.

В свое время, вернувшись из эмиграции, А.А. Зиновьев крайне негативно отзывался о главном препятствии на пути научного познания. Он видел его в гигантской армии людей, формально занятых в науке, но относящихся к ней не как к поиску истины, смыслу жизни, а как к средству добывания жизненных благ и жизненного успеха. Огромное число ученых, писателей, врачей, юристов, профессоров и других, которые заняли такое положение в обществе, что их скорее следовало отнести к категории чиновников, чем к интеллигенции в старом смысле. Слово «образованщина» отразило тот факт, что образование перестало быть отличительным признаком интеллигенции. Но социальный статус категории людей, интуитивно считаемой интеллигенцией, остался неопределенным. В советские годы, под контролем идеологии, они исполняли социальную функцию обработки сознания людей и снабжения их «духовной пищей». В совокупности их можно назвать словом «идеологенция» [5 с. 54].

Наиболее близкие нам сферы научной жизни и образования издавна считаются взаимосвязанными вследствие того, что наука, дескать, непременно способствует приращению и распространению знания на благо всего общества. Утверждения социологических теорий ранее требовали экспериментальной верификации, проверки валидности гипотез исследования. На смену этому пришла симуляция логически противоречивого конструирования спекулятивных альтернативных идей. Академизм фундаментального научного познания замещается, по определению профессора Санкт-Петербургского университета Д.В. Иванова, симулякрами компетентности там, где институциональные нормы предполагают создание реальных вещей и совершение реальных действий. Но они обеспечивают финансовую поддержку фондов, консультирования, проведения конференций, международных обменов, когда критерием оценки научной работы является не истинность результатов, а некие предельно формализованные процедуры количественных параметров цитирования, публикаций лишь в определенных журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных. Наступила пора не поиска смысла жизни, глубокого анализа социально-значимых проблем, а время монетизации «страстей и страданий» академической и вузовской социально-гуманитарной интеллигенции по публикациям в «Scopus».

В то же время высокая «плотность» научного сообщества не оставляет места и времени для скрупулезного накопления и представления результатов. Этот дефицит места и времени приводит к тому, что единственно научной, рациональной формой дискуссии становится нелогичная, неструктурированная, но эффективная презентация образа идеи или теории. Именно этот образ (симулякр. – *Н. М.*) играет ныне роль “качественного” критерия научной работы» [6 с. 298–299, 7].

«Идеологенция» симулирует следование базовым нормам научного познания, симулякрами становятся фиксация научного факта, научного открытия, социальные роли ученого, педагога, студента. В Интернете легко публикуются и заимствуются квазинаучные тексты. Выступления «экспертов-идеологентов» на телевизионных ток-шоу хаотичны, конфликтны, брутальны, крикливы, на них, ведущие походя объявляют не науками то историю, то философию, то социологию.

Владимир Познер в своем интервью говорил о том, что интеллигенции, в том смысле, в каком ее понимали, как своеобразную социальную группу культурных людей России, которая все сокращалась, исчезала, так как почва для роста интеллигенции раньше была иной, и что, возможно, остались люди, относящиеся к ней, отличающиеся определенными нравственными качествами.

Неслучайно тихая интеллигентная интонация транслируется не в «золотое» эфирное время – оно захвачено творцами симулякров. Вспоминая нескольких своих университетских профессоров, которых давно нет в этой жизни, соглашаюсь с выводом, что интеллигенция уже не существует как многочисленная социальная группа, «властительница дум» и социальных настроений, о чем порой стоит сожалеть.

Так ли необходимы и интересны обществу усилия гуманитариев, вновь и вновь пытающихся обрести смысл жизни? От идеалов «хождения в народ», «просвещения народа», «патриотического служения Отечеству», столь характерных для интеллигенции XIX в., мало что сохранилось. В 70-е годы прошлого века немногочисленные представители гуманитарного интеллектуального знания искренне пытались найти смысл жизни в ценности творческого отношения к своей профессиональной деятельности, в возвышении творческого характера своего труда, стремлении созидать инновации. На рубеже 80–90-х годов, во время перестройки, был отмечен едва ли не последний всплеск идеалистических намерений интеллигенции продолжить социальный поиск высокого нравственного смысла жизни в обретении общечеловеческих ценностей гуманизма.

Интересно также суждение польского социального психолога, о том, что сущностью поведения, направленного на удовлетворение потребности смысла жизни, является стремление к пониманию и одобрению смысла наших действий. С умножением симулякров, с утратой смысла жизни распространяется и среди образованных людей отстраненность от злободневных проблем общественной жизни.

Практика показывает, что многие люди по разным причинам не установили для себя осмысленного пути с помощью реальной и действенной «философии счастья» и «философии жизни» или... осудив себя на постоянную эмоциональную зависимость от противоречивых и непоследовательных требований, которые ставят перед современным человеком многочисленные виды общественной деятельности [8].

Ключевой вопрос о реализации потребности смысла жизни почти всегда переносился представителями гуманитарной российской интеллигенции из настоящего в прошлое либо в светлое будущее. В условиях повторяющихся латентных и явных общественных кризисов и трансформаций обращение к общественному сознанию генератора смыслов жизни Homo Humanisticus о «потенциальном» обществе не определено. Сама потребность эта в реальном бытии современной гуманитарной интеллигенции не актуализирована. Жизненная позиция, определяемая погруженностью в симулякры

повседневности, стремлением честно делать свое дело, идя порой на компромиссы со своими социальными и нравственными идеалами, означает отсутствия общности состояния умов некой сословно-социальной группы «просвещенных» интеллектуалов-гуманистов/гуманитариев. Это и определяет индивидуальный выбор дистанцирования интеллектуала от проблемы смысла жизни в ограниченном пространстве реального бытия.

Традиционный образ русского интеллигента в новой социальной реальности замещен новым симулякром. Сегодня он тот, кто предоставляет услуги населению по «эффективному» контракту, для достижения которого должен работать втрое дольше и больше, чем его европейские коллеги, изматываясь до предела физических и интеллектуальных сил. Так обстоят дела и среди близкой нам генерации университетских преподавателей гуманитарных дисциплин.

Показательны результаты недавно завершеного экспертно-аналитического исследования российского рынка труда и человеческого капитала «Россия 2025: от кадров к талантам». Оно было проведено по инициативе и при поддержке «The Boston Consulting Group», Сбербанк, благотворительного фонда Сбербанк «Вклад в будущее», WorldSkills Russia и Global Education Futures (международная платформа сотрудничества, объединяющая лидеров глобального образования). Отмечено, что к 2025 г. в России может возникнуть огромный дефицит высококвалифицированных кадров, (более 10 млн человек), обладающих реальными знаниями и компетенциями, умением их правильно применять, заниматься аналитической работой, способных решать творческие задачи. Сегодня в России только 17% работающих заняты интеллектуальным трудом, страна находится на переходном этапе между экономической ресурсом и экономической знаний. В Японии, США, Германии, Сингапуре высокий уровень дохода, развитая цифровая экономика, высокий индекс человеческого развития, доля человеческих ресурсов категории «Знание» превышает 25%. Причина не в массовой «утечке мозгов», как в 90-е, а в разрыве между навыками, которые получают в вузах, и реальными потребностями экономики. В ситуации, когда 98% трудоспособного населения страны отдает предпочтение стабильности, а не возможностям роста, нет достаточно высокого спроса на знания. Это происходит вследствие того, что оплата труда не зависит в должной мере от уровня квалификации (разрыв между заработком водителя 2-й категории и врача – всего 17%; для сравнения: в Бразилии – 174%, в США – 261%), 98% отдадут приоритет безопасности и стабильности, а не ценностям роста. Доминирующая ролевая модель российской молодежи и их родителей сегодня – успешный чиновник, а не высококвали-

фицированный профессионал. Это снижает мотивацию к выбору высококвалифицированных профессий и приведет к тому, что уже к 2025 г. Россия значительно ухудшит свои конкурентные позиции в глобальной экономике знаний.

В России пока не создана среда для развития и самореализации, кстати, и тех, кого принято считать массовой гуманитарной интеллигенцией, в провинции живут в условиях трудовой бедности, когда зарплаты во многих российских регионах хватает только на выживание, а пенсии зачастую ниже прожиточного минимума. Во вступительном слове к отчету «ВСС» отмечено:

Если Бог хочет наказать кого-то, он лишает его разума. Страна, которая отдает свои мозги другим странам, скорее всего, останется без будущего. Наш шанс на экономическое развитие – это найти способы соединения высококачественного человеческого капитала, который страна продолжала рождать, несмотря на разнообразные трудности, с российской экономикой, которая до сих пор была весьма примитивным отпечатком минеральных богатств страны. Для цифровой экономики требуется не много капитала денежного, а много качественного человеческого капитала. В производстве человеческого капитала принципиальным становится акцент на «мягкие» навыки: на широту взгляда, способность вести дискуссию, разнообразно презентировать результат, коммуницировать, работать в командах. И тогда возникает не только вопрос, чему мы учим, но и как и где мы учим, причем не только в школе и университете. Потому что на самом деле продуктом образовательной системы, культурной политики, скрытой или открытой формы организации налогов, способов осуществления службы в армии или вариантов содержания людей в тюрьме являются те или иные социокультурные характеристики нации [9 с. 5–8].

Заключение

Возрождение многогранности смыслов жизни интеллигенции, транслирующей и воспроизводящей эти самые искомые социальные и культурные характеристики российской нации, – безусловная задача стратегического развития нашей страны. Новую конкурентоспособность России определит способность разработать и внедрить не просто концепцию развития человеческого капитала, которая включала бы в себя не только вопросы образования и подготовки кадров, но и вопросы стимулирования спроса на кадры категории «Знание», а также концепцию создания среды, благоприятной для развития человека. Образовательная система должна быть перестроена так, чтобы она стимулировала профессиональный рост и получение новых знаний, а фокус образовательных программ

необходимо перенести с развития предметных знаний и запоминания информации на развитие личностных и метапредметных компетенций, стимулировать приток талантов в сферу образования.

Но близки ли мы к формированию нового Homo Humanisticus, усилению гуманитарной компоненты образования, пониманию того, что профессиональное развитие и обучение должно продолжаться всю жизнь, а не заканчиваться после получения диплома? Для части интеллигенции, делающей нелюбимую работу, для тех, кто жил/живет без смысла, гипотетическая угроза переноса бессмысленности в вечность, наказания души сизифовым трудом не имела и не имеет значения. Лучшие же ее представители, вслед за Д.С. Лихачевым, в поиске смысла жизни стремились не расставаться с потаенными, но по духу и сути либеральными, демократическими ценностями, которые время от времени громогласно сегодня объявляются вредоносными, провокационными, антипатристическими. Русская/советская/российская интеллигенция постоянно «сжималась» количественно и качественно, как «шагреневая кожа», несмотря на стремительное увеличение лиц с вузовскими дипломами, научными степенями и званиями. Хочется думать, что есть крупницы смысла в жизни университетской профессуры, если не в полной мереобеспечивающей воспроизводство утраченного потенциала гуманитарной интеллигенции, то по крайней мере посильно участвующей в подготовке реально думающих гуманитариев, готовых к творчеству.

Будем надеяться, вторя А. Аузану, что: «Мы живая страна, рождающая по-прежнему умных и образованных людей, имеющая хороший шанс на будущее. <...> ...чтобы получились стратегии нашего движения к желаемому будущему, к такому положению страны и людей, за которое нам не было бы стыдно перед последующими поколениями» [9 с. 7].

Удивительно, что, несмотря на умножение социокультурных «симулякров», все еще остается и воспроизводится социально-гуманитарное пространство для сотворчества осмысленной жизни. Есть какой-то «ген» неистребимой потребности искать и находить смыслы жизни, в созвучии с поэтическими строками Б. Пастернака: «Во всем мне хочется дойти / До самой сути. / В работе, в поисках пути, / В сердечной смуте. / До сущности протекших дней, / До их причины, / До оснований, до корней, / До сердцевины Все время схватывая нить / Судеб, событий, / Жить, думать, чувствовать, любить, / Свершать открытья». Наверное поэтому среди отдельных особей интеллигентов/интеллектуалов, из рода-племени Homo Humanisticus, во все времена теплится и вновь возрождается надежда на то, что многогранный «стакан смысла жизни наполовину полон».

Литература

1. Тощенко Ж.Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиции социологии жизни // Социологические исследования. 2016. № 11.
2. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция (Simulacres et simulation) / Пер. с фр. О.А. Печенкиной. Тула, 2013. 203 с.
4. Левада Ю.А. Сочинения: Избранное: социологические очерки: 2000–2005: [сост. Т.В. Левада]. М.: Изд. Карпов Е.В., 2011. 507 с.
5. Зинovieв А.А. Русская трагедия (гибель утопии). М., 2013.
6. Иванов Д.В. Социология: Учеб. / Под ред. Д.В. Иванова. М.: Высшее образование, 2005.
7. Иванов Д.В. Гламурный капитализм: логика «сверхновой» экономики // Вопросы экономики. 2011. № 7.
8. Обуховский К. Потребность смысла жизни. Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1971.
9. Россия 2025: от кадров к талантам: Отчет исследования / The Boston Consulting Group. М.: BCG-Сбербанк, 2017. 72 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://Sberbank-BCG-issledovanie> (дата обращения 13 мая 2019).

References

1. Toshchenko ZhT. The meaning of life: an analysis experience from the standpoint of the sociology of life. *Sociological Studies*. 2016;11. (In Russ.)
2. Il'in IA. The Path to Evidence. Moscow: Eksmo-Press; 1998. (In Russ.)
3. Baudrillard J. Simulacra and Simulation (Simulacres et simulation). Trans. by OA. Pechenkina. Tula, 2013. (In Russ.)
4. Levada YuA. Works: Selected: sociological essays, 2000–2005. Moscow: Izdatel' E.V. Karpov Publ.; 2011. 507 p.
5. Zinoviev AA. Russian tragedy (the death of utopia). Moscow, 2013.
6. Sociology. Ed. by DV. Ivanov. Moscow: Vysshee obrazovanie Publ.; 2005.
7. Ivanov DV. Glamorous capitalism: The logic of a “supernova” economy. *Voprosy ekonomiki*. 2011;7.
8. Obukhovskiy K. The need for the meaning of life. Psychology of man's inclinations. Moscow: Progress Publ.; 1971.
9. Russia 2025: from cadres to talents. Research Report. The Boston Consulting Group. Moscow: BCG-Sberbank, 2017. 72 p. [Internet]. URL: <http://Sberbank-BCG-issledovanie> (data obrashcheniya 13 May 2019).

Информация об авторе

Наиля Р. Маликова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nrmalikova@mail.ru

Information about the author

Nailya R. Malikova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; nrmalikova@mail.ru

УДК 316.6

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-84-90

Пространство интерпретаций трезвости в социальных науках

Варвара А. Зотова

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
zotova1987@gmail.com*

Аннотация. В статье проблематизируется основной недостаток исследований аддиктивного поведения – отсутствие должного внимания теме трезвости как самостоятельного предмета изучения. Большинство работ, посвященных причинам возникновения и анализу социальных последствий аддиктивного поведения, трактуют трезвость исключительно в контексте «отсутствия опьянения». При этом в социальном знании образуется лакуна наделяния трезвости самостоятельным научным значением и смыслом. Автор предпринимает попытку построения пространства интерпретаций понятия «трезвость» с точки зрения различных областей социального знания – социологии, антропологии, философии и социальной психологии. Предложены варианты подходов к изучению трезвости как ценности, как стигмы, как жизненной стратегии, как смысла жизни и как детерминанты субъектности индивида. Помимо краткого обзора основных теоретических концепций, в статье приводятся примеры прикладных исследований, в рамках которых были применены или могли бы найти свое применение подобные подходы изучения трезвости.

Ключевые слова: территории трезвости, здоровый образ жизни, аддиктивное поведение, трезвый образ жизни

Для цитирования: Зотова В.А. Пространство интерпретаций трезвости в социальных науках // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 84–90. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-84-90

The field of sobriety interpretations in the social sciences

Varvara A. Zotova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zotova1987@gmail.com*

Abstract. The article problematizes the main drawback of addictive behavior research – the lack of proper attention to the topic of sobriety as an independent subject of study. Most of the works on the causes of the emergence and analysis of the social consequences of addictive behavior interpret sobriety exclusively in the context of “lack of intoxication”. At the same time, in social knowledge there is a lacuna of endowing sobriety with an independent scientific significance and meaning. In the paper, the author attempts to build an interpretation space for the concept of sobriety from the point of view of various areas of social knowledge – sociology, anthropology, philosophy, and social psychology. He proposed variants of approaches to the study of sobriety as a value, as a stigma, as a life strategy, as the meaning of life and as a determinant of individual subjectivity. In addition to a brief overview of the main theoretical concepts, the article provides examples of applied research in which such approaches to the study of sobriety were applied or could be applied.

Keywords: sobriety territories, healthy lifestyle, addiction behavior, sober lifestyle

For citation: Zotova VA. The field of sobriety interpretations in the social sciences. *RSUH / RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;2:84-90. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-84-90

Введение

Изучению причин возникновения и анализу социальных последствий аддиктивного поведения посвящено немало работ в социальных науках. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидно, что несмотря на обилие исследований по аддиктивной тематике, трезвости, как самостоятельному предмету изучения, уделено не так много внимания. О существовании подобной лакуны, а именно об отсутствии самостоятельного содержания понятия «трезвость» в социальных науках, писал И.В. Бачинин, подчеркивая, что, как правило, в научных работах этот термин трактуется только как «отсутствие опьянения» [1 с. 56]. Основной корпус русскоязычных текстов, посвященных трезвости, составляют исследования, описывающие исторический опыт возникновения обществ трезвости на территории России в XIX–XX вв., носящие описательный характер. Другую половину работ, в которых упоминается термин «трезвость», представляют статьи активистов трезвеннических

движений, опубликованные ими в сборниках тематических конференций. К сожалению, подобные публикации в основном носят пропагандистский характер и, хотя их авторы преследуют благую цель при их написании, данные тексты в большинстве своем не соответствуют критериям академического гуманитарного знания.

В связи с этим обоснование самостоятельного социологического содержания понятия «трезвость» и введение его в социологический дискурс представляется фундаментальной и значимой задачей. Целью данной работы является попытка построения пространства интерпретаций понятия «трезвость» в социальных науках. Мы предлагаем разобрать возможные подходы к изучению трезвости на микро-, мезо- и макроуровнях социального знания.

В первую очередь можно рассматривать трезвость как ценность индивида. Обоснованность такого подхода была выявлена В.А. Зотовой, изучавшей «территории трезвости» – сельские поселки и поселения, в которых жители добровольно ввели запрет на продажу алкогольной продукции. Опираясь на ценностно-ориентированный подход Д.А. Леонтьева, В.А. Зотова в своей статье, посвященной результатам прикладного исследования, на примере антиалкогольной политики одного якутского села продемонстрировала процесс трансформации трезвости из индивидуальной ценности в коллективное благо [2]. Согласно концепции Д.А. Леонтьева, усвоение индивидом ценностей происходит расходящимися кругами от малых групп к большим, при этом ранее усвоенные индивидуальные ценности могут служить мощным барьером к усвоению противоречащих им ценностей больших групп [3].

Однако если продолжить логику рассуждения, можно предположить и наличие следующей итерации – превращения трезвости из коллективного блага в социальный факт. В таком случае, переходя к социологическому видению проблематики, наиболее релевантным оказывается подход Э. Дюркгейма, сформулированный им в работе «Ценностные и “реальные” суждения» [4]. На наш взгляд, эта теоретическая рамка позволяет наделить трезвость ценностной, а не «реальной/фактологической» (в дюркгеймовском смысле слова) интерпретацией.

Современная исследовательница трезвеннического движения С.А. Горчакова предлагает рассматривать трезвенничество как позитивную девиацию. Она описывает трезвенничество как «экологически адекватное, биологически релевантное состояние человека, ставшее социально “девиантным” в нашем (в частности) обществе в свете теории отклоняющегося поведения» [5]. В таком ключе нам кажется перспективной концептуализация трезвости

как стигмы в рамках теории социальной стигматизации. Мы полагаем, что классические работы Г. Беккера, И. Гофмана и Р. Мертона могли бы стать теоретико-методологической основой, позволяющей раскрыть механизмы конструирования стигмы вокруг трезвости, а также стали бы связующим звеном между восприятием трезвости отдельным индивидом и социальной группой.

На следующем уровне осмысления представляется логичным говорить о трезвости как жизненной стратегии индивида или группы. В исследовании группы ЦИРКОН, проведенном в 2017 г., описан случай «трезвого» села Дубровка Оренбургской области, жители которого в своих интервью напрямую связывали трезвость с такими категориями, как «успех», «благополучие» и т. д. [6]. Таким образом, трезвость предстает тут как базис нормативной ориентации стратегии жизненного благополучия или стратегии жизненного успеха [7]. Еще одна из заслуживающих внимание попыток поразмышлять о трезвости подобным образом была предпринята Ю.Ю. Беловой, изучавшей социальный потенциал индивидуальных практик трезвости [8]. В своем исследовании, выполненном в качественной парадигме, Белова выделяет типы трезвенников, различающихся между собой в том числе индивидуальной жизненной стратегией. В конце работы автор, выделяя отличительные черты трезвенников, пишет, что «(они) склонны распространять влияние на других или, по крайней мере, стремятся к этому, следовательно, социальный потенциал индивидуальных практик трезвенничества действительно высокий» [8 с. 15]. Трезвость в данном случае предстает самостоятельным явлением, побуждающим людей к совершению социальных действий.

Возвращаясь в контекст исследований аддиктивного поведения, трезвость может быть интерпретирована как одна из детерминант субъектности. Это становится возможным благодаря пониманию аддиктивного поведения как одной из форм самоповреждающего поведения. Отказываясь от психоактивных веществ, от любых форм изменения сознания, человек проявляет волю. Таким образом, трезвость предстает критерием осознания себя как субъекта действия. Мы имеем в виду, что с точки зрения психологии трезвость может быть осмыслена как эго-состояние взрослого человека (по Э. Берну), как «умение выносить (выдерживать) себя». В данном ключе трезвость предстает антонимом экзистенциального эскапизма, современная типология которого описана Д.Г. Литинской [9].

На более глубоком уровне рассуждения можно говорить о трезвости как смысле жизни. В данном случае мы говорим о людях, для которых трезвость и созвучный ей процесс трезвения являются основополагающими в жизни. В первую очередь речь идет о религиозной составляющей этого процесса, описанной И.В. Бачининым

[1] в своей работе по христианской антропологии. Однако с социологической точки зрения нам кажется наиболее адекватным подход Ж.Т. Тоценко. Согласно его идеям, исходной характеристикой смысла жизни является цель-принцип, которым руководствуется человек, что позволяет ему придерживаться устойчивых, жизненно важных ориентиров; «это мера, своеобразное мерило, по которому человек сопоставляет свои цели с нормами и требованиями окружающего его общества» [10 с. 14].

Заключение

По нашему мнению, трезвость как самостоятельный предмет изучения может интерпретироваться на нескольких уровнях социального научного знания. На микроуровне – как ценность, на мезоуровне – как стигма или как жизненная стратегия, на макроуровне – как смысл жизни. На наш взгляд, перспективной темой, связывающей в себе наибольшее количество отраслей социального знания, является конструирование трезвости (представлений о трезвости). Описанные подходы можно использовать при исследовании стратегии здорового образа жизни у различных социальных групп, а также в исследованиях, посвященных молодежи, субкультурам, различным религиозным течениям.

Благодарности

Статья написана в рамках гранта РФФИ № 19-013-00780 «Субъектность как детерминанта самоповреждающего поведения в современной культуре: междисциплинарный подход».

Acknowledgements

The article was written in the framework of the RFBR grant № 19-013-00780 “Subjectness as determinant of autodestructive behavior in the modern culture: interdisciplinary approach”.

Литература

1. *Бачинин И.В.* Обоснование антропологического содержания понятия «трезвость» // Вестник ПСТГУ. IV. Педагогика. Психология. 2014. № 3 (34). С. 56–71.
2. *Зотова В.А.* Механизмы формирования «коллективной трезвости» в российском селе: Ценностно-ориентированный подход // Солидарность и конфликты в современном обществе: Материалы науч. конф.: XII Ковалевские чтения. 15–17 ноября 2018 г. / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 214–216.

3. Леонтьев Д.А. Ценности общества и ценности личности: Тезисы доклада [Электронный ресурс]. URL: <https://iphras.ru/page14942553.htm> (дата обращения 20 марта 2019).
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесловие и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 349 с.
5. Горчакова С.А. Трезвенничество как социальное явление: Автореф. дис. ... канд. социол. наук / Ин-т социологии РАН. М., 1992. 27 с.
6. Территории трезвости: Опыт принятия и обеспечения коллективных решений по ограничению производства, распространения и потребления алкогольных напитков в сельских поселках и поселениях: Аналитический отчет по результатам исследования / Рук. науч.-иссл. работы И.В. Задорин; авт. кол.: В.А. Зотова, М.А. Поликашина, Д.С. Рудь, Л.В. Шубина. М.: ЦИРКОН, 2017. 79 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/5ca/territorii-trezvosti.pdf> (дата обращения 12 дек. 2018).
7. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 100–105.
8. Белова Ю.Ю. Пространства трезвости в регионах России: социальный потенциал индивидуальных практик // Развитие социального пространства России: новые вызовы и перспективы: Материалы Всерос. научно-практич. конф. / Под ред. С.М. Вдовина. Саранск, 2018. С. 11–16.
9. Литинская Д.Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. С. 308–311.
10. Тощенко Ж.Т. Смысл как качественная характеристика жизненного мира // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2. С. 9–18.

References

1. Bachinin IV. Justification of the anthropological content of the concept of “sobriety”. *Vestnik PSTGU. IV. Pedagogy. Psychology*. 2014;3(34):56-71. (In Russ.)
2. Zotova VA. Mechanisms of the formation of “collective sobriety” in the Russian village. A value-oriented approach. *Solidarity and conflicts in modern society: Proceedings of the 12th Kovalev Scientific Conference. November 15-17, 2018*. Ed. by YuV. Asochakov. Saint Petersburg: Skifiya-print; 2018. P. 214-16. (In Russ.)
3. Leont'ev DA. Public values and personal values. Report thesis [Internet]. URL: <https://iphras.ru/page14942553.htm> (data obrashcheniya 20 March 2019). (In Russ.)
4. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose. Transl. from Fr., compilation, afterword and notes by AB. Hoffman. Moscow: Canon Publ.; 1995. (In Russ.)
5. Gorchakova SA. Temperance as a social phenomenon. Avtoreferat dis. ... kand. sociol. nauk. Moscow, 1992. 27 p. (In Russ.)
6. Sobriety Territories. Experience in making and realizing collective decisions on limiting the production, distribution and consumption of alcoholic beverages in rural settlements and villages. Analytical report on the results of the study/ Head of research

- IV. Zadorin; authors: VA. Zotova, MA. Polikashina, DS. Rud, LV. Shubina. Moscow: TsIRKON Publ.; 2017. 79 p. [Internet]. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/5ca/territorii-trezvosti.pdf> (data obrashcheniya 12 Dec. 2018). (In Russ.)
7. Reznik TE., Reznik YuM. Personal life strategies. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1995;12:100-105. (In Russ.)
 8. Belova YuYu. Spaces of sobriety in the regions of Russia. The social potential of individual practices. *Development of the social space of Russia. New challenges and prospects*. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Ed. by SM. Vdovin. Saransk, 2018. P. 11-16. (In Russ.)
 9. Litinskaya DG. Types of Modern Escapism and the Phenomenon of Existential Escapism. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2012;1:308-11. (In Russ.)
 10. Toshchenko ZhT. Meaning as a qualitative characteristic of the life world. *RGGU/RSUH Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2016;2:9-18. (In Russ.)

Информация об авторе

Варвара А. Зотова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zotova1987@gmail.com

Information about the author

Varvara A. Zotova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; zotova1987@gmail.com

Творческая профессиональная карьера: как возможен профессиональный контроль?

Ирина П. Попова

*Институт социологии ФНИСЦ РАН,
НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия,
irina_poroga@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена постановке проблемы творческой карьеры. Рассматриваются подходы к определению этого типа профессиональной карьеры, особенности ее развития в современных обществах, а также профессиональные группы, занятые творческой деятельностью. Центральное внимание уделяется вопросам условий и принципов ее профессионального регулирования, которое связывается с возможностями профессионального контроля. Анализируются основные методологические подходы и результаты исследований, в которых рассматриваются различные типы карьер, специфика профессионального регулирования в этой сфере. Выделяются подходы, которые развиваются в рамках социологии профессий. Сделаны выводы об основных направлениях и принципах формирования благоприятной среды развития творческих карьер через создание возможностей и норм «переговорных процессов» с государством и рынком по поводу сфер компетенций, а также взаимоотношений с обществом. Представления об этапах, нормативно-этическом регулировании условий развития творческих карьер могут способствовать выработке показателей, которые органично маркировали бы эти этапы, общие процедуры их оценки; социальные меры, такие как типы эффективных трудовых контрактов, социальное страхование творческого труда; правила экспертизы относительно карьеры, нормы профессиональной этики внутри сообщества и способы их влияния на профессиональное продвижение.

Ключевые слова: профессиональная карьера, творческая карьера, творческие профессии, креативные индустрии, искусство, наука

Для цитирования: Попова И.П. Творческая профессиональная карьера: как возможен профессиональный контроль? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 91-102. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-91-102

Creative professional career. How is the professional control possible?

Irina P. Popova

*Institute of Sociology of FCTAS RAS,
NRU Higher School of Economics, Moscow, Russia,
irina_popova@list.ru*

Abstract. This article is devoted to the articulation of issue of creative career. It considers approaches to definition of that type of professional career, features of its development in modern societies, professional groups occupied with creative activity. Central attention is paid to the conditions and principles of its professional regulation, which is associated with the possibilities of professional control. The main methodological approaches and findings in the research that consider different types of careers, specifics of professional regulation in that area are analyzed. The author highlights approaches developed within the sociology of professions. Conclusions are drawn about the main stream and principles of favorable environment for the development of creative careers formation through the build up of opportunities and norms of “negotiation processes” with the state and the market about the areas of competence, as well as relations with society. Ideas about the stages and ethical regulation of the conditions for the creative careers development can contribute to the development of indicators that would organically mark those stages, the general procedures for their evaluation; social measures, such as types of effective employment contracts, social insurance in creative work; rules of expertise regarding career, norms of professional ethics within the community and ways of their influence on professional advancement.

Keywords: professional career, creative career, creative professions, creative industries, art, science

For citation: Popova IP. Creative professional career. How is the professional control possible? *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;2:91-102. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-91-102

Введение

Профессиональные карьеры в современных обществах отличаются разнообразием типов и образцов, которые развиваются в быстро меняющемся социальном контексте и потому часто отличаются неустойчивостью и прерывистым характером. Их построение и развитие требуют высокого уровня гибкости и адаптивности, организации соответствующей среды, балансирования в определении факторов и процедур контроля над ее формированием. Как особый

тип такой гибкой и неустойчивой карьеры можно рассматривать творческую профессиональную карьеру. Специфика ее регулирования связана с возможностями профессионального контроля в социально-профессиональной среде с высоким уровнем автономии. Ключевым для регулирования творческих профессий и соответственно творческих карьер является понимание центральности «конфликта между креативностью и контролем» (Р. Флорида) и особенностей методологии его разрешения или ослабления. Проблемой является недостаточная проработанность самого понятия творческой карьеры и инструментов регулирования условий ее развития, которые представляются сложным и многоуровневым комплексом. Для выработки представлений об условиях ее формирования мы обратимся к подходам в определении творческой карьеры и творческих профессий, а также принципов регулирования, привнесения концептуальных перспектив социологии профессий.

Творческая профессиональная карьера: подходы к определению

В общем виде карьеру можно определить как протяженное во времени продвижение индивида в профессиональной сфере, характеризующееся сменой видов деятельности и направленное на достижение социально-профессионального статуса, что позволяет оценивать это движение (см. об этом: [1 с. 296]). В определении того, что следует понимать под творческой карьерой, можно обозначить два основных подхода. Один акцентирует сферу профессиональной деятельности и рассматривает профессиональную карьеру, разводимую представителями профессий, которые часто называют творческими. Однако в том, что собой представляют творческие профессии, нет полного согласия. Их состав разнообразен и неоднороден. Они часто определяются в целом по сфере деятельности (художественной, культурной, научной). В фокусе внимания оказываются и профессии, которые относятся к так называемой креативной индустрии – сфере, которую можно назвать «пограничной зоной» старых и новых творческих профессий (см.: [2]). Исследователи подчеркивают неолиберальный, рыночный характер дискурса «культурной и креативной индустрии» как части экономики знаний, чертами которой являются индивидуальное творчество, навыки и талант, с одной стороны, и коммерческий потенциал – с другой [3 с. 63].

Влиятельный фактор этого дискурса – концепция креативного класса (Р. Флорида). В ее основе – представления о креативной экономике и связанных с ней кардинальных преобразованиях в занятости и работе: креативность становится преобладающей

характеристикой различных сфер экономики и их комбинаций (например, «научная и художественная практика... образовали отдельные индустрии, а в результате их сочетания возникли совершенно новые отрасли», которые выдвигаются в центр инфраструктуры развитых экономик [4]). Отмечается тенденция роста числа занятых в этих сферах, среди них – специалисты, работа которых требует высокой степени творчества, «суперкреативности». Их круг широк, если исходить из характера профессиональной деятельности, а не принадлежности к определенным секторам; среди них «ученые и инженеры, университетские профессора, поэты и писатели, художники и актеры, дизайнеры и архитекторы, равно как... публицисты, редакторы, деятели культуры, эксперты аналитических центров...»), а также «креативные специалисты» разных отраслей, работа которых часто требует «уникальным образом применять стандартные подходы» [5]. Исследователи, развивающие широкий взгляд на принадлежность работников к творческим профессиям, относят к ним занятых творческими видами деятельности работников, «встроенных» в другие отрасли, а также тех, чья занятость «поддерживает» креативную индустрию/творческую деятельность. Сюда включаются и занятые в культурном производстве (кино, телевидение и радио, издательское дело, искусство), а также в оказании креативных услуг (дизайн, архитектура, программное обеспечение и цифровой контент, реклама и маркетинг) [6].

Для более точного определения статуса «творческих работников» обращаются к факторам, формирующим их идентичность, таким как осмысление собственной творческой работы, карьерной траектории в ее сфере [7]. Так, художники в процессе множественной мобильности могут перемещаться из одной сферы занятости в другую, но все-таки ощущать себя художниками на протяжении всей своей деятельности [8 с. 141]. Хотя очевидно, что требуются и другие критерии признания статуса, включающие оценку извне, для «контроля» «ложной самоидентификации», а также учета изменений в настроениях специалистов-экспертов с течением времени [8 с. 141].

Отметим близость к приведенным характеристикам так называемых свободных профессий (*liberal professions*). Отличием представляется более четкая формулировка правового статуса: подчеркиваются наличие специальной подготовки в области искусства или науки и регулирование национальными государственными или профессиональными органами их деятельности¹,

¹ См.: https://ec.europa.eu/growth/smes/promoting-entrepreneurship/we-work-for/liberal-professions_en

которая часто является частной практикой (работой по контракту, в основном проектного характера). Свободные профессии трактуются как правовой и социальный институт, сложившийся на Западе и не вполне оформившийся в России [9], хотя попытки оформить законодательно нормы такой деятельности предпринимаются. Это близко к пониманию так называемых эталонных профессий в англо-американском варианте социологии профессий (см.: [10 с. 9]).

Другой подход к проблематике творческой карьеры акцентирует *индивидуальные характеристики творческой одаренности*, которые проявляются в профессиональной деятельности. Характерные черты такой карьеры – высокая степень индивидуальности в принятии творческих решений в профессиональной деятельности и в то же время сложности в оценке ее успешности, критериев и соответственно показателей успеха (признания) самой карьеры, способов и институтов регулирования ее развития. Очень многое зависит от оценки профессиональной среды, в которой она развивается, точнее от институциональных и нормативных условий, в которых эта оценка формируется (например, в искусстве, науке). Наряду с показателями квалификации важны достаточно трудно измеряемые показатели, такие как масштаб таланта индивида, влияние на развитие своей сферы деятельности, признание коллег. В то же время рынок труда, например, художников предоставляет сравнительно меньше возможностей для успеха карьер в этой сфере (см.: [11]). Определенный эффект личности профессионала, например именитого социального ученого, зависит также от способностей получать общественное признание как интеллектуала через активную публичную деятельность (т. е. вне общих для профессии институциональных рамок), по сути конвертируя профессиональный капитал в символический [12 с. 99]. Но если говорить о более широком контексте науки, то индивидуальный талант как важный критерий для карьеры ученого усложняет задачи наукометрических процедур, как правило достаточно упрощенных и общих, теряющих важные нюансы. Кроме прочего, ее решение усложняется необходимостью учитывать синергетический эффект коллективной деятельности, например научных школ.

Внешняя среда творческой карьеры и проблемы регулирования

В рамках обоих подходов исследовательское внимание в последние десятилетия направлено на проблемы регулирования

занятости и статуса представителей творческих профессий. Это связано прежде всего со слабой защищенностью сферы творческого труда из-за неустойчивого характера занятости и низкой оплаты труда (см.: [7]). Такая ситуация становится распространенной для современных профессиональных карьер в целом, но особенно – для творческих: они традиционно описываются как неустойчивые через такие характеристики, как хроническая безработица и незанятость, тип «карьеры портфолио», которая может включать множество разрозненных, неоднородных работ творческого и нетворческого характера, основанных на краткосрочных проектах и самозанятости [6].

Изменчивость современных творческих карьер, порожденная сдвигами в занятости и возросшей мобильностью, породила метафоры «безграничной карьеры» (не ограниченной рамками одного места работы) [13]. В рамках этой концепции возникают новые метафоры: так, в анализе карьер известных режиссеров речь идет об оценке карьеры с точки зрения успеха и провалов, что порождает метафору «американских горок», которая описывает этот тип безграничной карьеры более удачно по сравнению с такими, как «маршруты», «лестницы», «плато» [14]. Эта ситуация сопровождается поисками «социальной нормализации» нерегулярной занятости в сфере творчества, изменением ее статуса вместе с изменением представлений, например, об искусстве как о работе. Так, в Германии это привело к законодательному регулированию социального страхования для занятых в данной сфере [3 с. 63]. Попытки нормативного регулирования статуса и защищенности творческих работников предпринимаются и в России.

Выше уже отмечалась центральная роль конфликта «между креативностью и контролем» в регулировании творческих профессий и карьер. Поиски методологии его разрешения приводят к осмыслению проблематики *профессиональной автономии* в исследовательской перспективе социологии профессий / профессиональных групп. Этот концептуальный подход связан с общим контекстом профессионализма, понимаемого как особая система ценностей в сфере труда, которая определяет специфическую форму социального контроля в организации занятости и в положении на рынке труда профессиональных групп, предоставляющих экспертные услуги. Профессиональная автономия представляется способом организации профессиональной деятельности, при котором члены профессиональной группы (сообщества) принимают решения и действуют самостоятельно в рамках своего профессионального контекста, а также ответственны за эти действия.

Профессиональный контроль и профессиональная автономия

Развитие концепции профессиональной автономии связано с формированием функционального подхода, который специализировался на выделении и описании характеристик профессии как способа организации деятельности, основанного на высоком уровне знаний и квалификации. Агрегируя эти характеристики, современные авторы подчеркивают особую важность, наряду со специальными знаниями и профессиональной этикой, профессиональной автономии в принятии решений в отношении статуса и функционирования профессионалов [15 с. 38–39]. Наличие этих обобщенных атрибутов и делает карьеру собственно профессиональной (*professional vs occupational*), имеющей ряд преимуществ. Концепт профессиональной автономии стал определяющим в так называемом властном подходе (*power approach*) (см.: [16, 17]). Этот подход исходит из понимания профессий как способа регулирования работы, при котором профессия в большей степени, чем индивидуальные потребители или посредничающие агентства, выполняет контроль над работой (Т. Джонс, Э. Фрейдсон – см.: [17]). Роль влиятельности (власти) группы в установлении и поддержании такого контроля весьма значима – чем она выше, тем выше статус профессиональной группы. Эта форма контроля отличается от контроля со стороны государственной бюрократии и рынка. Сущность ее – в установлении и легитимации отношений, которые обосновывают высокую степень саморегулирования и самоорганизации профессий. Хотя при этом остаются противоречия: с одной стороны, профессионализм, в таком его понимании, влияет на политику государства, демократические формы взаимодействия с обществом, а с другой – возможно укрепление эгоцентричности монополии профессий на определенные экспертные услуги. Эти проблемы остаются важными, например, в Европе в условиях интернационализации профессиональных практик, в рамках Евросоюза. Исследователи отмечают объективное сближение англо-американской и континентальной (включающей сильные позиции бюрократического администрирования) моделей профессионализма (см.: [18 с. 676]).

Получает распространение тема кризиса профессиональной автономии и профессиональной регуляции (см.: [19]). Современные тенденции существенно меняют формы и степень профессионального контроля под влиянием макропроцессов. Так, глобализация порождает транснациональные характеристики занятости в крупных организациях, которые изменяют формы регулирования, власти и легитимации, определяющие профессиональную автономию [20]. Изменения на макроуровне стимулируют тен-

денции к изменению конфигурации менеджериального контроля и профессиональной автономии, сокращая последнюю (см.: [21]).

Вместо заключения.

Направления профессионального контроля

Стратегии профессионального контроля могут быть разнообразными – от формального контроля в сфере образования, т. е. подготовки будущих профессионалов, до культивирования неформальных практик, традиций, символов, укрепляющих их позиции (см.: [10 гл. 1]). Одно из их направлений – формирование образцов карьер внутри профессии. Их успешность определяется в том числе тем, каким образом они стимулируют творческую деятельность и будут способствовать ее продуктивности, что во многом зависит и от осмысления применяемых методологических подходов и инструментов.

Наиболее актуален, на мой взгляд, подход, связанный с формированием условий, которые создавали бы *благоприятную среду* развития творческих карьер. Одна из характеристик таких условий – поддержание баланса в их регулировании через создание возможностей и норм «переговорных процессов» с государством и рынком по поводу сфер компетенций, что может влиять и на преобладание тех или иных образцов карьер, процедур их регулирования. Центральны в этих процессах представления *о протяженности и этапах карьеры* (начиная со студенчества и даже школы). Они могут способствовать определению подходов к показателям, которые органично маркировали бы этапы творческой карьеры, процедур их оценки. В свою очередь это служит выработке социальных мер: типов эффективных трудовых контрактов, социального страхования творческого труда и т. п. Представления эти основываются прежде всего на оценке профессионального сообщества, но их обоснованность с точки зрения продуктивности творческой деятельности нуждается в легитимизации и признании в обществе в целом и поддержке со стороны государственной политики.

Важный комплекс вопросов связан с *нормативно-этическим регулированием условий развития творческих карьер*. Это разработка и контроль правил экспертизы относительно фильтров карьеры и формирования экспертного сообщества. Это актуальная сегодня проблема поддержания норм профессиональной этики внутри сообщества, включая выработку способов их влияния на профессиональное продвижение. Таким образом, творческая карьера в рамках подходов, опирающихся в том числе на концепции профессиональной автономии, может рассматриваться как каркас изменений в статусе и перспективах разнообразных профессиональных групп.

Благодарности.

Статья выполнена в рамках проекта «Профессиональная карьера как фактор воспроизводства профессиональных групп в сфере науки и технологий», грант РФФИ № 16-03-50220. Ее основой послужил доклад автора «Творческая карьера и профессиональная автономия» на конференции «Судьбы и карьеры художников на рубеже XX–XXI веков» в Российском институте истории искусств в Санкт-Петербурге в 2016 г., тезисы которого опубликованы в сборнике по ее итогам.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Professional career as a factor in the reproduction of professional groups in the field of science and technology”, no. 16-03-50220. The article is based on the author's report at the conference “Fate and career of artists at the turn of XX-XXI centuries” at the Russian Institute of Art History in St. Petersburg in 2016.

Литература

1. *Попова И.П.* Профессиональная карьера – традиции и перспективы исследований // Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера: Коллективная монография / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: ИС РАН; РОС, 2014. С. 291–312. (CD ROM)
2. *Bridgstock R.* Professional Capabilities for Twenty-First Century Creative Careers: Lessons from Outstandingly Successful Australian Artists and Designers // International Journal of Art & Design Education. 2013. Vol. 32. Iss. 2. P. 176–189. DOI: 10.1111/j.1476-8070.2013.01756.x
3. *Евсеева Я.В.* Творческие профессии как объект социологического исследования (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2014. № 3. С. 62–66.
4. *Флорида Р.* Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005. 430 с.
5. *Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
6. *Bridgstock R., Goldsmith B., Rodgers J., Hearn G.* Creative graduate pathways within and beyond the creative industries // Journal of Education and Work. 2015. Vol. 28. Iss. 4. P. 333–345. DOI: 10.1080/13639080.2014.997682.
7. *Taylor S.* The Meanings and Problems of Contemporary Creative Work // Vocations and Learning. 2012. Vol. 5. Iss. 1. P. 333–345. DOI: 10.1007/s12186-011-9065-6.
8. *Магидович М.Л.* Профессиональная идентичность художника // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 3. С. 139–152.
9. *Водолагин С.В.* Свободные профессии как социальный институт и объект правового регулирования в России и за рубежом // Закон. 2012. № 6. С. 123–131.

10. *Щепанская Т.Б.* Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX – начало XXI в.). СПб.: Наука, 2010. 338 с.
11. *Alper NO., Wassall GH.* Artists' Careers and Their Labor Markets // Handbook of the Economics of Art and Culture / Ed. by V.A. Ginsburg, D. Throsby. 2006. Vol. 1. P. 813–864.
12. *Абрамов Р.Н.* Историко-социологические импликации социологии профессий: российский и зарубежный контексты // Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии: Сборник научных докладов симпозиума / Под ред. И.Ф. Девятко, Н.К. Орловой. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 95–109.
13. *Arthur MB.* The boundaryless career at 20: Where do we stand, and where can we go? Career Development International. 2014. Vol. 19. P. 627–640. DOI: 10.1108/CDI-05-2014-0068.
14. *Mainemelis C., Nolas S-M., Tsirogianni S.* Surviving a boundaryless creative career: The case of Oscar-nominated film directors, 1967–2014 // Journal of Management Inquiry. 2016. Vol. 25. P. 262–285. DOI: 10.1177/1056492615616871.
15. *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.
16. *Abbot A.* The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labour. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 452 p.
17. *Freidson E.* Professionalism Reborn: Theory, Prophecy and Policy. University of Chicago Press, 1994. 238 p.
18. *Прудников М.В.* Регуляция профессиональной автономии в Европе: теоретические перспективы и эмпирические исследования. (*Rego R.* (ed.) The trend towards the European deregulation of professions and its impact on Portugal under crisis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013) // Журнал исследований и социальной политики. 2015. Т. 13. С. 675–679.
19. *Adams T.L.* Sociology of professions: international divergences and research directions // Work, employment and society 2015. Vol. 29 (1). P. 154–165. DOI: 10.1177/0950017014523467.
20. *Faulconbridge J.R., Muzio D.* Professions in a globalizing world: Towards a transnational sociology of the professions // International sociology. 2012. Vol. 27. Iss. 1. P. 136–152. DOI: 10.1177/0268580911423059.
21. *Saks M.* A review of theories of professions, organizations and society: The case for neo-Weberianism, neo-institutionalism and eclecticism // Journal of Professions and Organization. 2016. 0. P. 1–18. DOI: 10.1093/jpo/jow005.

References

1. Popova IP. Professional career – research traditions and perspectives. Professional groups: communities, activities and careers: Collective monograph. Ed. by VA. Mansurov. Moscow: IP RAS; ROS Publ.; 2014. P. 291-12. CD ROM. (In Russ.)

2. Bridgstock R. Professional Capabilities for Twenty-First Century Creative Careers: Lessons from Outstandingly Successful Australian Artists and Designers. *International Journal of Art & Design Education*. 2013;32(2):176-89. DOI:10.1111/j.1476-8070.2013.01756.x
3. Evseeva Ya V. Creative professions as an object of sociological research (summary). *Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature*. Series 11: *Sociology. Abstract Journal*. 2014;3:62-66. (In Russ.)
4. Florida R. The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. Moscow: Klassika-21 Publ.; 2005. 430 p. (In Russ.)
5. Florida R. The Rise of the Creative Class, Revisited. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber Publ.; 2016. 384 p. (In Russ.)
6. Bridgstock R., Goldsmith B., Rodgers J., Hearn G. Creative graduate pathways within and beyond the creative industries. *Journal of Education and Work*. 2015;28(4):333-45. DOI:10.1080/13639080.2014.997682.
7. Taylor S. The Meanings and Problems of Contemporary Creative Work. *Vocations and Learning*. 2012;5(1):333-45. DOI:10.1007/s12186-011-9065-6.
8. Magidovich ML. Professional identity of artist. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004;7(3):139-52. (In Russ.)
9. Vodolagin SV. Liberal professions as a social institution and the object of legal regulation in Russia and abroad. *Zakon*. 2012;6:123-31. (In Russ.)
10. Shchepanskaya TB. A Comparative ethnography of professions. everyday practices and cultural codes (Russia, end of 20th – beginning of 21st century). Saint-Petersburg: Nauka Publ.; 2010. 338 p. (In Russ.)
11. Alper NO., Wassall GH. Artists' Careers and Their Labor Markets. *Handbook of the Economics of Art and Culture* / Ed. by VA. Ginsburg, D. Throsby. 2006;1:813-64.
12. Abramov RN. Historical and sociological implications in sociology of professions. Russian and foreign contexts. *Davydov Scientific Conference. Historical Horizons of Theoretical Sociology*. Ed. by IF. Deviatko, NK. Orlova. Moscow: Institut sotsiologii RAN Publ.; 2011. P. 95-109. (In Russ.)
13. Arthur MB. The boundaryless career at 20: Where do we stand, and where can we go? *Career Development International*. 2014;19:627-40. DOI:10.1108/CDI-05-2014-0068.
14. Mainemelis C., Nolas S-M., Tsirogianni S. Surviving a boundaryless creative career: The case of Oscar-nominated film directors, 1967-2014. *Journal of Management Inquiry*. 2016;25:262-85. DOI:10.1177/1056492615616871.
15. Mansurov VA., Yurchenko OV. Sociology of professions. History, methodology and practice of research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009;8:36-46. (In Russ.)
16. Abbot A. The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labour. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 452 p.
17. Freidson E. Professionalism Reborn: Theory, Prophecy and Policy. University of Chicago Press, 1994. 238 p.
18. Prudnikov MV. Regulation of professional autonomy in Europe. Theoretical perspectives and empirical research. Rego R. (ed.) The trend towards the European deregulation of professions and its impact on Portugal under crisis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. *The Journal of Social Policy Studies*. 2015;13:675-79. (In Russ.)

19. Adams TL. Sociology of professions: international divergences and research directions. *Work, employment and society*. 2015;29(1):154-65. DOI: 10.1177/0950017014523467.
20. Faulconbridge JR., Muzio D. Professions in a globalizing world: Towards a transnational sociology of the professions. *International sociology*. 2012;27(1): 136-52. DOI: 10.1177/0268580911423059.
21. Saks M. A review of theories of professions, organizations and society: The case for neo-Weberianism, neo-institutionalism and eclecticism. *Journal of Professions and Organization*. 2016;0:1-18. DOI: 10.1093/jpo/jow005.

Информация об авторе

Ирина П. Попова, кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; irina_popova@list.ru

Information on the author

Irina P. Popova, Cand. of Sci (Sociology), Institute of Sociology of the FCTAS of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskii Str., Moscow, Russia, 117218; NRU Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya Str., Moscow, Russia, 101000; irina_popova@list.ru

Проблемы применения наукометрических методов
к измерению
эффективности публикационной активности
вузовских преподавателей

Елена А. Гришина

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
egrishina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются плюсы и минусы использования наукометрии для изучения развития науки, в том числе вузовской. Говорится об истоках наукометрии как части науковедения в России и за рубежом. Отмечается, что уже в 60-е годы XX в. использование Science Citation Index служило довольно эффективным инструментом для исследования развития науки. В настоящее время возможности наукометрии стали существенно шире, этому способствует развитие информационных технологий. Параллельно с развитием наукометрии происходят абсолютизация количественных данных, формализация и обезличивание информации. Особенно это касается вузовской науки. На основании серии глубинных интервью автор анализирует мнения и оценки вузовских преподавателей и научных работников по поводу наукометрии как критерия эффективности деятельности профессорско-преподавательского состава. Выявляется, что практики применения наукометрических методов часто носят упрощенный и односторонний характер. Жесткие требования соответствия наукометрическим критериям приводят к формализации публикационной активности, формируется специфический рынок услуг по повышению индексов цитирования и оказанию любых «публикационных услуг» (подготовка и размещение статей в журналах ВАК, Scopus и пр.).

Ключевые слова: наукометрия, наукометрические методы, индекс цитирования, публикационная активность, абсолютизация количественных показателей

Для цитирования: Гришина Е.А. Проблемы применения наукометрических методов к измерению эффективности публикационной активности вузовских преподавателей // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 103–114. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-103-114

Issues of the scientometric methods application in measurement of efficiency of the higher school lecturers publication activity

Elena A. Grishina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
egrishina@yandex.ru*

Abstract. Article analyzes pluses and minuses of use of a scientometrics for studying the science development. It says about scientometrics sources as parts of science of science in Russia and abroad. It is noted that in the 60th years of the 20th century the use of “Science Citation Index” served as quite effective tool for a research of the science development. Currently, the possibilities of ascientometrics have become significantly wider, it is promoted by information technology development.

In parallel with the development of a scientometrics there is the absolutization of quantitative data, formalization and depersonalization of information. Especially it concerns the higher school science. On the basis of a series of deep interviews the author analyzes the higher school teachers and researchers opinions and estimates concerning ascientometrics as the performance criteria for faculty members. It is revealed that practice of applying scientometric methods are often simplified and one-sided. Strict requirements on compliance with scientometric criteria lead to formalization of publication activity. The specific market for services on rising the citation indexes and rendering any “publication services” is formed (preparation and placement of articles in the VAK magazines, SKOPUS and so forth).

Keywords: scientometrics, scientometric methods, index of citing, publication activity, absolutization of quantitative indices

For citation: Grishina EA. Issues of the scientometric methods application in measurement of efficiency of the higher school lecturers publication activity. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;2: 103-114. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-103-114

Publish or perish (публикуй или погибнешь)
Расхожая фраза, бытует в англо-американских научных кругах

Хиршем Першинг не собьешь...
Новая поговорка, бытует в российских научных кругах

Введение

Возможно, что эпиграфы к данной статье покажутся кому-то эпатажными. Но они во многом отражают суть тех проблем, кото-

рые предлагаются к рассмотрению в рамках данной статьи. Процессы, происходящие в стране в области образования и науки, не радуют давно. Реформам не видно конца и края. Налицо парадокс: с высоких трибун звучат победные реляции, в профессиональном сообществе «зашкаливают» негативные эмоции. Особенно много нареканий вызывает крайне формализованный (наукометрический) подход к определению качества работы сотрудников вузов. Автором была выполнена серия интервью с преподавателями московских вузов (n=10). Приведенные высказывания адекватно иллюстрируют отношение профессорско-преподавательского состава к ситуации.

Все сложнее становится... Думал, перестройка закончилась – так нет (выругался. – *Е. Г.*), извините меня, слов других не нахожу, реформы, реформы, министерства перекраивают, то ФАНО, то еще что-нибудь на нашу голову... Я вот преподаю на полставки – с меня требуют какое-то повышение квалификации... Как работать в таких условиях?.. (*мужчина, 71 год, главный научный сотрудник, д-р физ.-мат. наук, член-кор. РАН*)¹.

У нас собираются опять сокращать штаты. Я не понимаю ничего (некоторое время молчит). Чего мы хотим? И так уже нагрузка очень большая. А тут вообще пошли разговоры, что... лекции по базовым курсам на видео запишут и в профессуре необходимость отпадет. А семинары будут аспиранты вести и ассистенты (смеется). Глупость, конечно. Но сегодня всего можно ожидать...» (*женщина, 48 лет, преподаватель вуза, канд. филос. наук, профессор*)².

Сколько можно переделывать рабочие программы... Что в них меняется? Да толком ничего. Порядок разделов и таблиц меняем. Время только тратим... Самое главное – по содержанию чтобы было нормально, но это как раз для проверяющих не важно, важны чисто формальные параметры... Сокращают и сокращают – и часы и людей. Про публикации что сказать – это отдельная песня. Вынуждены что-то изображать, конечно. Но, сами подумайте, что значит для физика написать полезную статью, не для отчета только... А мусора и без меня достаточно публикуют. Нельзя так подходить к оценке качества работы. Может одна небольшая статья больше значить, чем двадцать пять. Нужны не только Хирши и РИНЦы... Экспертные оценки нужны. А кто будет этим заниматься? (*мужчина, 47 лет, преподаватель вуза, канд. физ.-мат. наук, доцент*)³.

¹ Интервью 4, архив автора.

² Интервью 1, архив автора.

³ Интервью 5, архив автора.

Об истоках и содержании отечественной наукометрии

Чтобы увидеть проблему наукометрии целиком, представляется необходимым совершить некий исторический экскурс к истокам науковедения. Это относительно молодая область знания. Начало «науки о науке» принято относить к выходу в свет книги Дж. Бернала, где автор рассматривает различные аспекты состояния и развития науки того времени, в том числе обращается к анализу практик проведения научных исследований в Британии и задается вопросом: какое место наука занимает в обществе, что она делает в обществе, что должна делать и как это можно изучать [1]. Существенное развитие науковедение получило в 60-е годы XX в. Так, Д. Прайс опубликовал свою книгу «Наука со времен Вавилона» [2], где попытался проанализировать динамику роста научных журналов с Нового времени и интерпретировать науку как объект исследования. В 1961 г. в Калифорнии был организован Институт научной информации, который возглавил Ю. Гарфилд. Именно здесь был разработан и предложен научному сообществу так называемый Индекс научных ссылок (Science Citation Index, сокращенно SCI), который оказался довольно эффективным инструментом исследования развития науки.

Если говорить об истоках применения наукометрических подходов к науке в нашей стране, то первопроходцем в этом направлении можно считать В. Налимова⁴, который и ввел термин «наукометрия» в научный оборот. В его статье «Количественные методы исследования процесса развития науки» [3] формулируется концепция наукометрии: что именно целесообразно измерять, каким способом это возможно сделать, какие значение и смысл можно придавать полученным показателям. В качестве значимых задач наукометрии выделялись: изучение структуры и организации науки; оценка эффективности труда научных коллективов и научных работников; выявление факторов, влияющих на эффективность; исследование проблемы подбора и подготовки кадров. На этом основании наукометрия как количественная методология помогла бы прогнозировать развитие науки и даже управлять этим процессом [3 с. 38–47]. Позднее группой авторов во главе с Налимовым была предложена информационная модель процесса развития науки, в которой публикации выступают как основной носитель научной информации, журналы выступают как интерактивные каналы связи и обмена информацией, а библиографические ссылки выступают в роли особого языка для циркулирующей науч-

⁴ В.В. Налимов, (1910–1997). Профессор Московского государственного университета.

ной информации, показывающей влияние публикаций на развитие научных информационных потоков. В 1969 г. в свет выходит монография «Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса» [4], где концепция наукометрии изложена наиболее полно и подробно. Это была первая в мире полная монография, посвященная количественным методам изучения развития науки. В ней рассматриваются такие показатели, как рост числа публикаций, количества научных журналов, увеличение ассигнований на науку. Нарботки западных коллег тщательно изучались и брались на вооружение отечественными учеными, но не без доли критицизма: «Его (Д. Прайса) формулировки, правда, несколько парадоксальны: "...главной конечной целью работы ученого является статья, которую он публикует", "...ученый нуждается в том, чтобы писать, а не читать; инженер – в том, чтобы читать, а не писать"» [4 с. 43].

Возможности Science Citation Index рассматривались отечественными специалистами, в частности: 1) для поиска научной информации по определенным вопросам; 2) для изучения развития определенных идей и объективной оценки их значимости; 3) для изучения общих закономерностей распределения и старения научных публикаций» [5 с. 39–49]⁵.

Итак, наукометрический анализ в России имеет глубокие и давние корни. В настоящее время возможности наукометрии стали существенно шире, этому способствуют развитие информационных технологий, колоссальные информационные потоки и массивы данных, которые могут быть подвергнуты обработке и использованы для построения гносеологических моделей и прогностических сценариев в области развития отечественной и мировой науки. Но есть и другая «сторона медали». Многие исследователи наукометрии (или «библиометрии») утверждают, что наукометрические методы абсолютно недостаточны для объективной оценки реального научного вклада, приносимого конкретными учеными. Параллельно с развитием наукометрии происходят абсолютизация количественных данных, формализация и обезличивание информации, практически – ее содержательное опустошение. Особенно это касается вузовской науки.

Автор настоящей статьи уже высказывала мнение по поводу ошибочности и непродуктивности попыток резко переместить «фокус» отечественной науки с академической на вузовскую и университетскую [6 с. 34–41]. Но Министерство науки и высшего образования РФ настоятельно рекомендует при определении рей-

⁵ Заметим, что речь ни в коем случае не идет об использовании данного индекса для измерения эффективности научной работы «отдельно взятого» ученого или преподавателя!

тинга вуза учитывать публикационную активность преподавателей, индексы цитируемости, в том числе индекс Хирша и другие наукометрические показатели. Публикации индексируются и оцениваются в индексах научного цитирования: международные базы Web of Science, Scopus и национальный индекс РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). С этим напрямую связываются финансирование вуза и соответственно заработная плата преподавателей.

Безусловно, преподаватель вуза может и должен в той или иной мере включаться в научно-исследовательскую работу, быть в курсе последних научных достижений в своей области, в противном случае он деградирует как профессионал. И преподаватели с этим согласны, но...

Публикации – да, нужны, но на качество мало обращают внимания, больше на место публикации... Импакт фактор и т. д. Мы стали больше тратить времени на это, нормальную статью по философии трудно написать. Это время нужно и хотя бы какие-то мысли оригинальные свои. А переписывать одно и то же скучно, но, если честно, приходится иногда – стилистику изменить, что-то добавить – вот и готово. Теперь при аттестации будут Хирш учитывать. Ничего, что-нибудь придумаем... *(женщина, 48 лет, преподаватель вуза, канд. филос. наук, профессор)*⁶.

Преподаватели вузов сегодня являют собой ярчайший пример наиболее уязвимой части отечественной интеллигенции. Выдвигаются все новые и новые требования, связанные с «научной активностью», – участие в конференциях, в том числе международных, но получить возможность поехать в оплачиваемую вузом командировку крайне сложно. Кроме того, работа современного преподавателя сопряжена с постоянным самообразованием: приходится перерабатывать колоссальные объемы информации, чтобы быть осведомленным о тех новациях, которые постоянно возникают в поле преподаваемой дисциплины, и иметь возможность дать им соответствующую оценку. А это значит – читать научную литературу, просматривать соответствующие информационные ресурсы Интернета, вести онлайн-переписку со студентами. А еще постоянные консультации по поводу курсовых и дипломных работ⁷, индивидуальные консультации, переэкзаменовки и многое другое. А тут еще эффективный контракт, который выдвигает совершенно определенные, довольно высокие требования, которые далеко не всегда приводят к позитивным результатам.

⁶ Интервью 1, архив автора.

⁷ На эти консультации уходит гораздо больше времени, чем запланировано в учебных планах, но это время никак не учитывается официально. Переэкзаменовки тоже не входят в учебный план и не учитываются.

Сегодня полночи не спал, писал очередную статью. А что делать – эффективный контракт – лопни, но держи фасон. Ну и что мы пишем? Это науке мало что дает, я ведь почитываю, что сейчас публикуют по социологии – много чепухи. И это мягко сказано. Вообще – платные публикации – возьмут, что угодно, лишь бы заплатили. А зарубежные публикации – это совсем малооправданно, вообще нас никто не читает... Эти вузовские сборники, коллективные монографии, друг друга цитируем... Зачем? Макулатура! Бумаги жалко! (*мужчина, 51 год, преподаватель вуза, канд. социол. наук, доцент*)⁸.

Повышение требований к публикационной активности спровоцировало формирование специфического сегмента «рынка публикационных услуг», который довольно давно и совершенно открыто функционирует в Интернете наряду с сегментом по подготовке курсовых, дипломов и диссертационных работ. Похоже, что в этом «бизнесе» задействованы одни и те же люди. Автором выполнен «пилотажный» анализ подобных интернет-ресурсов на сервисе Яндекс⁹. Итак, на запрос по ключевым словам «публикация ВАК срочно» получено 87 млн ссылок, на ключевые слова «публикация Scopus быстро» – 49 млн ссылок, на «повысить индекс Хирша платно» – 68 млн ссылок (дата обращения 11 марта 2019). Стабильное существование такого обширного рынка поддерживается спросом, а также весьма грамотными и профессиональными приемами продвижения. Для анализа было отобрано 50 ссылок, которые ярко демонстрируют специфику этого «бизнеса».

Приведем несколько примеров. Вот как выглядит рекламный текст на странице структуры, предлагающей публикации в журналах, входящих в список ВАК:

Публикация в журнале ВАК. Любой специальности. Фиксированная цена 8000 рублей. Срочная публикация в течение месяца. Как мы работаем: 1) подбор журнала ВАК за 1 час; 2) справка о принятии статьи в течение 2 часов; 3) опубликуем статью за 3 дня¹⁰.

Страница интерактивная, на ней указан телефон для связи. Это довольно типичный ресурс, отличия можно обнаружить лишь в формулировках рекламных предложений и ценах, которые зависят от «веса» журнала, его импакт-фактора и научного авторитета. По

⁸ Интервью 7, архив автора.

⁹ Проанализировано 50 предложений по подготовке, редактированию и публикации статей ВАК, Scopus и по повышению индекса Хирша.

¹⁰ Публикация в журналах ВАК по любой специальности [Электронный ресурс]. URL: <http://institut.rinolens.ru/> (дата обращения 10 марта 2019).

тому же принципу работают многие другие подобные ресурсы¹¹. Интересно, что по всем законам маркетинга, используется практика бонусов, акций и скидок. Вот типичное предложение повысить пресловутый индекс Хирша¹² – к вашим услугам множество вариантов. Будущему клиенту объясняют технологию работы:

1. Заполните заявку. После заполнения заявки менеджер свяжется с вами и вышлет коммерческое предложение с несколькими вариантами повышения. 2. Согласование плана цитирований. Выберите оптимальный вариант повышения из коммерческого предложения. Подтвердите или уточните список цитируемых публикаций, предложенный менеджером. 3. Предоплата и запуск цитирования. После предоплаты менеджер передаст согласованный план цитирований авторам в работу. Новые цитирования будут появляться в РИНЦ каждые 3-4 недели. 4. Обновление индекса Хирша и доплата. После появления цитирований в РИНЦ необходимо обновить индекс Хирша и внести доплату. Супер предложение! Оставьте заявку прямо сейчас и получите коммерческое предложение со скидкой 10%. Предложение действует до конца дня!

Не правда ли, напоминает работу интернет-магазина? Цены разные: от 500 руб. за одно цитирование до 2000 руб., если срочно. Надо сказать, что спрос на подобные услуги достаточно высок, клиенты остаются вполне довольны. Вот несколько клиентских отзывов о работе так называемой Коллегии независимых авторов «Научник»¹³:

Заказывали статью и публикацию в ВАКовском журнале. Сделали все как обещали и в срок. Мы все остались очень довольны. Молодцы! Успехов и развития Вам!

Благодарю за профессиональное написание статьи для журнала ВАК! У рецензента замечаний не возникло и статья принята к публикации! Большое спасибо за помощь!

Очень быстрая помощь в публикации. Печатный экземпляр уже получила, спасибо!

¹¹ ВАКПРОФИ [Электронный ресурс]. URL: www.vakprofi.ru (дата обращения 10 марта 2019).

¹² Это «объявление» собрано автором из множества подобных предложений и предлагается читателям статьи как некий «типаж», характерный для рекламы подобных услуг.

¹³ Хирш значения не имеет: только каждый пятый ученый с высоким Хиршем победил на выборах в РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://indicator.ru/article/2016/11/01/hirsh-znacheniya-ne-imeet/> (дата обращения 11 марта 2019).

Представляется, комментарии для подобных способов повышения эффективности научной работы излишни. Выйти из этого порочного круга крайне сложно. Но сопротивление наукометрии начинает возрастать. Активная критика в адрес наукометрических индикаторов была выдвинута в первую очередь математиками (что несколько неожиданно) – это представители Международного математического союза, Международного совета промышленной и прикладной математики, Института математической статистики. С точки зрения специалистов, применение количественных критериев (Хирш, IF и пр.) требует большой осторожности: «...среднее улавливает небольшую часть информации об этом распределении, являясь поэтому довольно грубой оценкой...» [8].

Многие ученые и специалисты сегодня склоняются к мнению, что цитируемость – в том числе индекс Хирша – не является очевидным критерием научности публикации. Так же как количество публикаций не может быть абсолютным показателем результативности работы ученого. Опирайтесь на эти показатели – значит провоцировать исследователей на публикации поверхностных статей или сходных статей в разных журналах с незначительными отличиями в текстах. Не говоря уже об использовании описанных выше публикационных услуг. Заметим, что науке известен не один пример, когда одна публикация «переворачивала» целые научные парадигмы. Поэтому количественные показатели не могут выступать универсальным критерием, поскольку не отражают качества публикаций.

Еще один пример, который хочется привести, – это результаты выборов в Российскую академию наук 2016 г. РАН можно принимать за носителя высших критериев научности. Так вот, по итогам выборов 2016 г. в РАН пришли 176 новых академиков и 323 члена-корреспондента. Наукометрические показатели кандидатов не выступали решающим аргументом для экспертов, поскольку индекс Хирша был выше 30 только у 4% от всех зарегистрированных кандидатов¹⁴.

Что касается оценки труда преподавателей вузов – здесь ситуация еще сложнее. Работа профессорско-преподавательского состава состоит не только в передаче знаний, но, волей-неволей, в трансляции ценностей, формировании мировоззрения студентов. Это ежедневный незаметный труд, который не может быть учтен никакими индексами и коэффициентами. Это мнение все чаще артикулируется в профессиональном сообществе:

¹⁴ Хирш значения не имеет: только каждый пятый ученый с высоким Хиршем победил на выборах в РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://indicator.ru/article/2016/11/01/hirsh-znacheniya-ne-imeet/> (дата обращения 11 марта 2019).

Безусловно, критерии должны быть исчисляемыми. Но ведь наиболее важные качественные результаты вуза как социального института (например, перспективность научных прорывов или вклад педагогов в развитие личностей обучающихся) невозможно точно измерить. Тем не менее, некоторые исчисляемые индикаторы (критерии, показатели) косвенно могут свидетельствовать об уровне наших достижений. Итак, оценивание по формализованным (исчисляемым) критериям – это сущностно ущербный, но единственно возможный в современном мире подход [9].

Существующая система рейтингов вузов строится преимущественно по количественным критериям, и это вполне устраивает некоторые вузы:

...важно заметить, что важной составляющей рейтингов является цитируемость результатов исследований, а также репутация, которая создается годами. С этим во многом связано то, что ВШЭ – это молодой университет. При этом с каждым годом вуз повышает результативность, в том числе благодаря модели НИУ. В течение еще двух лет НИУ ВШЭ будет участником программы, и за это время университету необходимо повышать эффективность всех показателей, а также развиваться в сторону увеличения присутствия на мировом рынке образовательных услуг [10].

Автор настоящей статьи полагает, что проблема количественного подхода к измерению эффективности труда преподавателей лежит еще и в ценностно-этической плоскости – термины «образование» и «образовательные услуги» несут в себе различную смысловую нагрузку, так же, как «рейтинг» и «репутация»... Сложновато и не всегда возможно «алгеброй гармонию измерить».

Заключение

Полноценное использование наукометрических подходов может многое дать для изучения развития науки, как в глобальном масштабе, так и на локальном уровне. Но именно полноценное использование! С привлечением дополнительных методик качественного характера. Пока практика показывает, что наукометрические приемы используются «контролирующими органами» односторонне, как очень примитивный инструмент, что-то вроде кувалды, которой можно скорее разрушить, чем создать. Интересно, что противостояние профессионального сообщества нашествию наукометрии все больше приобретает характер некоторой игры – то ли в прятки, то ли в догонялки, а скорее всего – в казаки-разбойники.

И чувство юмора здесь есть только у одной из сторон... В заключение приведем цитату из интервью, проведенного автором с одним из московских профессоров, доктором физико-математических наук.

Преподаю, но немного, на четверть ставки. Мне кажется, что все нормально в образовании. Студенты продвинутые, правда, ленивы – но так всегда было. Их в тонусе нужно держать – как всегда – кнутом и пряником. У нас не зазеваешься – что-то прогулял или не сделал – потом трудно будет успеть за другими. У нас в институте тоже эта наукометрия, но в разумных пределах. Только зачем наши ученые должны свои научные «находки» публиковать в иностранных журналах? Да еще за деньги...¹⁵

Литература

1. *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.
2. *Prise D.J. de Solla.* Science Since Babylon. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1961. 149 p. [Электронный ресурс]. URL <https://www.questia.com/read/334133/science-since-babylon> (дата обращения 12 марта 2019).
3. *Налимов В.В.* Количественные методы исследования процесса развития науки // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 38–47.
4. *Налимов В.В., Мульченко З.М.* Наукометрия. Изучение развития наук как информационного процесса. М.: Наука, 1969.
5. *Гиляревский Р.С., Мульченко В.М, Терехин А.Т., Черный А.Н.* Опыт изучения «Science Citation Index» // Прикладная документалистика. М., 1968. С. 39–59.
6. *Гришина Е.А.* Научная интеллигенция: противоречия социальной идентификации // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 34–49.
7. Игра в цифры, или Как теперь оценивают труд ученого: Сборник статей о библиометрике. М.: МЦНМО, 2011.
8. *Жуков Д.* По каким критериям государство оценивает научные достижения вуза и отдельного учёного? [Электронный ресурс]. URL: http://nexpol.blogspot.com/2013/12/blog-post_21.html (дата обращения 13 марта 2019).
9. *Великая Е.В.* Модель «национального исследовательского университета» (на примере НИУ «Высшая школа экономики») // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2. С. 112–117.

References

1. Bernal J. Science in history of society. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1956. (In Russ.)

¹⁵ Интервью 9. Архив автора.

2. Prize DJ. de Solla. *Science Since Babylon*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1961. 149 p. [Internet]. URL: <https://www.questia.com/read/334133/science-since-babylon> (data obrashcheniya 12 March 2019).
3. Nalimov VV. Quantitative methods of a research of development of Science. *Voprosy filosofii*. 1966;12:38-47.
4. Nalimov VV., Mulchenko ZM. *Scientometrics. Studying of development of sciences as information process*. Moscow: Nauka Publ.; 1969.
5. Gilyarevsky RS., Mulchenko VM, Terekhin AT., Black AN. Experience of Studying of "Science Citation Index". *Prikladnaya dokumentalistika*. Moscow, 1968. P. 39-59.
6. Grishina EA. Scientific intellectuals. Contradictions of social identification. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2008;3:34-49.
7. Playing the game of numerature (tsifir'), or How the work of a scientist is nowadays evaluated. Collection of articles on bibliometrics. Moscow: MCCME Publ.; 2011. 72 p.
8. Zhukov D. By what criteria does the state estimates scientific achievements of higher education institution and of the certain scientist? [Internet]. URL: http://nexpol.blogspot.com/2013/12/blog-post_21.html (data obrashcheniya 13 March 2019).
9. Velikaya EV. The model of "National Research University" (by an example of NRU "Higher School of Economics"). *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2016;2:112-17. (In Russ.)

Информация об авторе

Елена А. Гришина, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; egrishina@yandex.ru

Information about the author

Elena A. Grishina, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; egrishina@yandex.ru

Власть и интеллигенция: отношение к Октябрьской революции 1917 г.

Мария А. Вершинина

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
marieversh@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются оценки Октябрьской революции 1917 г., представленные в различных источниках. Сравниваются позиции интеллигенции и власти по поводу роли революции в жизни россиян, а также последствий, произошедших в общественной и частной жизни людей. В оценках Октябрьской революции 1917 г. видно четкое расхождение между официальной литературой, представленной трудами В.И. Ленина, учебником «История ВКП(б)», выпущенным под контролем И.В. Сталина, и мыслями представителей интеллигенции – П.А. Сорокина, Н.А. Бердяева, И.А. Бунина и др.

Выявлено, что представители интеллигенции тех лет высказываются в отношении случившихся перемен в самых мрачных оттенках, их работы, статьи преисполнены отчаяния, пессимизма и горечи. Многие ученые, переживавшие данные события и анализирующие их спустя годы, не упускают из внимания те потери, которые переживал русский народ.

Официальная литература советских лет высказывает позицию властвующих элит, не допускает сомнений в успешности революции, в ее уникальности на мировой арене, превозносит личность Ленина как талантливого и великого лидера и теоретика и подчеркивает неизбежность тех трудностей, которые перенесли на себе народные массы, тем более что все эти испытания были во имя великих целей пролетарской революции.

Ключевые слова: революция, представления, социальные оценки

Для цитирования: Вершинина М.А. Власть и интеллигенция: отношение к Октябрьской революции 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 115-125. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-115-125

Power and intellectuals in their attitude to the October Revolution of 1917

Maria A. Vershinina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
marieversh@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the estimates of the October revolution of 1917, given by various sources. The positions of the intelligentsia and the authorities are compared on the role of the revolution in the lives of Russians, as well as the consequences that have occurred in the public and private life of the people. In the assessments of the October revolution of 1917, one can see a clear discrepancy between the official literature presented by V.I. Lenin, the textbook “History of the CPSU (b)”, released under the control of I.V. Stalin, and the thoughts of intellectuals – P.A. Sorokin, N.A. Berdyayev, I.A. Bunin and others.

It is revealed that representatives of the intelligentsia of those years speak out about the changes in the darkest shades, their book-works and articles are full of the despair, pessimism and bitterness. Many scientists having experienced those events and analyzing it after the years do not lose sight of the losses suffered by the Russian people.

The official literature of the Soviet era expresses the position of the ruling elites, does not allow doubts about the success of the revolution, its uniqueness on the world stage, extols the personality of Lenin as a talented and great leader and theorist, and emphasizes the inevitability of the difficulties that the masses endured, especially that all those challenges were in the name of the great goals of the proletarian revolution.

Keywords: revolution, perceptions, social attitudes

For citation: Vershinina MA. Power and intellectuals in their attitude to the October Revolution of 1917. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;2:115-125. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-115-125

Введение

Большинство граждан имеют то представление об истории своей страны, которое сформировано в первую очередь системой воспитания и образования, СМИ, исторической литературой, музеями, памятниками. Исключение составляет, пожалуй, лишь ближайшее прошлое, участниками событий которого являлись или сам человек, или его ближайшее окружение, родственники. Именно названные институты и акторы формируют общепринятые представления о прошлом. Определить место Октябрьской рево-

люции 1917 г. во всемирно-историческом процессе, ее влияние на этот процесс, а также последствия и результаты на локальном уровне – конкретно для нашего государства пытались еще сто лет назад как историки, так и социологи.

Неофициальная литература о революции 1917 г.

Сборник «Из глубины» написан в 1918 г. представителями русской философии и деятелями культуры начала XX в., которые размышляют об истоках и перспективах русской революции, о месте в ней интеллигенции, духовных истоках общественной жизни. Особенный акцент сделан на вопросе будущей судьбы России.

В целом оценки носят негативный характер, его авторы демонстрируют упаднические настроения и состояние полного шока. Например, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Л. Франк с самых первых строк высказывают негодование и разочарование: «...с Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну. И многим начинает казаться, что единая и великая Россия была лишь призраком, что не было в ней подлинной реальности» [1 с. 51]; «...русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий» [1 с. 279]; «...если бы кто-нибудь предсказал еще несколько лет тому назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему. Самые мрачные пессимисты в своих предсказаниях никогда не шли так далеко, не доходили в своем воображении до той последней грани безнадежности, к которой нас привела судьба» [1 с. 301].

Многие авторы пишут о роли интеллигенции в произошедших событиях, пытаясь обозначить причины случившегося:

Нигде не говорят так часто и так много о нравственных вопросах, как в России... Русской интеллигенции была присуща склонность к постоянному морализированию. Но это морализирование было скорее умственным упражнением. Оно не закаляло воли, а расслабляло ее, создавая, с одной стороны, постоянные колебания и сомнения. Русскому интеллигенту всегда всего труднее было на что-нибудь решиться, и он чрезвычайно охотно обращается к подымающимся внутри него нравственным недоумениям [1 с. 199].

Одной из часто встречающихся идей является то, что на глазах авторов произошло величайшее потрясение нравственных устоев русского народа. Идеиные источники утопического сознания

русской интеллигенции лежат за пределами русской действительности, и, как пишет В.Н. Муравьев, «старая русская власть была гораздо ближе к народу, чем интеллигенция» [1 с. 223]. Ораторы – современники авторов «Из глубины» – призывают к культуре, европейской культуре, но не объясняют, а может, и сами не понимают, смысл данного понятия. Поэтому общество растеряно, дезориентировано, многие находятся в состоянии шока от случившихся перемен. «Мечтая об абсолютной правде, мы живем в ужасающей неправде» [1 с. 264], – пишет И.А. Покровский, негодующий о том, что русская интеллигенция того времени не могла ничему научить народ, ни дать народу рациональное обоснование для подчинения власти и закону. Но она могла сделать худшее. Она «могла в темные, невежественные массы бросить лозунги, которые способны были уничтожить даже то, что там еще оставалось, разнуздать самые низменные инстинкты и повести к разрушению самых последних, самых элементарных основ общежития. И она это сделала...» [1 с. 266].

Авторы «Из глубины» оценивают произошедшее как самоубийство великого народа. Рассматривают различные причины произошедших потрясений того общества: от самых популярных на тот момент идей о невежестве и некультурности русского народа до идей о роли интеллигенции и слабости старой власти. Однако среди безысходности и пессимизма некоторые высказывают мысли о том, как пережить сложившуюся ситуацию и сохранить общество: «...только любовь к своему общенародному достоянию, к своей культуре, к своему государству исцелит и всех нас, и Россию от безмерно тяжких испытаний» [1 с. 258].

Российские мыслители П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев, А.И. Солженицын предложили свои концепции революции, серьезные и глубокие.

П.А. Сорокин анализирует результаты войны и революции за восемь лет (1914–1922 гг.) в своей книге «Современное состояние России» 1922 г. Сорокин охватывает все важнейшие социологические «поля», влияющие на процесс изменений, и делает такие выводы: «...вся система социальных показателей на этот период есть период деградации, а то и подлинная катастрофа» [2 с. 23]. Заключительный вывод весьма категоричен: «Величайшими эпохами реакции в истории любого народа являются эпохи глубоких революций, а величайшими реакционерами – величайшие диктаторствующие революционеры» [2 с. 179]. Мысль, которая проходит через книгу П.А. Сорокина красной нитью, – категорическое отвержение революции. За пять лет автор теряет романтические иллюзии о революции и приходит к выводу: «Это лицо зверя, а не сверхчеловека, Антихриста, а не Бога, вампира, а не освободителя» [2 с. 176]. П.А. Сорокин в концентрированном виде на основе

социологического анализа выразил ту оценку революции 1917 г., которую в более эмоциональной форме давали в эти же годы писатели И. Бунин, В. Короленко, поэты В. Хлебников, М. Волошин, Н. Клюев, М. Цветаева и др.

«Кому же от большевиков стало лучше? Всем стало хуже и первым делом, нам же, народу», – пересказывает услышанное на улице И.А. Бунин в книге, состоящей из дневниковых записей, которые он вел в 1918 г. [3 с. 89]. Одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна [3 с. 126]. Бунин в своих воспоминаниях пишет: «...можно ли придумать более страшные контрасты: Тургенев и современная литература, годовщина тургеневского рождения – и годовщина так называемого большевизма, сделавшего родину Тургенева позором для всего человечества» [3 с. 285]. Дневниковые записи писателя не являются научными трудами, но они очень живо доносят до читателя настроения, переживаемые как самим И.А. Буниным, так и теми, кто оказался в таком же положении гонимой, уничтожаемой интеллигенции. Воспоминания писателя буквально погружают читающего в атмосферу хаоса, ужаса и отчаяния.

Н.А. Бердяев в своих работах, написанных практически в одно время с П.А. Сорокиным, приходит к схожему выводу. Бердяев исходит из консервативного понимания революции Ж. Де Местра:

Ему впервые удалось сказать что-то существенное о природе великой революции. Революция – сатанична. В ней действуют не люди, а высшие силы. Революционеры лишь кажутся активными, в действительности они пассивны, они лишь орудие неведомой силы. Но революции – не только сатаничны, они так же провиденциальны, они посылаются народам за их грехи, они есть искупление вины [1 с. 26].

Н.А. Бердяев видит идейную основу революции в исконной антибуржуазности и антигосударственности русского народа, у которого не было буржуазной и государственной идеологий. Созданное Бердяевым диалектическое мышление позволило увидеть в революции то, чего не видели ослепленные обидами и злобой его современники.

Еще один видный деятель – А.И. Солженицын – также писал о революции с негативной точки зрения. Он говорил не только о русской революции 1917 г., но и о французской, сравнивая их. А.И. Солженицын отмечает, что во Франции конца XVII в. остатки феодализма, сословности, крепостничества, произвола абсолютизма более велики и значительны, чем в России начала XX в., где реформы Александра II обеспечили экономический и социальный

подъем. Франция всем своим запущенным состоянием общества вгонялась в революцию, хотя это не означает, что спокойное развитие было исключено. Россия же своим развитием отходила от революционного пути. «Российская революция не только не облегчила развития страны, но катастрофически задержала и развратила его» [4 с. 172]. Для А.И. Солженицына обе революции есть разоженный вихрь, который постепенно, но неуклонно захватывает и уничтожает всех, кто этот вихрь готовил и содействовал ему [4 с. 171]. Солженицын считал, что революция неизбежно превосходит первоначальные задачи, благодаря инерции своего развития она превосходит границы, задаваемые ее начинателями: «Революция всегда есть пылающая болезнь и катастрофа» [4 с. 177].

Мы можем наблюдать по данным материалам, что представления о революции тех, кто пережил ее непосредственно, формировались из личного опыта и носили далеко не оптимистический характер, многие видели в происходящих событиях конец русской культуры и жизненного уклада и не могли прогнозировать положительные последствия произошедшего переворота, предположить возможные выходы из сложившейся ситуации.

Официальная литература о революции 1917 г.

В.И. Ленин в период с 1921 г. по март 1923 г. пытается осмыслить историческое место и результаты Октября. Для него революция – это «необычайное ускорение формационного перехода» [5 с. 21]. Однако он видит трудности и противоречия, связанные с победой революционного движения в культурно отсталой, не промышленной, а аграрной, непролетарской, крестьянской стране. Тем не менее он указывает: мировая война создала в России революционную ситуацию, многомиллионные массы были доведены до «полностью безвыходного положения», что и определило единственный выход для них – народную революцию, которая не ограничилась задачами буржуазно-демократическими, а идет дальше – к свержению власти капитала в одной стране и должна «продержаться» до победы над капиталом в других. В такой трактовке причиной революции выступают война и безысходное положение народа – что в дальнейшем легло в основание представлений масс о случившейся революции и причинах ее возникновения в русском обществе.

В своей работе 1923 г. «О нашей революции» Ленин пишет: «...своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее

развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз “крестьянской войны” с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал Маркс» [6 с. 380] – что подчеркивает уникальность революции 1917 г. в России.

Труд «О нашей революции» посвящен критике работы левого меньшевика Н. Суханова «Записки о революции». В.И. Ленин как бы вступает с ним в диалог, и тут четко прослеживается его уверенная позиция по поводу произошедших событий. Например, мы видим, что у вождя революции нет сомнений, тем более сожалений, о тех жертвах, что были отданы во имя его дела:

Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны? [6 с. 382].

Также В.И. Ленин не сомневается в верности выбранного для России пути:

Помнится, Наполеон писал: “On s’engage et puis... on voit”. В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или НЭП. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу [6 с. 382].

Итак, В.И. Ленин оценивал революцию 1917 г. как уникальное в мировом опыте явление и как необходимый для русского народа выход из сложившейся ситуации – война, загнивающий капитализм, гнет монополистов над остальным населением [7 с. 21].

В послереволюционное время при власти Советов взгляды на революцию приобрели иной оттенок, но утвердили и продолжили идеи В.И. Ленина. Наличие идеологии и жесткой цензуры не допускало негативного или критичного отношения к данному событию 1917 г., а также к участникам революционного движения. Значение Октября 1917 г. превозносилось непременно в хорошем свете как весьма значимое для дальнейшего благосостояния и развития страны.

В качестве примера «официальной» литературы того времени, восхваляющей революцию и ее результаты, приведем учебник «История ВКП(б). Краткий курс», составленный при личном участии И.В. Сталина и выпущенный в 1938 г. Данный курс активно внедрялся пропагандой в СССР и подлежал обязательному изучению на занятиях по истории партии, сыграв важную роль в популяризации официальной сталинской версии идеологии и истории.

Большевики в данном учебнике выступают благородными революционерами, восстающими против капиталистической войны. Учебник очень четко излагает ход исторических событий, уверенно раздавая положительные и отрицательные роли историческим персоналиям, подводя читателя в конце каждой главы к конкретным выводам (часто расписанным по пунктам, видимо, для лучшего запоминания).

Важные моменты, на которых составители учебника хотели сделать акцент, зачастую начинаются с одной и той же, повторяющейся фразы: «Ленин показал...», «история партии учит...», «съезд показал...», «партия есть...», «что было бы с партией, если бы Ленин...» [8 с. 165]. Они звучат весьма торжественно, призванные проникнуть не просто в разум читающего, но своей эмоциональной подачей воздействовать и на чувства.

Революция в данном курсе преподносится читателю как особая пролетарская революция, совершенно необходимая пролетариату и народу вообще. И без «революционной партии пролетариата, свободной от оппортунизма, непримиримой в отношении соглашателей и капитулянтов, революционной в отношении буржуазии и ее государственной власти» свершившиеся перемены были бы невозможны. Более того, революция 1917 г. и работы В.И. Ленина рассматриваются как обогащение марксистской теории новым опытом революционного решения.

Подчеркивается уникальность русской революции в ее идейной сущности по сравнению с другими, происходящими в мире, ответственной за это признается фигура Ленина:

...до второй русской революции (февраль 1917 г.) марксисты всех стран исходили из того, что парламентарная демократическая республика является наиболее целесообразной формой политической организации общества... Однако, русская революция 1905 г. и, особенно, революция в феврале 1917 г. выдвинула новую форму политической организации общества – Советы рабочих и крестьянских депутатов. На основании изучения опыта двух революций в России Ленин... в апреле 1917 г., в период перехода от буржуазной революции к социалистической, выдвинул лозунг организации республики Советов, как лучшей политической формы диктатуры пролетариата [8 с. 43].

«История ВКП(б)» – яркий пример того, как работала пропаганда через официальную литературу, искажая, приукрашивая исторические события, дезинформируя население. Дабы закрепить эффект, возникающий от прочтения данного учебника, в его финале приводится история из мифологии древних греков о сыне Посейдона – Антее, его мать Гея – богиня земли. Данная история повествуется И.В. Сталиным, он проводит аналогию между древнегреческим героем и большевиками: «Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми. В этом ключ непобедимости большевистского руководства» [8 с. 345]. Как видно из данного отрывка, большевики предстают в самой благородной роли, ведомые великими целями и талантливым В.И. Лениным, они совершают уникальную пролетарскую революцию, что становится отправной точкой становления новой жизни народа, сулящей процветание и благополучие.

Заключение

Единых подходов к оценке причин, сущности, значения Октябрьской революции 1917 г. нет, и это не удивительно, так как революционная ситуация в России в 1917 г. была вызвана целым комплексом причин как внутривластного, так и внешнеполитического характера, включающего в себя экономические и социальные аспекты.

Обзор и анализ литературы разных лет демонстрирует актуальность дальнейшего исследования широкого спектра проблем влияния русской революции на умы, дабы конкретизировать и углубить представления наших современников о феномене Октябрьской революции 1917 г. Проведенный анализ показывает, что социальное явление революции оценивается по-разному. Мы можем увидеть, как представители интеллигенции тех лет высказываются в отношении случившихся перемен в самых мрачных оттенках, их работы, статьи преисполнены отчаяния, пессимизма и горечи. Многие ученые, переживавшие данные события и анализирующие их спустя годы (многие уже будучи в эмиграции), не упускают из внимания те потери, испытания, которые переживал русский народ. Однако официальная литература советских лет, высказывающая позицию властвующих элит, не сомневается в успешности революции, в ее уникальности на мировой арене, превозносит личность Ленина как талантливого лидера и теоретика и подчеркивает неизбежность тех

трудностей, которые перенесли на себе народные массы, тем более что все эти испытания были во имя великих целей пролетарской революции.

Анализ исторических материалов показал, что восприятие революции в различные периоды обусловлено трактовками, преобладающими в конкретном социально-политическом контексте. Единых подходов к оценке причин и последствий Октябрьской революции 1917 г., самой ее сущности нет.

Мы видим, как разнятся оценки, данные интеллигенцией и властью Октябрьской революции 1917 г. Вынужденные покинуть страну писатели, философы пытались осмыслить произошедшие события, настигнувшие русский народ. Они пишут о случившемся как о страшной катастрофе, последней грани безысходности. Глядя на происходящее, интеллигенция делает вывод, что революция не обогатила развитие страны, а наоборот, задержала его.

Представители власти транслировали иную точку зрения: из сложившейся ситуации был один-единственный выход – народная революция. Свершившись, она стала отправной точкой становления новой жизни народа. Русская революция 1917 г. является уникальной по сравнению с другими, происходившими по миру в разные времена. Несогласные с подобной точкой зрения выдворялись из страны или были подвержены еще более жестоким наказаниям. Власть же создала новую советскую интеллигенцию, поддерживавшую транслируемые идеи и преумножавшую их.

Литература

1. Из глубины: Сборник статей о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.А. Булгаков и др. М.: Новости, 1991. 344 с.
2. *Сорокин П.А.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4–5. С. 170–214.
3. *Бунин И.А.* Окаянные дни. СПб.: Азбука, 2000. 320 с.
4. *Солженицын А.И.* Черты двух революций // Новый мир. 1993. № 12. С. 162–175.
5. *Колбановский В.В.* Революция и контрреволюция в России (К столетию Октября) // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 19–29.
6. *Ленин В.И.* О нашей революции // Ленин В.И. Полное собрание соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 378–382.
7. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. (Популярный очерк). М.: Политиздат, 1988. 125 с.
8. История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. М.: Писатель, 1997. 352 с.

References

1. From the depths: Collection of articles on the Russian revolution / SA. Askoldov, NA. Berdyaev, SA. Bulgakov et al. Moscow: Novosti Publ.; 1991. 344 p. (In Russ.)
2. Sorokin PA. The current state of Russia. *Novyi mir*. 1992;4-5:170-214. (In Russ.)
3. Bunin IA. Cursed days. Saint Petersburg: Azbuka Publ.; 2000. 320 p. (In Russ.)
4. Solzhenitsyn AI. Features of two revolutions. *Novyi mir*. 1993;12:162-75. (In Russ.)
5. Kolbanovsky VV. Revolution and Counter-Revolution in Russia (Towards the Centenary of October). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;1:19-29. (In Russ.)
6. Lenin VI. About our revolution. Lenin VI. *Collected works*. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Politizdat Publ.; 1970. P. 378-82. (In Russ.)
7. Lenin VI. Imperialism, as the highest stage of capitalism. (Popular essay). Moscow: Politizdat Publ.; 1988. 125 p.
8. History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course. Moscow: Pisatel' Publ.; 1997. 352 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Мария А. Вершинина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marieversh@gmail.com

Information about the author

Maria A. Vershinina, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; marieversh@gmail.com

УДК 7.01

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-126-135

Дисциплинарность и дискурсивность в искусствоведении: социопсихологические аспекты

Сергей Ю. Штейн

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
sergey@schtein.ru*

Аннотация: Несмотря на то что искусствоведение позиционируется как обособленная от иных областей гуманитарной науки дисциплинарная предметность, характер самого искусствоведческого знания является зачастую дискурсивным. Данное противоречие можно было бы не педалировать и списать на специфический характер дисциплинарной идентичности искусствоведения, если бы не ситуация необходимости репродукции научных кадров, которое традиционно происходит посредством образовательной институционализации: задаваемая методологическая «рамка» академической работы, являющаяся общей логической схемой для любой научной дисциплины, входит в конфликт со спецификой искусствоведения, оказывающегося с ее точки зрения ничем иным как специфическим дискурсом. Не пытаясь разрешить данное противоречие, на основе накопленного эмпирического материала, связанного с преподаванием студентам-искусствоведам дисциплин «Академическая работа» и «Методика написания научного текста», делается описание тех социопсихологических микроконфликтов и проблем, с которыми сталкиваются начинающие исследователи искусства, оказываясь в данной ситуации, и в которых вынуждены существовать уже институционализованные искусствоведы. Осознание данных проблем поможет еще только включающимся в искусствоведение понять дисциплинарную специфику науки об искусстве, а уже сложившимся искусствоведам – отрефлексировать свое реальное место в ее структуре.

Ключевые слова: искусствоведение, методология искусствоведения, дисциплинарность, дискурсивность, науковедение, образование, академическая работа, деятельностный подход

Для цитирования: Штейн С.Ю. Дисциплинарность и дискурсивность в искусствоведении: социопсихологические аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 126–135. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-126-135

Disciplinary and discursivity in art studies: socio-psychological aspects

Sergey Yu. Schtein
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sergey@schtein.ru*

Abstract. Despite the fact that art studies is positioned as a disciplinary objection isolated from other areas of the humanities, the nature of art studies itself is often discursive. This contradiction could not be emphasized and attributed to the specific nature of the disciplinary identity of art history, if it were not for the situation of the need for the reproduction of researchers, which traditionally occurs through educational institutionalization: the specified methodological “frame” of academic work, which is the general logical scheme for any scientific discipline, is embedded in the conflict with the specifics of art studies, which from their own point of view is nothing more than a specific discourse. Without trying to resolve this contradiction, with appeal to the accumulated empirical material related to the teaching of art students to the disciplines “Academic Work” and “Methods for Writing a Scientific Text”, I make description of the socio-psychological micro-conflicts and problems that novice art researchers encounter in situations in which already institutionalized art historians are forced to exist. Awareness of these problems will only help those involved in art studies to understand the disciplinary specificity of the art studies, and established art researches can reflect on their real place in its structure.

Keywords: art studies, methodology of art studies, disciplinary, discursivity, science studies, education, academic work, activity approach

For citation: Schtein SYu. Disciplinary and discursivity in art studies: socio-psychological aspects. RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series. 2019;2:126-135. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-126-135

Существование любого добровольного человеческого сообщества обусловлено целым рядом взаимосвязанных причин, главной из которых является функциональность образуемого единства – невозможность получения некоего результата вне данного объединения. Как это не покажется странным, но для любой научной дисциплины, безотносительно какой именно – естественнонаучной, социальной, гуманитарной, таким основным продуктивным результатом является не столько получение знания в отношении соответствующей конкретной дисциплине предметной области (оно может возникать и вне границ дисциплинарного сообщества), сколько утверждение и закрепление данного знания в актуальный момент времени в качестве заместительного в отношении конкретного наличествующего и несение за это утверждение (а следовательно – и за знание) определенной социальной ответственности [1 с. 244–245].

В связи с этим возникает серьезная проблема, обусловленная тем, что в условиях любого дисциплинарного сообщества реально только какая-то незначительная часть его занимается непосредственно знанием – проблематизацией имеющегося, поиском путей его оптимизации и его приращением, тогда как основная масса институализированных субъектов научной дисциплины осуществляет по отношению к познавательной принципиально иные, причем не менее важные – организационные, охранительные и образовательные функции. Однако это приводит к тому, что для тех, кто обслуживает дисциплинарное знание, оно оказывается не живым рабочим материалом для научно-исследовательской деятельности, а субстанцией – единственно возможной данностью, любая трансформация которой воспринимается как потенциальный подрыв самих основ конкретной дисциплинарной идентичности.

Еще одна проблема непосредственно вытекает из предыдущей, и связана она с прямой или косвенной симуляцией теми, кто обслуживает дисциплинарное знание, научно исследовательской деятельности, что в том числе связано с социальным запросом к ним на такого рода деятельность активную (при этом совершенно не важно осознается ли самими субъектами эта их активность как симуляция). В случае с прямой симуляцией мы сталкиваемся с продуцированием «пустого знания» – информации, не содержащей в себе уникальных компонентов, которые могли бы быть вписаны в знаниевую сетку соответствующей дисциплинарной предметности. В случае с косвенной симуляцией – знания исходно дискурсивного – обусловленного субъективно-мотивированным, либо субъективно-произвольным специфическим концептуальным взглядом на что-то конкретное, лежащее в предметной области, соответствующей данной дисциплинарной предметности («А давайте посмотрим на наш предмет с точки зрения

гинекологии?..»). При этом и то и другое потенциально формирует внутри дисциплины специфический дискурс или даже дискурсы, связанные уже не с дисциплинарной идентичностью, а по сути с индивидуализированной точкой зрения и частным интересом, притягивающими к себе либо тех, кому близки эти взгляды, либо тех, кто просто-напросто институционально зависят от порождающих такого рода «пустое знание» субъектов. Все это обуславливает формирование такой ситуации, что в естественно-научных дисциплинах происходит стагнация знания – противостояние всему тому новому, что не укладывается в существующее на актуальный момент представление тех, кто к знанию не имеет непосредственного отношения, а в гуманитарных дисциплинах и в частности в искусствоведении к фактической потере знанием дисциплинарного статуса и превращения дисциплинарного сообщества в специфический псевдодисциплинарный дискурс, с которого, по сути, и начинается жизнь любой дисциплины.

Для того, чтобы, с одной стороны, проявить дискурсивный характер искусствоведческого сообщества, а с другой – обосновать социопсихологическую подоплеку, лежащую в основе данного утверждения, приведем всего лишь один, но, наверное, самый показательный пример, связанный с рассмотрением череды взаимосвязанных микроконфликтов, возникающих между а) студентом-искусствоведом, б) преподавателем дисциплины «Академическая работа» (или, по сути, ее аналогов, имеющих иные названия: «Методика написания научного текста», «Основы академической культуры» и т. п.), а также с) преподавателем-предметником (искусствоведом). Эмпирической базой для выявления данных микроконфликтов послужил непосредственный опыт автора данной работы, связанный с преподаванием рассматриваемых дисциплин студентам-искусствоведам (бакалаврам и магистрантам) на факультете истории искусства Российского государственного гуманитарного университета с 2013 г. по настоящее время.

Если рассматривать «Академическую работу» как учебную дисциплину, посвященную «принципам нормирования научно-исследовательской деятельности и выражению ее результатов в условиях определенной дисциплинарной предметности» [2 с. 94], то очевидным оказывается два основных момента:

- 1) данной дисциплиной задается общая «рамка» деятельности, которая характеризуется как академическая, которая независима от условностей ее реализации в условиях той или иной конкретной дисциплинарной предметности и которая в таком качестве является универсальной;

- 2) в то же время в качестве практического применения заданной «рамки» деятельности рассматривается ее «наложение» на научно-исследовательскую работу, реализуемую в условиях конкретной дисциплинарной предметности, что связано с появлением уникального исходного материала, полагаемого в соответствующую данной дисциплине предметную область.

Такое понимание дисциплины «Академическая работа» подразумевает, что ее преподаватель не только должен являться методологом, под которым в данном случае подразумевается тот, кто занимается нормированием деятельности (здесь, главным образом – научно-исследовательской), но и тем, кто, если и не включен в конкретную дисциплинарную предметность, то в достаточном объеме осведомлен о ее материале. Ведь в противном случае он не сможет адекватно объяснить ее применение в условиях данной конкретной дисциплины.

Поэтому только обозначим, но подробно не будем разбирать условно нулевой микроконфликт, связанный с тем, что «рамка» академической нормы в условиях «Академической работы» может задаваться безотносительно конкретной дисциплинарной предметности, что зачастую и случается, когда преподавание данной дисциплины осуществляется «потоково», т. е. всем без разбору, и преподаватель просто-напросто не имеет возможности конкретизировать использование «рамки» академической нормы в отношении частного материала, либо, если преподаватель курса вообще не адекватен предъявляемому требованию к преподаванию данной дисциплины (например, что зачастую и происходит, когда данный курс ведет преподаватель-«философ»).

Основных же микроконфликтов в рассматриваемом контексте может быть выделено четыре.

Первый микроконфликт: «рамка» академической нормы и реальность искусствоведческого знания.

Основными проблемными ситуациями в условиях дисциплинарной предметности являются отсутствие или фрагментарность знания, наличествующего в знаниевой сетке, соответствующей предметной области дисциплинарной предметности, противоречивость или же неадекватность этого знания, а также все то, что связано с теми средствами, подходами и методами, которые магистрально используются в условиях данной дисциплины, но которые по тем или иным причинам оказываются не функциональными или же ограниченно функциональными по отношению к исследуемому.

Академическая норма ведения научно-исследовательской деятельности, будучи обусловлена необходимостью решения этих

проблем, связана с последовательной реализацией семи основных этапов:

- 1) фокусирующего, на котором осуществляется фокусировка исследователя на предполагаемом сегменте предметной области, либо уже на конкретном предмете исследования;
- 2) эмпирического, обусловленного необходимостью получения непосредственной информации о предмете исследования;
- 3) кумулятивного, направленного на сбор всех тех знаниевых представлений в отношении исследуемого, которые наличествуют в знаниевой сетке, соответствующей той дисциплинарной предметности, в условиях которой реализуется познавательная активность, а также, при необходимости, и в отношении того, что наличествует в знании, продуцируемого смежными дисциплинами;
- 4) генеративного, на котором, собственно, и выявляется конкретная исследовательская проблема, которая требует разрешения;
- 5) верификационного, утверждающего как само наличие выявленной проблемы, так и возможность ее решения в реалиях конкретной ситуации, в которой находится исследователь;
- 6) содержательного, на котором реализуется решение проблемы;
- 7) этапа формального выражения, связанного с актуализацией результатов проведенного исследования в той или иной конкретной форме – доклада, статьи, монографии, квалификационной работы.

В связи с двойственным характером искусствоведческого знания – порой неотличимости академизма от дискурсивности, реализация данного алгоритма как единственного условия для научно-исследовательской деятельности оказывается, если и не полностью невозможна, то по крайней мере чрезвычайно ограничена. В то же время, задавая данную норму, одна часть искусствоведческого знания противопоставляется другой его части, что приводит к проблематизации самого искусствоведения именно как дисциплинарной предметности, а не просто одного из специфических дискурсов, что, конечно же, не входит в задачу дисциплины «Академическая работа», но в то же время невольно подрывает саму дисциплинарную идентичность искусствоведения.

Второй микроконфликт: «рамка» академической нормы и ожидания обучающихся.

Несмотря на то что включение в любую деятельность через образование подразумевает то, что обучающийся осознает, что он получает некую индульгенцию на реализацию конкретной функции или

функций в какой-то конкретной деятельности или даже в различных видах деятельности, у будущих искусствоведов на входе, как правило, наличествует не совсем адекватное представление о их будущей профессиональной деятельности. Зачастую люди идут изучать искусство, либо искусство вообще, а изучение искусства воспринимается как «приобщение к прекрасному». В то же время в изучении искусства существует определенная прагматика, связанная с необходимостью получения не просто какого-то набора самых общих знаний об искусстве, а определенной «суммы знаний», а также выполнения ряда квалификационных работ (курсовых, дипломных, диссертационных), которыми они и институализируются в качестве субъектов дисциплинарной предметности «искусствоведение». Поэтому, если в рамках чисто искусствоведческих дисциплин обучающиеся получают как чаемые, так и не совсем ожидаемые знания об искусстве, что по сути есть кумулятивная часть образования, то «Академическая работа» задает «рамку» одного из возможных видов деятельности, который может быть реализован будущим искусствоведам – научно-исследовательской. Но рациональность этой рамки зачастую воспринимается обучающимися как насилие. И в то же время довлеющий – дискурсивный характер искусствоведческого знания, с которым постоянно сталкиваются обучающиеся, указывает им на то, что возможен и принципиально иной – не академический подход к изучению искусства.

Третий микроконфликт: «рамка» академической нормы и неприятие ее научным руководителем обучающегося.

Преподаватель «Академической работы», задавая «рамку» научно-исследовательской деятельности, связанную с принципами академизма, дидактически обслуживает обучающегося, который в условиях образовательного процесса должен реализовать по крайней мере один полноценный цикл этой деятельности (ведь в противном случае курсовая, дипломная, диссертационная работа будет иметь либо реферативный характер, либо дискурсивно-публицистический). Предполагая понимание этого обучающимся и принятие им задаваемой нормы, в которую он начинает укладывать как алгоритм своей работы, соответствующий алгоритму научно-исследовательской деятельности, так и результаты ее реализации, при наличии научного руководителя – предметника, который, будучи дискурсивным искусствоведам, либо не принимает академической «рамки» деятельности, либо просто-напросто сам ею не владеет, мы видим потенциально возникающее очень неприятное во многих отношениях противоречие. Во-первых, на уровне самого обучающегося происходит противопоставление двух педагогов – «академиста» и предметника.

Во-вторых, возникает противостояние самих этих педагогов, предъявляющих обучающемуся зачастую диаметрально противоположные требования. И, наконец, в-третьих, в случае принятия обучающимся одной из позиций – его столкновение с тем, что он отвергает (если неприемлемой оказывается позиция предметника, то под вопросом оказывается сама возможность дисциплинарной институционализации обучающегося, ведь именно от предметника, выступающего в роли научного руководителя, во многом зависит итоговая оценка реализованной научно-исследовательской работы в том или ином квалификационном формате).

Четвертый микроконфликт: «рамка» академической нормы и ожидание научным руководителем задания в условиях дисциплины «Академическая работа» «нормы» конкретного дискурса.

Данный конфликт, по сути, является спецификацией предыдущего конфликта и связан с тем, что искусствовед-предметник, в случае если он является дискурсивным искусствоведем, находясь в доминирующей по отношению к преподавателю «Академической работы» позиции, связанной, например, с тем, что он является руководителем реализуемой образовательной программы или заведующим выпускающей кафедрой, формирует к «академисту» изначальный запрос на задание не того, что является «рамкой» научно-исследовательской деятельности, связанной с принципами академизма, а с тем, что соответствует его частному, основанному на собственном дискурсивном опыте, представлению о том, как должна вестись научно-исследовательская работа. И в этой ситуации, если у «академиста» нет возможности противостоять предметнику-заказчику, он вынужден либо вообще отказаться от преподавания, либо поступиться самими принципами академизма, подстраиваясь под задаваемые предметником условия конкретного, поддерживаемого им, дискурса.

При этом ряд перечисленных микроконфликтов может быть разрешен на уровне личности преподавателя дисциплины «Академическая работа», который, реализуя переход от натуралистического к деятельностному подходу к познанию, то есть от познания «чего-то» к познанию самой познавательной активности в отношении этого «чего-то» [3,4 с. 7–9], включает обучающихся в понимание двойственности искусствоведческого знания, в котором дисциплинарность соседствует с дискурсивностью. При этом педагог ни в коем случае не должен проблематизировать данную ситуацию! Но фиксировать исключительно как непроблематизируемую данность, в условиях которой, благодаря этому пониманию, будущий искусствовед, осознавая невозможность иного существования в дисциплинарном сообществе искусствоведов, может уже само-

стоятельно и осознанно выбрать для себя ту или иную позицию. Ну, или отказаться от этого выбора и тогда, либо следовать энтропии, формируемой случайностью тех знаний, которые он уже имеет и продолжает получать от педагогов-предметников, оказываясь в том или ином дискурсивном сегменте искусствovedения, либо вообще отказаться от институционализации в качестве искусствоведа (учитывая, что без институционализации нельзя быть искусствоведем, но только занимать некую маргинальную позицию по отношению к существующему искусствovedческому сообществу, то этот вариант в данной ситуации не является продуктивным).

В принципе, часть описанных микроконфликтов может разрешаться и самим обучающимся, который преодолевая имеющиеся знаниевые установки, а также социопсихологический фактор, связанный с пиететом в отношении педагогов, самостоятельно разводит академизм и дискурсивность – либо осознавая эту двойственность в качестве данности, характеризующей дисциплинарную идентичность актуального искусствovedения, либо принимая одну из позиций, а в отношении не принятого – когда это необходимо просто-напросто мимикрируя под принявшего противный для себя взгляд.

И, конечно же, все эти микроконфликты могут быть преодолены при участии искусствovedов-предметников, при условии осознания ими как самих основ дисциплинарности (среди которых – принципиальная вариативность знания в условиях дисциплинарной предметности вне единой формы рациональности и парадигмальной составляющей, а также утверждение временности любого знания, как соответствующего актуальному моменту и возможности его замещения иным, более адекватным знанием, при условии его появления), так и ключевых аспектов дисциплинарной идентичности искусствovedения.

Если же продолжать выявлять дискурсивный характер искусствovedческого сообщества и обосновывать социопсихологическую подоплеку этого, то отдельно надо будет подробно разбирать огромный пласт квалификационных работ и в то же время – анализировать характер и качество цитируемой литературы в работах, которые по формальным признакам попадают под «гриф» научные тексты (здесь имеется в виду и необоснованное самоцитирование, и «кумовское» цитирование – своих коллег, и «запрашиваемое» цитирование – тех, кого требуют те или иные административно-командные и дискурсивные установки), а также тематику и качество докладов на научных конференциях, проводимых на самых разных уровнях (международных и региональных). Причем делать это не только на отечественном, но и на зарубежном материале, где

дискурсивный характер искусствоведческого знания проявляется еще в больших масштабах, при этом даже принимается как позитивная данность и, конечно, не проблематизируется (что делается нами) как дисциплинарная слабость искусствоведческой науки.

Литература

1. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. 256 с.
2. Штейн С.Ю. Академическая работа как учебная дисциплина // *Артикульт*. 2015. 20(4). С. 90–96.
3. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейтельного подходов // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., Шк.Культ.Полит., 1995. С. 143–154.
4. Штейн С.Ю. Перманентная рефлексивно-методологическая работа в условиях искусствоведения // *Артикульт*. 2017. 26(2). С. 6–26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6-26

References

1. Ogurcov AP. *Disciplinary structure of science: genesis and justification*. Moscow: Nauka Publ.; 1988. 256 p. (In Russ.)
2. Schtein SYu. “Academic work” as an educational discipline. *Art&Cult*. 2015;4:90-96. (In Russ.)
3. Shchedrovitsky GP. The methodological meaning of the opposition of the naturalistic and the activity-system approaches. V: Shchedrovitsky GP. *Selected works*. Moscow: Shkola kul'turnoi politiki Publ.; 1995. P. 143-54. (In Russ.)
4. Schtein SYu. Permanent reflexive-methodological work in the conditions of art studies. *Art&Cult*. 2017;2:6-26. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-2-6-26. (In Russ.)

Информация об авторе

Сергей Ю. Штейн, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey@schtein.ru

Information about the author

Sergey Yu. Schtein, Cand. of Sci. (Art Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; sergey@schtein.ru

Скульптор Владимир Цигаль. Пространство войны

Ирина Н. Седова

*Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия,
ira-sedova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема художественного осмысления войны как глобальной катастрофы в творчестве одного из крупнейших отечественных скульпторов-монументалистов XX в. Владимира Ефимовича Цигалья. В.Е. Цигаль ушел добровольцем на фронт. С 1942 по 1944 г. он был фронтовым художником на Черноморском флоте, участвуя в боевых операциях и десантах на Малую Землю, в Новороссийск и Керчь. Изначально скульптор закономерно включается в грандиозную программу увековечения героев и жертв Великой Отечественной войны. Он создает знаменитый мемориальный комплекс на Малой Земле, мемориальный комплекс – памятник жертвам фашизма и памятник Дмитрию Карбышеву в Маутхаузене. Однако спустя годы чудовищные прозрения об истинном характере всего произошедшего с ним, с его товарищами, со страной заставляют художника изменить взгляд на прошлое. Это пространство войны как антиидеи всего человеческого реализовалось в камерном творчестве В.Е. Цигалья: в скульптурных рельефах, графических работах и эпистолярном наследии мастера. Таким образом, анализируя творчество скульптора, представляется возможным проследить вектор внутренней метаморфозы в осмыслении войны как сложного комплекса переживаний художника.

Ключевые слова: Владимир Цигаль, война, пространство, победитель, Малая земля, мифосистема, смерть, рельеф, скульптор

Для цитирования: Седова И.Н. Скульптор Владимир Цигаль. Пространство войны // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 136-144. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-136-144

Sculptor Vladimir Tsigal. The space of the war

Irina N. Sedova

State Tretyakov Gallery, Moscow, Russia, ira-sedova@mail.ru

Abstract. The article deals with the artistic understanding of the war as a global catastrophe in the work of a leading Russian sculptor-monumentalist of the 20th century Vladimir Efimovich Tsigal. V.E. Tsigal volunteered for the front. From 1942 to 1944, he was a front-line artist in the Black sea fleet, participating in combat operations and landings upon Malaya Zemlya, Novorossiysk and Kerch. Initially, the sculptor expectedly takes part in the Grandiose program on perpetuation of the heroes and victims of the Great Patriotic war. He creates a famous memorial complex on Malaya Zemlya, also the memorial complex-a monument to the victims of fascism and a monument to Dmitry Karbyshev in Mauthausen. However, years later, terrible insights about the true nature of what happened to him, to his comrades, to the country, make the artist change his view of the past. That space of war as the anti-idea of all human was realized in the chamber art of V.E. Tsigal: in sculptural reliefs, graphic works and epistolary heritage of the master. Thus, analyzing the work of the sculptor, it is possible to trace the vector of inner metamorphosis in the understanding of war as the artist's complex set of experiences.

Keywords: Vladimir Tsigal, war, space, winner, Malaya Zemlya, myth system, death, relief, sculptor

For citation: Sedova IN. Sculptor Vladimir Tsigal. The space of the war. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;2:136-144. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-136-144

Скульптор Владимир Ефимович Цигаль является одним из крупнейших монументалистов XX в. Он известен прежде всего своим знаменитым на весь мир мемориальным комплексом на Малой Земле, который был закончен в 1982 г. и работа над которым заняла целых десять лет. Памятник состоит из трех частей, которые символизируют постепенно разворачивающиеся во времени события. Первая часть – памятник «Морякам революции», расположенный на юго-западе в 12 км от центра города, сооруженный в память о трагедии затопления Черноморского флота в 1918 г. Вторая – «Рубеж обороны», находящийся в глубине бухты, в месте, где было остановлено наступление фашистских войск и где ныне висится массивная сорокаметровая балка-стела, обозначающая боевой рубеж. Третий элемент и кульминация комплекса – мемориал «Малая Земля», созданный в виде словно вырастающего

из моря носа десантного судна. Он представляет собой наклонную треугольную арку высотой 22 м. Как справедливо отмечает И. Васильев, «право на участие в создании мемориала было глубоко оправдано биографией скульптора» [1]. Когда началась война, Владимир Цигаль учился в Художественном институте им. Сурикова. Студенты-пятикурсники, среди которых был и он, рвались на фронт. Сбежав в Москву из Самарканда, куда в годы войны был эвакуирован Суриковский институт, они Центральным комитетом комсомола были направлены на Черноморский флот для организации наглядной агитации [2 с. 11]. С 1942 по 1944 г. В.Е. Цигаль был фронтовым художником на Черноморском флоте, участвовал в боевых операциях и десантах на Малую Землю, в Новороссийск и Керчь. Пережитое во время войны глубоко запечатлелось в его сознании.

Скульптор закономерно включается в грандиозную программу увековечения героев и жертв Великой Отечественной войны. В 1957 г. появился на свет спроектированный В.Е. Цигалем мемориальный комплекс – памятник жертвам фашизма в Маутхаузене. В процессе работы скульптор создал три варианта мемориала, и каждый из них был утвержден художественным советом. Но Цигаль был недоволен результатами выполненной работы и продолжал искать образ, наиболее сильно и глубоко выражавший боль и страдания заключенных в концлагерях. Им наконец было найдено подлинно выразительное решение – мотив траурного шествия, достаточно традиционный для мемориальной пластики. Однако в проекте Цигалья он приобрел драматическое значение образа последнего пути, в который отправились обреченные на смерть. Темп-оритм, задаваемый двумя рельефами, расположенными с двух сторон от центральной композиции, создает соответствующее настроение у зрителя. Люди словно движутся на некую церемонию прощания, в центре которой располагается являющаяся доминантой комплекса композиция из двух фигур – воина, прикрывающего собой хрупкую девочку.

И конечно же, одним из выдающихся произведений монументальной скульптуры стал памятник генерал-лейтенанту, Герою Советского Союза Д.М. Карбышеву, жестоко замученному фашистами. Над ним скульптор работал в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Монумент установлен там же, где и памятник жертвам фашизма, в бывшем немецком концлагере «Маутхаузен».

Однако помимо монументальных работ В.Е. Цигалья, посвященных увековечиванию памяти о войне, есть его личное интимное творческое пространство, о котором известно мало, но которое занимает все его художническое сознание, становясь буквально лейтмотивом не просто зрелого периода творчества, но всех его

мыслей, да и самого существования в целом. Это пространство войны как беспощадной идеи, даже скорее антиидеи всего человеческого. Чудовищные прозрения об истинном характере всего произошедшего с ним, с его товарищами, со страной, наконец, буквально взрывают его сознание, заставляя изменить взгляд на прошлое. «Интенция творческого сознания как особого рода “намерение”, “направленность” обладает сугубо индивидуальными свойствами. Благодаря особой интенции своего таланта каждый художник отзывчив к одним темам и безразличен к другим...» [3 с. 5] – тонко подмечает в своей статье О.А. Кривцун. Пропуская глобальную катастрофу «война–смерть» через себя, Цигаль-художник словно становится проводником, многократно усиливающим эмоциональный заряд каждого из создаваемых образов, сакрализуя их и возвышая до всеохватного символа. Наиболее зримо эти интенции проявились в его камерном творчестве – графических опусах, скульптурных рельефах и эпистолярном наследии.

Символ безвинной жертвы, которым стал для В. Цигалья образ Анны Франк, бесконечно волновал скульптора, он возвращался к нему снова и снова – в стихах, рисунках, скульптуре¹. Под одним из таких графических листов Цигаль оставил подпись: «Удивительно, но вся огромность войны как-то уместилась между строчек дневника в ученической тетрадке Анны Франк» [4 с. 329]. Изобразив детскую фигурку с прижатым к груди дневником, скульптор создал потрясающий своей глубиной монументальный образ мировой скорби. На рисунках от девочки разлетаются листки дневника, словно голуби, уносящиеся в вечность.

Художник терзается мыслями о смысле и неизбежности жертв, о том, почему одним на войне уготована смерть, а другим повезло выжить [5 с. 15]. Попытки поиска ответа на этот вопрос приводят автора к заключению, что разум, совершенствуя оружие, доводит человека до саморазрушения. Он изображает борьбу двух римлян, двух соотечественников. Один из них держит в руках собственную отрубленную голову, где на лице такое выражение ужаса, будто голова, только будучи отрубленной, осознала, что натворило тело, т. е. человек. Под рисунком снова подпись автора:

Они терзают, режут, кромсают Мечами друг друга... Теперь не мечи зазубренные, а Автоматы! Самолеты! Танки! Ракеты! И не одного, а сразу – Сотни! Тысячи! Миллионы!.. А то и единым махом – всех! [4 с. 304].

¹ Анна Франк. 1969, бронза. В. 71. ГТГ, Инв. СКС-1369; Анна Франк. Рельеф. 1997, бронза, деревянная рама. 50,5x33,5x1,5. ГТГ, П. 87575 СКС-3265 [5 с. 19]; Архив семьи Цигалей.

Этот образ впоследствии будет переведен автором в рельеф.

И образ Анны Франк, и образ убивающих друг друга римлян становятся символами вселенского мирового страдания. В.Е. Цигаль создает универсальные знаки, призванные не только визуально воспроизвести весь ужас человеческого страдания от войн, влекущих за собой страх, смерть, лишения, но изблечить тех, кто в этом повинен. Он не показывает их, никак не обозначает. Он верен принципу, согласно которому ваяние не запечатлевает отрицательных образов и горе. Но художник в своих творениях демонстрирует результат этой разрушительной работы. То настроение скорби, тоски, страдания, безысходности, ужаса, которое разлито в его работах, лучше, чем любое прямое изображение виновных, передает всю бесчеловечность их идей.

Создавая свою символику войны, Цигаль невольно формирует и свое авторское мифологическое пространство войны.

В XX веке наука об искусстве превращает миф в объект постоянного внимания. И это – интерес к явлениям современного сознания, а не к тому, что реальной истории не существует. Касаясь убеждения, согласно которому миф был преодолен по мере открытия истории и утверждения исторического мышления, М. Элиаде замечает, что вряд ли можно считать мифологическое мышление бесследно угасшим. Больше того, можно утверждать, что оно выжило и сохранилось [6 с. 87].

Образы-символы В. Цигалья как нельзя более убедительно иллюстрируют высказанную Элиаде мысль. Сегодня в художественной культуре ситуация такова, что мастер, выражая вечное через частное, способен создавать собственную мифосистему, т. е. обращение к конкретному мифу становится необязательным. Тем не менее это не делает разговор о мифологическом мышлении менее актуальным. Пережив войну как историческое событие, скульптор, не обращаясь к мифу напрямую, включает мифологическую форму осознания мира, интуитивно воплощая ее в художественных метафорах войны.

Одним из самых мощных образов-символов в творчестве В.Е. Цигалья, основным лейтмотивом, связанным с войной, становится образ Победителя, вокруг которого разворачивается одна большая история, представленная в скульптуре, графике и эпистолярном наследии мастера. Характерно, что Победитель никогда не трактуется автором в положительном ключе, а в качестве метафоры определяет те или иные трансформации образа. То он вырастает до образа Карателя – где гладиатор в порыве гнева мстит тем, кто придумал и наслаждается убийством, разрушая сам оплот духовного и душевного разврата – арену, которая собирает алчущих крови.

Подпись под рисунком гласит: «Я вижу Победителя. Он зарубил своих друзей – гладиаторов и, окровавленный, возносится все выше и выше. Он рушит мечом этот адский котел, где бурлят страсти, гибнут надежды, где жизни и судьбы людские отданы на утеху коварству и разврату» [4 с. 322]. Мощь и стихию разрушения, как основного лейтмотива, рождает само композиционное решение. Рука гладиатора, его меч, гнущиеся от ветра деревья – все имеет однонаправленный вектор, словно заданный зарядом силы самого героя. Это могучее движение становится всеразрушающим. И уже сам Колизей дал трещину и готов обрушиться. Сила, совершившая убийство собратьев, превращается во всепокрушающую силу возмездия.

Победитель воплощается и в образе солдата с лицом, подобным обугленному черепу. Он безумен, он без разбора убивает: «Голова вопит: “Солдат! Куда прешь?” – Не знаю. Я потерял голову. Я ничего не вижу. Не слышу. Но я – герой! Я победил!» [4 с. 305]. Для В. Цигалья Победитель становится эквивалентен разрушителю глобального миропорядка. Это навязчивый символ беды и страданий. Безногие, покалеченные, спивающиеся, на инвалидных тележках, эти образы то и дело возникают в творчестве автора. В 1990 г. скульптор одновременно создает рисунок и скульптурный рельеф под названием «Победитель», где уже открыто декларирует свое отношение к войне как явлению. Инвалид без ноги с костылем, где костыль помещен на первый план, становясь центральной фигурой всей композиции. Он заслоняет собой персонажа – человека, словно его уже и не существует, он мертв душевно, он никому не нужен. Так, описывая послевоенную встречу с друзьями-малоземельцами, Цигаль приводит сравнение: «Вместо боевого автомата костыль или палка» [7 с. 60]. И действительно, для многих тогда, после окончания войны их телесная ущербность в сравнении с проявленным в боях героизмом стала причиной неизбежного горя.

Брошенные, полузабытые прежние герои словно ведут за собой глубокую трагическую тему в творчестве В. Цигалья, тему востребованности и ненужности подвига. У него есть страшный рисунок, где изображен падающий с пьедестала памятник солдату с валяющейся на земле головой, а на ее месте торчит штырь и кружит воронье. Знал ли скульптор, что провидел ревизию подвига и жертв Великой Отечественной войны в наши годы, творящуюся в сопредельных и дальних государствах, когда создавал этот рисунок?

Эти сложные творческие интенции В.Е. Цигалья относятся к 1990-м годам. Однако в 1981 г. он опубликовал рассказ «Мы ветераны», который позднее был переработан и издан под другим названием – «Мои друзья – малоземельцы», где описан так называемый большой сюрприз, который готовился специально для оставшихся в живых ветеранов, защищавших Малую Землю. Предполагалось

инсценировать ту самую историческую высадку десанта. В солнечный день на берегу моря в городе-герое Новороссийске собралось огромное количество празднично одетых людей, ветераны у стелы в радостном возбуждении ожидали торжественного митинга. И в эту свеглую жизнеутверждающую картину легкой тенью вторгается образ «Победителя»: «Я заряжаю свой “Зоркий”. Рядом... солдаты, сверкающие орденами и медалями. Кто с костью или клокой, кто прикрывает себе лысину носовым платочком с четырьмя узелками, чтобы не хватил солнечный удар. Все галдят, толкаются, вспоминают, как было тогда, указывают, где высаживались, шутят, и, теперь уж по-стариковски балагурят с “девушками”» [8 с. 44]. Автор словно вскользь рисует среди солнца и всеобщей радости картину не слишком солнечного и радостного образа тех, кто здесь воевал. То, что произошло дальше, способно вызвать неподдельный ужас:

Вдруг раздался треск, выстрелы, в небо взвилась ракета, и я увидел, как высоко кверху полетели обломки взорванного катера. Десант начался. К берегу с разных сторон шли боевые корабли. Вот подорвался другой катер. Матросы с автоматами из воды выбегают к причалу. С берега бьют пушки по кораблям. В небе видны разрывы снарядов. И вдруг слышу: «Не надо! Перестаньте! Хватит! Что вы делаете?» [8 с. 44].

У людей, прошедших ужас войны, воспоминания о ней, даже спустя столько лет, оказались столь сильны, что они не в силах были переживать это снова.

Образ дороги, уходящей в бесконечность, – один из изблюбленных в отечественном искусстве. У Владимира Цигалю он наполнен особым рода трагедийностью, рождая состояние холодящего душу страха. Ноги, только что соскочившие с постамента, виднеющегося на заднем плане, идут прямо на зрителя. Они не покидают этот бранный мир, чтобы раствориться в неизвестности, наоборот, становятся все явственней и отчетливей, вторгаясь в жизнь каждого, кто их видит. И уже сложно забыть эту картинку, а при воспоминании о ней невольно содрогаешься.

Все рисунки, рельефы и большинство произведений эпистолярного жанра, о которых здесь идет речь, созданы В.Е. Цигалем в конце 1980-х – 1990-е годы. В его произведениях этого периода происходит мощная репрезентация некоего «страшного», обусловленная пережитым в военные годы. Визуализирована она, по определению исследователя Н.В. Злыдневой, путем «репрезентации усеченной и/или демонизированной телесности». И если, например, в 1930-е годы «культура словно призывала катастрофу» [9 с. 170], продуцируя страх в широком художественном поле, то после войны это была рефлексия на конкретный, уже пережитый

страх и страшное вообще в виде которого и представляла война в памяти людей, прошедших через нее.

Что же произошло с художником, почему словно тяжелый душевный слом проложил черту в его творчестве между славящими подвиг героев войны монументальными произведениями и поздним камерным творчеством? К сожалению, на данный момент многочисленные дневники скульптора пока не найдены. Они могли бы пролить свет на истинную причину произошедшей с художником перемены. Однако рассказ его сына, скульптора Александра Цигалья, с которым отец много говорил о войне, способен отчасти пролить свет на эту тайну:

Мой отец – это героический романтизм. Он был идеалист. С одной стороны, война для него – это чувство победы. Ведь после войны был очень сильный подъем. А потом начинаешь наблюдать. И стали появляться рисунки, где все ломается, крушится. Отца преследовали кошмары, ужасы войны. Когда были живы однополчане – это была одна история, а когда их постепенно не стало – появилось ощущение ужаса².

В 1960-е годы дома у Цигалей была встреча боевых друзей. Сидели ветераны, Герои Советского Союза. После, когда они ушли, Владимир Цигаль сказал сыну: «Удивительно, у них ничего в жизни не было значимее, чем война»³. Все словно так и остались воевать. Почти ни у кого жизнь после войны не сложилась. Не были они приспособлены для мирной жизни, пережив такое. В.Е. Цигалья спасла профессия, творчество. Что он мог сделать для них как художник? Пожалуй, главное – он увековечил память о них в бронзе, на бумаге, в камне. Чтобы помнили...

Литература

1. *Васильев И.И.* Мемориал у Цемесской бухты. М., 1983. 18 с.
2. *Валериус С.С.* Скульптор Владимир Ефимович Цигаль. Л., 1963. 182 с.
3. *Кривцун О.А.* Предисловие // *Метаморфозы творческого Я художника.* М., 2005. 376 с.
4. *Цигаль В.* Не переставая удивляться. М.: Творчество, 1997. 362 с.
5. *Цигаль В.Е.* Десантный батальон // *Да Нет.* М., 2006. 163 с.
6. *Хренов Н.А.* Воля к сакральному. М., 2006. 571 с.

² Из беседы с сыном В.Е. Цигалья А.В. Цигалем. Записано 9.10.2018.

³ Там же.

7. Цигаль В.Е. Мои друзья – малоземельцы // Алфавитный погост. М., 2006. 177 с.
8. Цигаль В.Е. Не переставая удивляться. Кн. 2. М., 1994. 237 с.
9. Злыднева Н.В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М., 2013. 360 с.

References

1. Vasil'ev II. Memorial at Tsemess Bay. Moscow, 1983. 18 p.
2. Valerius SS. Skulptor Vladimir Efimovich Tsigal. Leningrad, 1963. 182 p.
3. Krivtsun OA. Introduction. *Metamorphoses of the creative self of the artist*. Moscow, 2005. 386 p.
4. Tsigal V. Never ceasing to wonder. Moscow: Tvorchestvo Publ.; 1997. 362 p.
5. Tsigal VE. Landing battalion. *Yes No*. Moscow, 2006. 163 p.
6. Khrenov NA. The will to the sacred. Moscow, 2006. 571 p.
7. Tsigal VE. My friends are malozemeltsy. *Alphabetical graveyard*. Moscow, 2006. 177 p.
8. Tsigal VE. Never ceasing to wonder. Book two. Moscow, 1994. 237 p.
9. Zlydneva NV. Visual narrative: experience of mythopoetic reading. Moscow, 2013. 360 p.

Информация об авторе

Ирина Н. Седова, Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия; 119017, Россия, Москва, Лаврушинский пер., д. 10; ira-sedova@mail.ru

Information about the autor

Irina N. Sedova, State Tretyakov Gallery, Moscow, Russia; bld. 10, Lavrushikskii lane, Moscow, Russia, 119017; ira-sedova@mail.ru

Развитие театрально-декорационного искусства
в России с середины XIX в.
до возникновения Художественного театра

Ольга В. Зайчикова

*Российская академия театрального искусства – ГИТИС,
Москва, Россия,
olga.zaychikova@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются основные стилистические тенденции театральной живописи второй половины XIX столетия, прослеживается, как декорация постепенно низводится в ряд искусств вспомогательных, не имеющих в спектакле сколько-нибудь значительной художественной ценности. Автор намечает черты развития декорационного искусства каждого десятилетия начиная с 50-х годов XIX в. Отчетливо рассказывает о смене театрально-декорационной живописи на сценографию в современном значении слова. Часть статьи посвящена анализу оформления драматических спектаклей в императорских театрах.

Огромная жизненная сила и прогрессивность передвижников, плодотворность их художественного метода сказались в том, что именно передвижник Симов оказался тем художником, который впервые внедрил систему Станиславского в театрально-декорационное искусство. Очевидно, что опыт предыдущих лет дал основу для дальнейшего развития всего искусства театральной декорации в целом. Именно это дало возможность создателям МХТ многое переосмыслить и внедрить новые идеи.

Ключевые слова: сценография, художник, пространство, режиссура, мизансцена, драматургия

Для цитирования: Зайчикова О.В. Развитие театрально-декорационного искусства в России с середины XIX в. до возникновения Художественного театра // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 145–156. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-145-156

The development of theatre and scenery art in Russia from the middle of the 19th century till the art theater foundation

Olga V. Zaychikova

*Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), Moscow, Russia,
olga.zaychikova@gmail.com*

Abstract. In this article the author examines the main stylistic trends of theatre scenery in the second part of the 19th century. It is also noted that the scenery is gradually relegated to a kind of supporting art not having any significant artistic value in the performance. The author outlines the features of the development of scenery art in each decade beginning from the middle of the 19th century. She clearly tells about the substitution of theatre-scenery art for the scenography in its up-to-date meaning. In one part of this work the author analyzes scenery of some drama performances in the imperial theaters.

The tremendous vitality and progressiveness of the Wanderers (“peredvizhniks”), the fruitfulness of their artistic method, was reflected in the fact that it was the Wanderer (“peredvizhnik”) Simov who was the first to introduce the Stanislavsky system into theatre-scenery art. Obviously, the experience of previous years provided the basis for the further development of theatre scenery art as a whole. That particularly enabled the Moscow Art Theatre founders to rethink a lot and introduce new ideas.

Keywords: scenography, artist, space, directing, mise-en-scene, dramatic art

For citation: Zaychikova OV. The development of theatre and scenery art in Russia from the middle of the 19th century till the art theater foundation. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019;2:145-156. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-145-156

Введение

В начале XX в. художник театра становится сорежиссером, а в большинстве случаев ведущим и определяющим в спектакле пластику поведения актеров, характер мизансцен, динамику действия, его темп и ритм. Сейчас невозможно представить работу режиссера без сотрудничества с художником. Без работы сценографа трудно предположить, что может получиться высокохудожественное произведение под названием «спектакль». Чтобы яснее представить то новое, что было внесено в искусство сценографии Московским Художественным театром в лице В.А. Симова, необходимо оглянуться назад и понять, что происходило в театрах и что представляла собой внешняя форма драматического спектакля второй половины XIX в. и на рубеже XIX–XX вв.

Для подробного изучения спектаклей важны были воспоминания современников и критические статьи, которые были опубликованы в книге «Московский Художественный театр в критике: 1898–1925».

Проследить развитие «художественного произведения» по имени МХТ с привлечением массы документов можно по книге Инны Соловьевой «Художественный театр. Жизнь и приключения одной идеи». Автором разрабатывается тема сотворения театра во времени как единого и цельного произведения.

Книга И.Я. Гремиславского «Композиция сценического пространства в творчестве В.А. Симова» много добавила к пониманию работы художника в непосредственной связи с режиссером. В первую очередь интересны были изданные режиссерские экземпляры Константина Сергеевича Станиславского и Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

До МХТ драматический театр не использовал так полно и всесторонне синтетическую силу театрального искусства, не умел слить воедино цвет, свет, звук на сцене и достичь того, чтобы декорация стала неотделимой от жизни действующих лиц и помогала раскрывать психологическую и социальную атмосферу пьесы, как подлинный соучастник сценического действия. Таким образом, задачи работы состоят в изучении и выявлении режиссерско-постановочных «секретов» Художественного театра, в проникновении в его творческий метод, а также в метод его первого художника – Виктора Андреевича Симова. Основной задачей исследования является попытка сместить акцент в изучении сценографии с изменений театрально-декорационного искусства на создание игровых точек для актеров.

Развитие театрально-декорационного искусства во второй половине XIX в.

Искусство оформления существовало в театре с самого момента его возникновения как вида художественного творчества. В те далекие времена, когда самой профессии театрального художника еще не было, спектакли оформляли актеры или мастера, изготавливавшие маски, костюмы, вещественные элементы для ритуально-обрядовых действий и фольклорных представлений. Архитекторы включали в свои театральные постройки декорационные элементы (например, устройства для подъемно-опускных стенок – занавесов). Архитектор эпохи Возрождения Брунеллески закладывал в конструкцию своих церковных зданий механизмы, позволявшие устраивать полеты, вознесения и т. д. во время определенных праздников.

Сегодня же, в современном театре, художник занимает особенно важное место. Без его участия просто невозможно представить себе подлинно совершенной, целостной во всех своих компонентах постановки как произведения театрального синтеза.

Для оценки декорационного оформления XIX в. мы имеем скудный материал: с одной стороны, это небольшой набор сохранившихся эскизов, с другой – заметки современных критиков, как правило больше говоривших об игре актеров.

В 1850-е годы романтическое направление во всех видах искусства оказалось исчерпанным, в том числе и в театрально-декорационной живописи. Самого понятия «сценография» в современном смысле еще не существовало, поэтому следует говорить именно о театрально-декорационной живописи.

Оформлению драматических спектаклей в императорских театрах по давно укоренившейся «традиции» уделялось минимальное внимание, а на расходы на постановки пьес на темы современной жизни дирекция императорских театров была в особенности не щедра. Если «подходящих» декораций не находилось в запаснике театра и приходилось делать заново специальную декорацию, то ее затем использовали в других спектаклях из года в год, из десятилетия в десятилетие, невзирая ни на возросшие требования к художественному решению драматургии, которым декорация давно не соответствовала, ни на развитие сценической техники. Существовал стандартный набор декораций, изображающих «лес», «замок», «тюрьму», «богатую» и «бедную» комнату, которые применяли для постановки самых различных пьес. Рассматривая основные стилистические тенденции театральной живописи второй половины XIX столетия, мы видим, как декорация постепенно низводится в ряд искусств вспомогательных, не имеющих в спектакле сколь-нибудь значительной художественной ценности. И все же, несмотря на эти неблагоприятные условия, процесс развития театральной живописи не прерывался. Стоит наметить черты развития декорационного искусства каждого десятилетия начиная с 1850-х годов.

В 1850-е годы считался модным стиль А. Роллера, у которого было множество последователей. В его творчестве наиболее ярко отразились черты академического романтизма. Вскоре выявились бесперспективность и разложение школы Роллера, стиль его устарел, стал нежизненным, невыразительным, потому что новый репертуар требовал принципиально иного художественного воплощения.

В 1860-е годы появляется много новых имен. К примеру, Альберт Бредов, который выполнял декорации ко многим операм Глинки. Именно в эти годы, как утверждают критики, в театрах начали появляться декорации и костюмы совершенно нового типа,

отличные от роллеровских. Возросла потребность в декорациях, отражающих национальный дух.

В 1870-е годы можно выделить два имени, которые повлияли на дальнейшее развитие декорационного искусства в русском театре, – это Матвей Андреевич Шишков и Михаил Ильич Бочаров. Однако, театральные работы, к примеру Шишкова, по-прежнему суховато однообразны. Он не сумел создать на сцене произведений высокой художественной ценности. Хотя в декорациях и Шишкова и Бочарова уже все более явным становится стремление к образному соответствию драматургии.

Театральная декорация постоянно обретала новые формы сценической выразительности. Можно вспомнить имя П.А. Исакова. Опираясь на драматургию А.Н. Островского, он впервые с позиций художника-реалиста решает в декорациях современную социально-бытовую тему.

Театр в первую очередь держится на драматургии. Именно она диктовала создателям спектакля правила постановки, драматург стоял всегда на первом месте. В 1850-е годы появляется драматургия Александра Николаевича Островского, которая требует совершенно особого актерского исполнения и соответственно иного визуального ряда. Пьесы Островского – грандиозное художественное полотно, изображающее жизнь самых разных классов и сословий второй половины XIX в. Это действительно была неведомая страна. Образ жизни ее обитателей, их язык, нравы, обычаи, уровень культуры, образности раскрываются на страницах драм, сцен и комедий Островского с исчерпывающей полнотой.

1860-е годы были временем, когда пьесы Александра Николаевича начали ставиться на сценах. Именно они повлекли за собой целый ряд изменений, произошедших в театрально-декорационном искусстве. Вслед за романтизмом приходит реализм, требующий достоверности и натуральности в оформлении. Пьесы Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, А.В. Сухова-Кобылина были той благодатной основой, на которой росла русская реалистическая декорационная школа. Новая драматургия нуждалась в правдивом воспроизведении обстановки, реалистическая, жизненно правдивая обстановка для русского спектакля стала насущно необходимой. Драматургия нуждалась в социально-характерной декорации, которая соответствовала бы образам, созданным авторами и воплощенным актерами на сцене.

В 1860–1870-е годы в театр начинают привлекать археологов и архитекторов для работы над спектаклем. Они принесли в театр документальное знание, документальную точность и достоверность в деталях обстановки, в костюмах.

Археологи стали использовать на сцене достоверные одежды, утварь, оружие и проч. Однако сразу же археологи, работавшие

в качестве театральных художников, наткнулись на задачи, которые не могли разрешить. Основным их пороком были неспособность передать образ природы, неумение творчески перерабатывать исторические источники. Но историко-археологическое течение в театральной живописи отразило одну из существенных сторон всей художественной культуры того времени, тяготеющей к выявлению национального. В.В. Стасов сумел подметить начало переломного момента в театре, когда перестали уповать все только на своих цеховых, казенных заправил, которым полагалось все знать, все уметь потому только, что они в штате и на службе; стали обращаться за советом и указаниями к профессорам и другим специалистам – историкам, археологам, живописцам, архитекторам.

Думаю, не зря впоследствии Художественный театр открылся исторической пьесой А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Появляется желание с новых позиций понять национальное своеобразие России. Увлечение национальным в 1860-е годы приобретает все более широкие масштабы. Копирование отдельных мотивов древнерусской архитектуры сменяется более широким воспроизведением национального стиля. Постановка новых исторических пьес и возобновление опер Глинки и Даргомыжского способствовали развитию нового направления в декорационном искусстве.

Историко-археологическая линия в декорационном искусстве дала более значительные результаты в драматическом спектакле, которому гораздо ближе оказалось эпически конкретное воссоздание прошлого, начавшее преобладать в драматургии, историческом романе, живописи. Новый строй реалистического спектакля, непринужденность сценического поведения актера, богатейшая интонационная выразительность его речи требовали такой же естественной и правдивой зрительной среды. Однако, осуществляя постановку драматического спектакля, режиссер целиком сосредоточивался на актере, а декорации были лишь необходимым, но пассивным фоном, индифферентным к протекающему на сцене действию. Проблема сценического ансамбля не вставала еще тогда перед русской театральной культурой.

Серьезный вклад в мировое искусство оформления спектаклей внес Мейнингенский театр. Хочется пунктирно наметить то новое, что произвело впечатление на Станиславского – будущего основателя Художественного театра – после посещения гастролей труппы в России. Главным пафосом мейнингенцев был пафос историзма. Театр предложил воспринять историю живо, «на ощупь», в ее предметном, материальном облики. Они в художественной форме воскрешали историю. И так было во всех не только исторических пьесах, но и таких, где история лишь фон. Другой особенностью

мейнингенцев была та необычайная точность, которую они соблюдали в изображении действительности, и особенно действительности исторической, и которая делает их непосредственными предшественниками натуралистического театра. Пейзажи и улицы у них были непосредственным местом действия актеров, которые передвигались среди домов и деревьев, а не в специально отведенном пространстве, в пустом четырехугольнике, обрамленном декорациями и кулисами; мейнингенцы, например, первые пользовались неровным полом сцены, когда это было нужно (луг, лес, пир Валленштейна). Массовые сцены являлись одним из величайших достижений Мейнингенского театра. Вместо отряда солдат или оперного хора, который совершенно равнодушно, механически стоял или двигался на прежней сцене, не мешая зрителю сосредоточивать все свое внимание на знаменитом солисте, мейнингенцы создали настоящие шедевры из массовых сцен.

Начало 1880-х годов не внесло существенных изменений в общий ход развития театральной декорации, особенно в императорских театрах. В то время, когда в станковом искусстве начались поиски нового художественного идеала, обновления структуры изобразительной формы в декорационном искусстве, по крайней мере в императорских театрах, пока не происходит. Правда, уже в эти годы деятельность Мамонтовского кружка, а затем и первой Частной русской оперы приводит к новому подъему декорационного искусства. Оперные спектакли воспитывали в зрителе требования правды сценического действия, декорации привлекали не роскошью и эффектностью сценических трюков, а единством поэтического замысла. В театр художники Частной русской оперы привнесли поэтическое восприятие подлинного народного творчества, русской архитектуры и русской природы. Многообразие творческих начинаний в кружке Мамонтова способствовало формированию идеи художественного синтеза. Ведущие художники мамонтовского кружка стремятся обрести свободный артистизм манеры, художественный универсализм, помогающий им выйти за пределы одного лишь станкового искусства. Они обращаются к архитектуре и декоративному творчеству, скульптуре и театральной декорации, разрабатывая формы, характерные для нарождающегося нового художественного стиля. В результате широкого синтетического охвата разных видов искусства, и прежде всего декоративного творчества, вырабатывались новые принципы и в оформлении спектакля. В театрально-декорационное искусство приходят братья Васнецовы, К. Коровин, М. Врубель, В. Серов, В. Поленов и другие. Творчество каждого из этих художников различно преломилось в декорационном искусстве, каждый из них внес свой своеобразный вклад в утверждение новых принципов сценического оформления.

Художественный театр и оперу Мамонтова роднило и объединяло многое: борьба с рутинной и штампами в сценическом искусстве, стремление к жизненной правде, идеи изобразительной режиссуры, задача создать общедоступный театр, нужный широкому демократическому зрителю. Реалистическое преобразование искусства сцены было их общей целью, и, борясь за достижение этой цели, Художественный театр опирался на многое, что уже было сделано талантливым коллективом Частной оперы, которая, по словам Станиславского, дала «могучий толчок» развитию музыкальной культуры и декорационного искусства. Целый ряд требований, которые уже в ту пору Станиславский предъявлял к искусству театральной декорации, не мог быть осуществлен в практике Частной оперы, как в театре музыкальном, более условном по своей природе, чем театр драматический.

В отличие от новых театральных организмов, состояние театрально-декорационного искусства на императорских сценах в 1880–1890-е годы значительно ухудшилось. Условия работы в театрах не только не могли обеспечить дальнейший рост и развитие русского оформительского искусства, но и тормозили его. Продолжавшая существовать система типовых декораций препятствовала созданию целостного художественного решения спектакля. Она неизбежно должна была привести и к крайней унификации декораций. Продолжали господствовать старые, окончательно исчерпавшие себя приемы, малоплодотворные сами по себе. Эти нерушимые штампы, переходя от одного поколения театральных живописцев к другому, уже давно потеряли свой художественный смысл. Ни постановщика, ни тем более художника не интересовали тогда задачи индивидуального изобразительного решения спектакля, организации сценического пространства. Традиционные, раз навсегда установленные планировки определяли построение мизансцен, где движение и переходы совершались обычно по переднему плану, вдоль рампы, а оформление оставалось статичным фоном, мало соотношенным с характером пьесы и самого действия. Зачастую декорации и обстановка драматического спектакля поражали своим несуразным обликом. В работе над постановками русских исторических пьес и опер художники все реже искали новые решения, ограничиваясь когда-то найденными. В 1880-е и начале 1890-х годов в немногих постановках и возобновлениях от декораторов императорской сцены требуется не столько выражение идей, заложенных в драматургии и музыке, сколько роскошь и блеск обстановки.

По-прежнему одна и та же декорация служила для несходных по характеру пьес, принадлежащих перу самых различных авторов. По-прежнему три стены театрального павильона с традиционными

тремя дверьми, однотипными или просто одинаковыми обоями и симметрично развешанными по стенам картинами, смыкались и вокруг живых персонажей А. Островского, А. Грибоедова, Н. Гоголя, И. Тургенева, А. Сухово-Кобылина, и вокруг шаблонных картонных «героев» ремесленной драмы. В пределах самого императорского театра реформаторскую работу вел актер и режиссер А.П. Ленский. Он резко критиковал всю систему постановочного дела и декорации, бытующие на казенной сцене. В статье «По поводу декоративной живописи» Ленский писал:

На сцене все стоит в такой тесной зависимости друг от друга, что нельзя нанести ущерба чему-либо без ущерба всему сложному организму ее. Здесь каждый из участников может мешать и каждый способствовать единству спектакля. Поэтому все служит каким-либо исключительным целям¹.

Ходило мнение, что сила актеров того времени настолько велика, что совершенно излишне задумываться над обстановкой, в которой они пребывают. Но тем самым игра актера в спектакле приравнивалась к исполнению на концертной эстраде. И как ни велико было обаяние актеров, окружавшие их на сцене безвкусица, банальность и нелепица, вступавшие зачастую в противоречие с доводами простого здравого смысла, бросались в глаза. Становилось очевидным, насколько примитивны и однообразны были мизансцены и переходы. И это повторялось из акта в акт, из пьесы в пьесу, независимо от характера действия, от ее эмоционального содержания, от настроения, т. е. от тех категорий, которые спустя некоторое время стали просто необходимыми для создания спектакля. Сложно было существовать актерам в таком пространстве, они не ощущали никаких ассоциаций с живой действительностью. Ничто за кулисами и на сцене не возбуждало в них ощущения живой правды. Когда актер выходит на сцену, обставленную по шаблонам, то он сразу ощущает эту условную театральную атмосферу: вся обстановка повернута лицом в сторону занавеса, вытянута в одну линию или загромождена разными предметами для создания условных опорных пунктов. Для того чтобы актер в своих переживаниях был верен жизни, надо было, чтобы и окружающая его сценическая атмосфера давала ему, в свою очередь, ту иллюзию жизни, без которой ему трудно было бы ощущать себя в атмосфере, близкой к реальности. В.А. Симов вспоминал о театральных декорациях этой поры, как о произведениях антихудо-

¹ *Ленский П.А.* По поводу декоративной живописи // *Ленский П.А.* Статьи. Письма. Записки. М.: Искусство, 1950. С. 174.

жественных и бессодержательных, никак не оправданных сценическим действием:

Была в глаза условность, отсутствие жизни, нарочитость. Комната богатого дома и угол бедняка – одинаково во всю сцену; двери обязательно в центре и по бокам; мебель стоит симметрично, обои либо малиновые штофные, либо дешевые канареечные².

Основная беда декорационного искусства императорских театров и заключалась в том, что оно существовало вне связи с режиссурой, вне задач общей образной трактовки спектакля. Могли создаваться декорации, более талантливо написанные, удачно задуманные композиционно, превосходно выполненные технически, но все это были отдельные, не связанные между собой, разрозненные картины. Не случайно «покартинный» метод оформления спектаклей, когда декорации писались целой группой художников, распределявших между собой исполнение их согласно своей специализации в области пейзажной или архитектурной сценической живописи, сохранялся в практике императорских театров вплоть до первого десятилетия XX в. включительно.

П.П. Гнедич указывал на то, что все интерьерные декорации были построены по одному и тому же планировочному трафарету, имея вид «правильного четырехугольника», а мебель в них располагалась «престранно: сиденьями в одну сторону – по направлению зрителя».

Вспоминая о постановочных «принципах» этой поры, Станиславский писал:

В то время декорационный вопрос в театре разрешался обычно очень просто: задник, четыре-пять кулис с арками, на которых написан дворцовый зал с ходами и переходами, с открытой или закрытой террасой, с видом на море и проч. ... На сцене царил роскошный павильон ампир или рококо, писанный по трафарету, с полотняными дверями, шевелившимися при раскрытии и закрытии их. Двери сами открывались и затворялись при входе артистов на сцену³.

Оформление драмы, комедии и водевиля по существу ничем не отличалось, ибо в характеристике интерьера или пейзажа декоратор следовал принципу примитивного правдоподобия обстановки, не задумываясь о характере сценического действия, о различии

² *Симов В.А.* Моя работа с режиссерами. Музей Художественного театра. Д. 5132/3. Л. 8.

³ *Станиславский К.С.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 1: Моя жизнь в искусстве / Ком. И.Н. Соловьевой. М.: Искусство, 1988. С. 235.

его ритма, стиля, об образной трактовке его среды. «Игровая» часть сцены обычно представляла собой пустое пространство передних планов с ровной обнаженной поверхностью планшета, на котором справа и слева от центра размещались немногочисленные предметы обстановки – трон, кресла, столы и стулья.

В драматическом театре режиссура спектаклей, поскольку вообще в эту пору можно говорить о режиссуре, осуществлялась самим коллективом актеров, выработавших ансамбль, общую целостность актерского исполнения. Но, как правило, эта режиссура не касалась изобразительной стороны постановок.

Дело даже не в приблизительности оформления, а в том, что правдоподобие деталей и даже следование «натуре» в отдельных пейзажных или интерьерных декорациях художников императорской сцены не было связано с задачами образной трактовки темы произведения, не преследовало цели раскрыть дух и характер музыки или стиля и особенностей творчества драматурга.

Заключение

Необходимо сказать и о том, что примерно в это время стремление использовать достижения своего искусства всесторонне и многообразно привело ряд художников-передвижников в театр: В.Д. Поленов, В.М. Васнецов. Виктор Симов тоже относился к младшему поколению передвижников, только в отличие от своих старших товарищей ему удалось поработать в тандеме с великими режиссерами своего времени. Огромная жизненная сила и прогрессивность передвижников, плодотворность их художественного метода сказались в том, что именно передвижник Симов оказался тем художником, который впервые внедрил систему Станиславского в театрально-декорационное искусство. Симову принадлежит роль вдохновенного открывателя новых возможностей изобразительного искусства на сцене. Творческий метод совместной работы режиссеров МХТ с художником Симовым был назван «изобразительной режиссурой МХТ» [1 с. 264]. В итоге безостановочного процесса творческих исканий именно Художественный театр дал всестороннюю подготовку декоратору нового типа – соавтору и сопостановщику режиссера, сознательному истолкователю жизни и драматургии, преданному другу актера, помогающему ему глубоко и правдиво раскрывать свои образы на сцене.

Очевидно, что опыт предыдущих лет дал основу для дальнейшего развития всего искусства театральной декорации в целом. Именно это дало возможность создателям МХТ многое переосмыслить и внедрить новые идеи.

Литература

1. *Пожарская М.Н.* Русское театральное-декорационное искусство конца 19 – начала 20 века. М.: Искусство, 1970. 411 с.

References

1. Pozharskaya MN. Russian Theatre and Scenery Art in late 19th – early 20th century. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1970. 411 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга В. Зайчикова, Российский институт театрального искусства – ГИТИС, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Малый Кисловский переулок, д. 6; olga.zaychikova@gmail.com

Information about the author

Olga V. Zaychikova, Russian Institute of Theatre Arts – GITIS, Moscow, Russia; bld. 6, Malyy Kislovskii lane, Moscow, Russia, 125009; olga.zaychikova@gmail.com

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Н.К. Егорова

Компьютерная верстка

Е.В. Амосова

Подписано в печать 25.06.2019.
Формат 60 × 90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 548

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru